

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское славяноведение

1
1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское славяноведение

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

1966

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Н. Чемпалов.</i> Усиление позиций германского капитала в Болгарии в 30-е годы XX в.	3
<i>З. Сладек, М. Шванкмайер (ЧССР).</i> Буржуазная историография о чехословацко-советских отношениях	12
<i>П. Ольшанский.</i> К деятельности Веры Хоружей в Западной Белоруссии в 1924—1925 годах	18
<i>Г. Я. Ильина.</i> Основные тенденции развития хорватской литературы в межвоенный период (1918—1941)	25
<i>М. М. Копыленко.</i> Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности?	36

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>И. Сцирида.</i> Из истории культурного строительства Народной Польши (Изобразительное искусство)	42
<i>Е. М. Поспелов.</i> Некоторые картографические вопросы лингвистической географии	52
<i>Ю. Подгуречный (ПИР).</i> Польский крестьянин под мечом прусского закона	64
<i>И. Д. Очак.</i> Неизвестное письмо Филипа Филипповича	66

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>Е. Л. Немировский.</i> Новые труды по истории славянского первопечатания	69
<i>А. В. Каллош.</i> Новая литература по истории югославского театра	79
<i>А. Я. Манусевич, А. Х. Клеванский.</i> Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус	83
<i>В. А. Моторный, В. Я. Гордиенко.</i> Монография по истории общественной мысли в Галичине	86
<i>А. Виноградова.</i> Новая книга о словацком крестьянстве	87

<i>Л. С. Кишкун.</i> Вилем Мрштик в борьбе за чешское реалистическое искусство	89
<i>К. Генов</i> (НРБ). Две книги о современной болгарской литературе	92
<i>С. Шерлаимова.</i> Новое исследование по истории чешской поэзии	94
<i>Т. Попова.</i> Стойко Стойков. Българските народни говори	97

З а м е т к и о к и н г а х

<i>С. Н. Злупко, Я. С. Хонигсман.</i> Критика экономических концепций чешского реформизма	99
<i>Ю. Д. Беляева.</i> Илия Конев. Българо-сръбски литературни взаимоотношения през XIX век (до освобождението)	99
<i>Е. Лъвова.</i> Книга по истории болгарской эстетической мысли	101
<i>С. Б. Бернштейн, К. Мирчев, Х. Кодов.</i> Ениински апостол. Старобългарски паметник от XI в.	102

Б и б л и о г р а ф и я

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1965 г. (продолжение)	104
Содержание иностранных журналов	107

Н А У Ч Н А Я Ж И З Н Ъ

<i>С. Н.</i> Славянская проблематика на XII Международном конгрессе историков в Вене	111
<i>Е. П. Наумов.</i> Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы	112
<i>И. Г. Матвияс.</i> Конференция по украинской диалектологии	113
<i>Б. Н. Путилов.</i> В секторе народного творчества Института русской литературы АН СССР	115
<i>Н. М. Меньшова, З. Г. Самодурова.</i> В секторе византиноведения Института истории АН СССР	117
<i>И. В.</i> Защита дипломных работ на кафедре истории западных и южных славян МГУ	118
Хроникальные заметки	119
В Институте славяноведения АН СССР	120

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

<i>В. Матула</i> (ЧССР). Пятый съезд словацких историков	121
<i>М. Неври</i> (ЧССР). Институт мировой литературы и языков Словацкой академии наук в Братиславе (Проблемы и перспективы)	122
<i>П. Лососский</i> (ПНР). Сектор истории СССР и Центральной Европы Института истории Польской академии наук	125
<i>Л. Титова.</i> IX Летняя школа славистов в Праге	126
<i>Л. В.</i> Новый журнал по балканистике	127

Р Е Д А К Ц И О Н Н А Я К О Л Л Е Г И Я:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
 Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
 Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора),
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ,
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

И. Н. ЧЕМПАЛОВ

УСИЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ГЕРМАНСКОГО КАПИТАЛА В БОЛГАРИИ В 30-е ГОДЫ XX в.

В период между первой и второй мировыми войнами ключевые экономические позиции Болгарии находились под контролем иностранного финансового и монополистического капитала, интересы которого представляли Франко-Бельгийский и Балканский банк, Генеральный банк, Anglo-Пражский кредитный банк, Итalo-Болгарский торговый банк и Кредитный банк (германский капитал). Вокруг каждого из этих банков группировался широкий круг дочерних предприятий и акционерных обществ. Наряду с этим, в Болгарии имелось несколько крупных центров болгарского финансового, промышленного и торгового капитала, тесно связанных с иностранными банками и монополиями. Крупнейшим болгарским банком был Банк болгарского кредита¹. Его клиентами являлись почти все крупные торговые и промышленные предприятия страны. Особенно крупную роль этот банк играл в кредитовании болгарской внешней торговли. Правление Банка болгарского кредита состояло из государственных чиновников и представителей торговых и промышленных кругов, связанных с германским капиталом². Другим крупным национальным банком был Болгарский торговый банк. Вокруг него группировалось 15 обществ, он был также связан с десятками других промышленных и торговых предприятий, в том числе с акционерным обществом «Гранитоид»³. С 1937 г. Болгарский торговый банк становится на путь тесного сотрудничества с Дрезденским банком⁴.

Целые отрасли болгарской промышленности, внутренней и внешней торговли находились под контролем иностранного капитала⁵. Вся торговля нефтепродуктами на болгарском рынке была сосредоточена в руках иностранного акционерного общества «Петрол»⁶. Иностранный капитал осуществлял контроль и над болгарским сельским хозяйством. Иностранные

¹ Из 395 000 акций этого банка по 1000 левов государству или Болгарскому народному банку принадлежало 344 179 акций. Ж. Наташ, Л. Беров. Монополистический капитализм в България. София, 1958, стр. 252.

² Там же, стр. 252.

³ Там же, стр. 242—247.

⁴ Там же, стр. 248.

⁵ Например, в табачной промышленности ему принадлежало 68,5% капиталовложений; в пищевой — 62%; в строительной — 59%; в бумажной — 54,5%; в электроэнергетической — 34,5%; в химической — 33,5%; в сахарной — 32,2%; в текстильной — 30,3%. Л. Б. Валев. Экономика Болгарии накануне второй мировой войны. — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, № 32, М., 1961, стр. 16.

⁶ Согласно так называемой «Болгарской конвенции», заключенной в 1932 г. между крупнейшими международными нефтяными монополиями, «Стандарт ойл оф Нью Джерси» получил право ввозить в Болгарию 31% нефтепродуктов, «Англо-Иранская нефтяная компания» — 31%, «Роял Дэти Шелл» — 17% и франко-бельгийская компания «Петрофина» — 21%. Б. Петровски. Как международный нефтен картел ограбил българский народ. — «Икономическа мисъл», 1958, № 6, стр. 73—79.

экспортные компании скупали у болгарских крестьян табак, зерно, яйца, фрукты, овощи и другую сельскохозяйственную продукцию, главным образом через сеть болгарских торговцев-посредников. Скупка, обработка и экспорт листового табака находились в руках французской фирмы «Никотеа» (видную роль в ней играл австрийский капитал⁷), франко-бельгийской компании «Фабрик де таба ресни», Австро-Болгарского табачного общества, голландской компании «Холтаб», германского табачного концерна «Реемста» и ряда других иностранных компаний. Экспорт зерна из Болгарии находился в руках французского концерна «Луи Дрейфус» и австрийской фирмы «Гетрайде Хандель А.Г.»⁸.

Болгарский экспорт на 90% состоял из сельскохозяйственной продукции, причем на долю табака приходилось в 1924—1939 гг. от 32 до 45% всего экспорта. Ввозила Болгария главным образом промышленные потребительские товары, хлопок, нефтепродукты, сталь, железо, металлические изделия. Состав импорта свидетельствовал об экономической отсталости Болгарии и слабости сырьевой базы болгарской промышленности.

Наиболее сильные позиции в болгарской экономике до мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. занимал франко-бельгийский капитал, опорными пунктами которого были Франко-Бельгийский и Балканский банк и Генеральный банк. Видную роль в этих банках играл австрийский капитал.

Сотрудничество между французским и австрийским капиталом в балканских странах, в том числе в Болгарии, началось еще до первой мировой войны⁹.

После распада Австро-Венгрии австрийскому капиталу удалось сохранить значительную часть своих позиций на Балканах и, в частности, в Болгарии. «Лендербанк» и другие австрийские банки продолжали сотрудничать с французским капиталом в Балканском и Генеральном банках. Австрийскому капиталу принадлежали в Болгарии: акционерное общество «Юта», занимавшее монопольное положение на болгарском рынке по сбыту джутовых изделий; крупное строительное общество «Реле и Неффе»¹⁰, страховое общество «Данубиа»¹¹. Австрийскому акционерному обществу «Элин» принадлежало видное место во ввозе в Болгарию электрических машин, монтаже электрооборудования, сооружении высоковольтных линий; австрийские фирмы «Стомана-Бёлер» и «Штирия-Стомана» занимались ввозом стали, железа и металлических изделий¹²; австрийское акционерное общество «Гетрайде Хандель А.Г.» экспортировало из Болгарии зерно¹³; Австро-болгарское табачное общество экспортировало табак¹⁴. Наряду с Германией и Голландией, Австрия являлась наиболее значительным поставщиком радиоаппаратуры в Болгарию¹⁵.

Французские, английские и другие монополии использовали традиционные связи и опыт австрийской буржуазии в балканских странах в своих интересах. Австрийские банки и торговые компании играли роль связую-

⁷ А. Чакалов. Формы, размер и действенность чуждия капитала в България (1878—1944). София, 1962, стр. 83.

⁸ Там же, стр. 45, 85.

⁹ Там же, стр. 19.

¹⁰ Там же, стр. 77—78.

¹¹ Там же, стр. 87.

¹² Там же, стр. 81—82.

¹³ Там же, стр. 85.

¹⁴ Там же, стр. 85.

¹⁵ R. W. Кругманн. «Südosteuropa und Grossdeutschland». Breslau, 1939. S. 170.

щего звена и посредника между Парижем и Лондоном, с одной стороны, и странами Юго-Восточной Европы — с другой.

В течение всего межвоенного времени от половины до трех четвертей всего болгарского экспорта направлялось в Германию, Австрию и Чехословакию. На эти три страны приходилось также от 50 до 70 % болгарского импорта¹⁶. Крупнейшим покупателем болгарских товаров являлась Германия, она была вместе с тем и самым крупным поставщиком товаров в Болгарию. В 1934—1939 гг. на долю Германии приходилось от 42,7 до 67,8 % болгарского экспорта¹⁷. В эти же годы болгарский импорт в Германию составил от 41,1 до 65,5 %¹⁸. Серьезными конкурентами Германии в торговле с Болгарией как по объему, так и по структуре товарооборота были Австрия и Чехословакия¹⁹.

Германия, Австрия и Чехословакия поставляли в Болгарию сталь, железо, металлические изделия, машины, текстильные товары, электрооборудование и покупали у нее главным образом табак и яйца. В 1924—1929 гг. вывоз болгарского табака в Германию, Австрию, Чехословакию и Италию составлял $\frac{3}{4}$ всего экспорта болгарского табака, в том числе в Германию — $\frac{1}{3}$ ²⁰.

Несмотря на то, что основные отрасли экономики Болгарии находились под контролем банков и монополий западноевропейских стран, ее внешнеторговые связи со странами Западной Европы были незначительны. Англия, Франция и Бельгия, располагавшие крупными источниками сырья в своих колониях, использовали продовольствие и сырье из балканских стран главным образом для сбыта в промышленно развитые страны Центральной Европы — Германию, Австрию и Чехословакию. Германские монополисты стремились избавиться от услуг иностранных посредников в торговле между Болгарией и Германией, устранить конкуренцию в торговле с Болгарией и другими странами Юго-Восточной Европы со стороны Австрии и Чехословакии, установить контроль над внешней торговлей Болгарии, превратить ее в свой аграрно-сырьевую призматик.

Угроза порабощения болгарского народа германским империализмом усилилась в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и накануне второй мировой войны. Болгария имела возможность защитить свою независимость с помощью Советского Союза, который в результате социалистической индустриализации превратился в могучую промышленную державу и мог поставлять в Болгарию машины, металлические изделия, сталь, нефтепродукты, хлопок и другие товары, в которых она нуждалась. Советское правительство неоднократно обращалось к болгарскому правительству с предложением установить дипломатические отношения и заключить торговый договор²¹, однако болгарские правящие круги упорно отказывались от нормализации отношений между Болгарией и СССР. Только в июле 1934 г. болгарское правительство согласилось установить дипломатические отношения с СССР, но по-прежнему препятствовало развитию торговли с Советским Союзом. За период с 1918 по 1939 г. весь товарооборот между Болгарией и СССР составил менее 17 млн. рублей²².

¹⁶ «Внешняя торговля капиталистических стран. 1929—1936 гг.». Стат. справочник. М.—Л., 1937, стр. 46—47.

¹⁷ См. «Статистически годишник на царство България». София, 1938, стр. 486—487; 1942, стр. 514—515.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В 1934 г. болгарский экспорт в Австрию составлял 5,3%, а в Чехословакию — 3,6%. Там же.

²⁰ L. Rassolsky. Bulgaria's Economic Position. Washington, 1930, p. 190.

²¹ В. Хаджи николов. Стоянски отношения и върезки между България и Съветския съюз до Девети септември (1917—1944 г.). София, 1956, стр. 102, 115.

²² «Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг.». Внешторгиздат, 1960, стр. 509—514.

Антисоветская политика правящих кругов Болгарии в немалой степени способствовала усилению ее зависимости от империалистической Германии.

Мировой экономический кризис имел для болгарской экономики чрезвычайно тяжелые последствия. Спрос на болгарские сельскохозяйственные товары на европейском рынке резко упал. Экспорт сократился с 6397 млн. левов в 1929 г. до 2535 млн. левов в 1934 г., а импорт — с 8325 до 2247²³.

В период мирового экономического кризиса французские, бельгийские, швейцарские и другие западноевропейские капиталисты начали вывозить из Болгарии свои капиталы. Франко-Бельгийский и Балканский банк закрыл большинство своих отделений в Болгарии, ограничил свою деятельность и Генеральный банк. В 1934—1938 гг., несмотря на некоторое улучшение состояния болгарской экономики, отлив бельгийских, французских, швейцарских и других западноевропейских капиталов не только не прекратился, но даже усилился. С 1935 по 1939 г. бельгийские капиталоизложения в Болгарии сократились с 525,7 млн. левов до 180,7; швейцарские — с 507,7 до 48; французские — с 240,2 до 130,3 млн. левов²⁴. В связи с усилением германской экспансии в Юго-Восточной Европе и обострением противоречий между Болгарией и странами Балканской Антанты западноевропейские банки и монополии стремились перевести свои капиталы из Болгарии в другие, более надежные места.

Германский империализм не замедлил воспользоваться ухудшением экономического положения Болгарии и ослаблением экономических позиций своих империалистических соперников. Первоначально гернская экономическая экспансия в Болгарии осуществлялась главным образом с помощью внешней торговли. В 1932 г. между Германией и Болгарией были заключены торговый договор и клиринговое платежное соглашение. Германские платежи за болгарские товары должны были производиться по двум счетам: А и Б. По счету А 30% стоимости таких товаров, как табак, зерно, яйца, кожи, масличные и фуражные культуры Германия должна была оплачивать в свободных девизах или поставлять в Болгарию вместо них хлопок, шерсть, шерстяную пряжу, олово, каучук, которые она покупала в других странах за девизы. По счету Б велись расчеты за все остальные товары и операции неторгового характера. Германия должна была экспорттировать в Болгарию продукцию на сумму, равную стоимости болгарских поставок в Германию. С самого начала действия германо-болгарского клирингового соглашения Германия вместо выплаты девизов по счету А предпочитала поставлять в Болгарию хлопок, каучук и другие товары, но по ценам более высоким, чем на мировом рынке. В 1937 г. из 10 387 т хлопка, ввезенного в Болгарию, на долю Германии приходилось 6892 т; в 1938 г. соответственно из 11 970 т — 8829 т²⁵. Таким образом Германия сохраняла девизы; одновременно с этим усиливалась внешнеторговая зависимость Болгарии от Германии.

Основным центром германского капитала в Болгарии являлся Кредитный банк. С этим банком были тесно связаны крупные промышленные и торговые общества — «Гранитоид», «Кораловаг», «Болгария», страховые общества «Нордшерн», «Виктория», транспортные компании «Интерконтиненталь» и «Шенкель». Акционерное общество «Гранитоид» владело капиталом в 750 млн. левов, десятью фабриками и заводами, двумя гидростанциями, двумя рудниками и рядом других предприятий²⁶. Основатель и

²³ «Внешняя торговля капиталистических стран. 1929—1936 гг.», стр. 46—47.

²⁴ Л. Б. Валев. Там же, стр. 17.

²⁵ «Статистически годишник на царство България. Година XXXIV». София, 1942, стр. 541.

²⁶ «Работническо дело», 1937, 15 декабря.

главный директор этого общества Эдуард Наудашер и председатель правления Адольф Наудашер входили в состав правления Кредитного банка²⁷.

До 1933 г. германские капиталисты не вкладывали больших средств в болгарскую промышленность и действовали главным образом в сфере обращения. После захвата Гитлером власти германская экономика была полностью переведена на военные рельсы. Фашистскому руководству приходилось считаться с тем, что в случае войны с западными странами Германия могла быть отрезана от заморских источников сырья. Нацистское руководство стремилось поставить сырьевые и продовольственные ресурсы стран Юго-Восточной Европы, в том числе и Болгарии, на службу германской военной машине.

После заключения германо-болгарского торгового договора 1932 г. германский капитал создал в Болгарии ряд экспортных фирм и установил свой контроль над многими болгарскими торговыми фирмами. Формально эти компании и фирмы являлись болгарскими предприятиями, фактически же они находились полностью или частично под контролем германского капитала. Так, например, крупнейший германский табачный концерн «Реемстма» превратил в 1933—1934 гг. болгарские табачные экспортные компании «Т. Таквоян», «Балкантабак» и ряд других в своих комиссаров, с помощью которых скупал у болгарских крестьян табак по принудительно устанавливаемым низким ценам²⁸.

С 1933 г., наряду с быстрым расширением германо-болгарского товарооборота по клирингу, активизировалась деятельность германского капитала в горной промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях болгарской экономики. Германские монополии начали создавать в Болгарии новые дочерние компании и скupать болгарские предприятия. Так, например, германский военно-промышленный концерн «И.Г. Фарбениндустири» создал в 1934 г. акционерное общество «Соя», которое занималось скупкой и экспортом сои в Германию. Кредитный банк скупил акции горнопромышленных компаний «Ерц», «Пирин». Значительно расширилась деятельность транспортных компаний «Интерконтиненталь» и «Шенкер». В 1935 г. Берлин дал указание всем германским экспортным и импортным фирмам в Болгарии пользоваться услугами компании «Шенкер»²⁹.

Германское экономическое и политическое влияние в Болгарии стало особенно быстро возрастать с осени 1935 г. после установления монархо-фашистского режима во главе с царем Борисом, представлявшего интересы наиболее реакционной и реваншистски настроенной болгарской крупной буржуазии, тесно связанной с германским капиталом.

С 1935 г. болгарское правительство стало на путь явного нарушения Нейского мирного договора. К концу 1938 г. болгарская армия была доведена до 70 тыс. человек³⁰ против 20 тыс., установленных Нейским мирным договором³¹. Она оснащалась танками, тяжелой артиллерией и другими видами вооружения, которое приобреталось главным образом в Германии. Болгарские монархо-фашистские правители стремились с помощью Германии осуществить перевооружение и пересмотреть в свою пользу военные и территориальные статьи Нейского мирного договора.

В 1937 г. царь Борис обратился к Герингу с просьбой в кратчайший срок предоставить Болгарии в кредит германское вооружение на сумму

²⁷ Ж. Натан, Л. Беров. Там же, стр. 209, 220.

²⁸ А. Чакалов. Там же, стр. 97—98.

²⁹ А. Чакалов. Там же, стр. 67, 85, 86.

³⁰ «Правда», 1939, 5 марта.

³¹ «Мир в Нейи». Перевод с французского текста под редакцией проф. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М., 1926, стр. 25.

в 100 млн. марок ³². 12 марта 1938 г. заместитель начальника торгово-политического отдела германского министерства иностранных дел К. Клодиус и глава болгарской делегации М. Рясков подписали секретный протокол, по которому германское правительство согласилось поставить Болгарию в кредит в течение двух лет вооружение на сумму в 30 млн. марок ³³. Болгарское же правительство дало согласие на заключение между акционерным обществом «Гранитоид», которому принадлежало «Пиринское горное общество» по добыче свинца и цинка, и германскими фирмами «Отто Вольф» и «Фельтон и Гильом Карлеверк А.Г.» соглашения о дополнительной поставке в Германию свинца и цинка на основе клиринга в течение 5 лет на сумму 1,5 млн. марок ежегодно ³⁴.

Германским монополиям удалось в 1935—1939 гг. поставить себе на службу почти всю болгарскую банковскую систему. Кроме Болгарского народного банка, финансировавшего поставки болгарских товаров в Германию по клирингу, германо-болгарскую торговлю и германские предприятия в Болгарии кредитовали Болгарский торговый банк, Банк болгарского кредита, Болгарский земледельческий и кооперативный банк, Общий союз народных банков и другие болгарские банки.

К концу 1937 г. Германии удалось занять чрезвычайно сильные позиции в болгарской внешней торговле. За пять лет действия германо-болгарского клирингового соглашения болгарский экспорт в Германию увеличился с 880 млн. левов в 1932 г. до 2163 млн. левов в 1937 г. Ввоз в Болгарию из Германии увеличился с 900 млн. левов до 2699. Усиление германских позиций в торговле с Болгарией произошло главным образом за счет Италии, Чехословакии и особенно Австрии. Болгарский экспорт в Австрию сократился за эти годы с 507 млн. левов (15%) до 202 (4%), а импорт из Австрии — с 208 млн. левов (6%) до 166 (3,4%)³⁵. Из всех балканских стран Болгария оказалась в наибольшей внешнеторговой зависимости от Германии.

Однако до 1938 г. Германии не удалось добиться монопольного положения в болгарской внешней торговле. Важнейшим препятствием к этому являлись Австрия и Чехословакия, которые имели все еще сильные позиции во внешней торговле и в экономике Болгарии (с Австрией, например, в 1933—1937 гг. Болгария имела активный торговый баланс, благодаря чему она добывала крайне необходимые для нее девизы). Торговля с Австрией, Чехословакией и другими странами давала возможность Болгарии маневрировать на европейском рынке и в известной степени сдерживать натиск гитлеровской Германии.

К концу 1937 г. перевооружение Германии было в основном завершено и гитлеровцы приступили к разработке конкретных планов агрессии. На совещании военно-политических руководителей 5 ноября 1937 г. Гитлер заявил, что Германия должна перейти к созданию своего «жизненного пространства». В качестве первоочередных жертв немецко-фашистской агрессии были намечены на этом совещании Австрия и Чехословакия. Захват Австрии и Чехословакии, заявил Гитлер, должен улучшить стратегические позиции Германии, освободить германские силы для осуществления других задач. Кроме того, Германия получит возможность сформировать 12 новых дивизий³⁶.

³² Dokuments on German Foreign Policy (Далее — DGFP), ser. D, v. V, doc. № 167, p. 233—234.

³³ Централен державен исторически архив (ЦДИА), ф. 176, оп. 7, д. 946, л. 117.

³⁴ DGFP, ser. D, v. V, doc. № 181, p. 254—255.

³⁵ «Внешняя торговля капиталистических стран. 1929—1936 гг.», стр. 46—47; «Внешняя торговля капиталистических стран. 1936—1939 гг.». Стат. справочник, 1941, стр. 48.

³⁶ DGFP, ser. D, v. I, doc. № 19, p. 36.

Аншлюсс в марте 1938 г. Австрии был ускорен и облегчен политикой правящих кругов западных держав. Захват Австрии гитлеровской Германией вызвал усиление реваншистского движения и среди правящих кругов Болгарии. Царь Борис и правительство Г. Къосеиванова стремились воспользоваться возникновением военно-политического кризиса в Центральной Европе для ликвидации военных ограничений и пересмотра территориальных статей Нейисского мирного договора в пользу Болгарии. Поэтому они шли навстречу политическим и экономическим домогательствам гитлеровцев. Аншлюсс привел прежде всего к усилению внешнеторговой зависимости Болгарии от Германии. 9 апреля 1938 г. германский посланник в Софии вручил болгарскому правительству ноту, в которой предлагалось как можно скорее направить в Берлин болгарскую торговую делегацию для переговоров о распространении германских таможенных и девизных законов на австрийскую территорию³⁷.

19 мая 1938 г. в Берлине был подписан секретный протокол, согласно которому «Договор о торговле и мореплавании между Болгарским царством и Германской империей от 24 июня 1932 г. со всеми относящимися к нему последующими соглашениями распространялся и на территорию бывшего федерального Австрийского государства»³⁸. С 1 июня 1938 г. все платежи между Болгарией и Австрией должны были осуществляться по германо-болгарскому клиринговому соглашению³⁹, австрийская задолженность Болгарии по товарообмену была перечислена на болгарский счет в «Дейче Феррехунгскассе» в Берлине⁴⁰. В результате распространения на болгаро-австрийский товарообмен клиринговой системы расчетов Болгария лишилась важного источника поступления девизов. После длительных и трудных переговоров Германия согласилась увеличить во втором полугодии 1938 г. поставки заморского сырья Болгарии (шерсти, хлопка и других товаров) на сумму до 6 млн. марок вместо 4,6 млн. марок в первом полугодии 1938 г.; при этом Болгария должна была выплачивать германским поставщикам заморского сырья премию в размере 20% от стоимости поставок. Германское министерство иностранных дел пыталось включить в счет этих 6 млн. марок стоимость сырья, затраченного на выполнение болгарских военных заказов в Германии, но болгарская делегация решительно воспротивилась этому, так как такой шаг практически свел бы к нулю обязательство Германии поставлять Болгарии заморское сырье⁴¹. Вскоре после захвата Австрии гитлеровцы выдвинули проект создания в Болгарии единого закупочного центра, с помощью которого они рассчитывали установить контроль над всем болгарским экспортом⁴². Даже в правящих кругах Болгарии заговорили об опасности превращения всей Центральной и Юго-Восточной Европы в германскую колонию. 13 мая 1938 г. болгарский посланник в Берлине П. Драганов посоветовал статс-секретарю германского министерства иностранных дел Вейцзекеру воздержаться от создания такого центра⁴³.

Важнейшим средством ограбления болгарского народа германскими монополиями являлись поставки германского оружия в Болгарию. В со-

³⁷ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, д. 1529, л. 2.

³⁸ Там же, л. 35—36.

³⁹ Там же, л. 60—61.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, оп. 7, д. 946, л. 31.

⁴² Этот проект гитлеровцам удалось осуществить через два года. 1 июня 1940 г. правительство Б. Филова создало «Дирекцию внешней торговли», которая призвана была всемерно содействовать экспорту болгарских товаров в Германию.

⁴³ П. Драганов просил также принять меры против «отдельных германских экзальтированных подданных, проживающих в Болгарии», действия которых, по словам Драганова, могли нанести ущерб германо-болгарским отношениям. ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 479, л. 29—30.

ответствии с секретным протоколом от 12 марта 1938 г. о поставке Болгарии германских военных материалов в кредит в апреле 1938 г. в Берлин прибыла болгарская военная делегация во главе с генералом Русевым, которая должна была разместить болгарские военные заказы на германских военных предприятиях. Однако это оказалось делом весьма нелегким. Германские военные промышленники запросили за оружие и военные материалы столь высокие цены и выдвинули такие кабальные условия, что даже такой германофил, как генерал Русев, счел их совершенно неприемлемыми. К концу мая германо-болгарские переговоры о размещении в Германии болгарских военных заказов зашли в тупик. Только после неоднократного вмешательства болгарского посланника в Германии П. Драганова вопрос о ценах и условиях выполнения болгарских военных заказов в Германии был уложен. Болгарское правительство должно было внести германским военным промышленникам аванс в размере 40% стоимости военных заказов. Необходимые средства для этого оно получило в кредит от «Дрезденербанка». Болгарская делегация согласилась, чтобы германское военное снаряжение для Болгарии принимала специальная приемная комиссия, составленная из немецких офицеров и военных специалистов⁴⁴.

Захватив Австрию, Германия устранила одного из самых сильных конкурентов в торговле с Болгарией и другими странами Юго-Восточной Европы. Однако усиление германских внешнеторговых позиций произошло не только за счет захвата австрийской доли в торговле с Болгарией, но и за счет дальнейшего ослабления позиций других соперников Германии, особенно Чехословакии. Если до весны 1938 г. австрийские банки и внешнеторговые компании являлись посредниками в финансовых и деловых операциях между западноевропейскими странами и Юго-Восточной Европой, то с весны 1938 г. они превратились в орудие германской экспансии в Юго-Восточной Европе. Так, например, Австро-болгарское табачное общество превратилось из конкурента «Реемстмы» в ее контрагента. Гитлеровцы превратили венский «Лендербанк», хорошо осведомленный о положении дел в промышленности и торговле стран Юго-Восточной Европы, в центр финансирования германской торговли с этими странами⁴⁵. После захвата Австрии в руках германских монополистов оказались также все австрийские капиталовложения в Болгарии и других странах Юго-Восточной Европы⁴⁶. По Версальскому договору, говорится в книге гитлеровского экономиста Кругманна, победители захватили германские активы в Юго-Восточной Европе. К счастью, Австрии удалось сохранить там свои позиции, которые Германия может теперь использовать⁴⁷.

В результате захвата Австрии гитлеровская Германия установила свой контроль над австрийским судоходством на Дунае и над всеми железнодорожными линиями, связывавшими страны Юго-Восточной Европы с Чехословакией и Западной Европой. Кроме отмены всех пошлин и сборов за транзит товаров в пользу Австрии, Германия добилась с 1 июля 1938 г. значительного сокращения железнодорожных тарифов за перевозку грузов из Германии и в Германию по венгерским и югославским железным дорогам⁴⁸. Одновременно с этим Германия получила возможность путем повышения тарифов на контролируемых ею речных и железнодорожных ли-

⁴⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 946, л. 117—119.

⁴⁵ R. W. Кругманн. Ibid., S. 90.

⁴⁶ После захвата австрийских и чехословацких активов германские капиталовложения в Болгарии увеличились со 114,2 млн. левов в 1934 г. до 183,2 в 1939 г. См. Ж. Наташ, Л. Беров. Там же, стр. 239.

⁴⁷ R. W. Кругманн. Ibid., S. 158.

⁴⁸ Ibid., S. 202.

ниях создавать серьезные препятствия в торговле стран Юго-Восточной Европы с Чехословакией и странами Западной Европы. С весны 1938 г. Германия стала препятствовать торговле между Болгарией и Чехословакией⁴⁹.

В течение 1938 г. Германия добилась решающих успехов в установлении своего контроля над болгарской внешней торговлей. Захватив Австрию и расчленив Чехословакию, она устранила двух самых сильных конкурентов в торговле с Болгарией. В 1938 г. болгарский экспорт в Германию увеличился в полтора раза и составил 3284 млн. левов — 58,9% всего болгарского экспорта; импорт из Германии сократился до 2563 млн. левов — 51,9%⁵⁰. Используя зависимость Болгарии от германского рынка и сервильную политику болгарского монархо-фашистского правительства, Германия навязала ей грабительские условия торговли. Как правило, Германия платила за болгарское сырье и продовольствие ниже цен мирового рынка и продавала Болгарии свои промышленные товары по завышенным ценам⁵¹.

С весны 1938 г. Германия стала систематически задерживать оплату болгарских товаров и превратилась в крупного должника Болгарии. В 1938 г. Германия задолжала Болгарии 721 млн. левов⁵². В начале 1939 г. болгарское правительство направило в Берлин запрос о причинах невыполнения германскими фирмами поставок товаров в Болгарию. В ответ на запрос германское министерство экономики заявило, что это произошло в связи «с внезапными распоряжениями германских властей в интересах обеспечения обороны Германии»⁵³. В 1939 г. Германия снова задолжала Болгарии по клирингу 707 млн. левов⁵⁴. Германская задолженность Болгарии стала особенно быстро расти после начала второй мировой войны.

С весны 1938 г. гитлеровцы поставили перед собой задачу воспрепятствовать развитию тех отраслей болгарской промышленности, продукция которых могла конкурировать на болгарском рынке с германскими товарами. Так, например, гитлеровский экономист Кругманн призывал принять меры против развития болгарской промышленности в «тепличных условиях» и предлагал создавать в Болгарии предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, строить консервные фабрики, дороги для вывоза сельскохозяйственной продукции в Германию⁵⁵. Таким образом гитлеровцы стремились превратить Болгарию в аграрно-сырьевой придаток германского империализма.

⁴⁹ 10 мая 1938 г. начальник торгово-политического отдела германского МИД Виль потребовал от болгарского посланника в Берлине П. Драганова, чтобы болгарское правительство аннулировало соглашение с Чехословакией о поставке болгарско-му снарядному заводу 3 тыс. т стали и передало этот заказ германской фирме «Штальюнион». П. Драганов обещал сообщить в Софию об этом требовании германского правительства. ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 946, л. 28—29.

⁵⁰ «Внешняя торговля капиталистических стран. 1936—1939», стр. 48.

⁵¹ За счет разницы в ценах германские монополисты извлекли от торговли с Болгарией с 1929 по 1939 год дополнительную прибыль: от импорта — 2573 млн. левов и от экспорта — 602 млн. левов. Ж. Ната и, Л. Беров. Там же, стр. 315.

⁵² «Внешняя торговля капиталистических стран. 1936—1939», стр. 48.

⁵³ В целях уклонения германских фирм от уплаты обусловленных торговыми соглашениями неустоек и штрафов за срыв поставок товаров германские власти ввели специальные свидетельства о том, что поставки товаров в Болгарию не были осуществлены по «форсмажорным причинам», т. е. по не зависящим от поставщика обстоятельствам. ЦДИА, ф. 176, оп. 11, д. 1723, л. 30.

⁵⁴ «Внешняя торговля капиталистических стран. 1936—1939», стр. 48.

⁵⁵ R. W. Krugmann. Ibid., S. 171.

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЧЕХОСЛОВАЦКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Отношения между Советским Союзом и другими социалистическими странами служат предметом подробного изучения в капиталистических странах. Исходным тезисом большинства работ, написанных буржуазными авторами, является утверждение о неравноправности этих отношений. Оно распространяется также и на отношения между Чехословакией и СССР¹.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать основные тезисы буржуазной историографии Запада по вопросу чехословацко-советских отношений и сопоставить эти тезисы с действительностью.

Один из основных тезисов, выдвигаемых буржуазными историками, состоит в том, что внешнеполитическая ориентация Чехословакии после 1945 г. якобы целиком расходится со смыслом и традицией всего предшествующего исторического развития, которое характеризовалось ориентацией на Запад. По их мнению, после 1945 года эта традиция нарушилась².

¹ Вопросы советско-чехословацких отношений затрагиваются в обзорных изданиях, посвященных развитию народных демократий в Восточной Европе. Наряду с эмигрантской литературой, наблюдается растущая специализация внутри западной «советологии». Все эти работы написаны, как правило, с позиций резко враждебных социалистическому строю. К обзорным трудам относятся: H. Seton-Watson. *The European Revolution*. London, 1950; «Central and South East Europe 1945—1948». London, 1950; D. Warriner. *Revolution in Eastern Europe*. Indiana, 1950; некоторые работы Э. Вискеман; «Die Sowjetisierung Ost-Mitteleuropas. Untersuchungen zu ihren Aufbau in den einzelnen Ländern». Frankfurt a/M-Berlin, 1959. Из числа эмигрантских работ наиболее известны: H. Rippka. *Le coup de Prague*. Paris, 1949; J. Ducháćek. *The Strategy of Communist Infiltration: the Case of Czechoslovakia*. New Haven, 1949; многочисленные писания личного секретаря Э. Бенеша — Э. Таберского; J. Stránský. *East Wind over Prague*. N. Y., 1951; F. Nemec, V. Moudry. *The Soviet Seizure of Subcarpathian Ruthenia*. Toronto, 1955; J. Korbela. *The Communist Subversion of Czechoslovakia 1938—1948*. Princeton, 1959; новые книги, в которых рассматривается развитие современной Чехословакии в целом или отдельные его аспекты: H. Wancklyn. *Czechoslovakia. A Geographical and Historical Study*. N. Y., 1954; M. A. Kaplan. *The Communist Coup in Czechoslovakia*. Princeton, 1950; Reisky de Dubnic. *Communist Propaganda Methods. A case Study on Czechoslovakia*. N. Y., 1960; все они не выходят за рамки упомянутой концепции. Однако появляются и работы, авторы которых стремятся избежать примитивного антикоммунизма. К ним следует отнести: B. Selovský. *Das Münchener Abkommen 1938*. Stuttgart, 1958, которая подверглась нападкам со стороны немецких ультра, и P. E. Zinneg. *Communist Strategy and Tactics in Czechoslovakia 1918—1948*. N. Y.—L., 1963.

² В качестве примера сошлемся на работу Г. Уанклайн, в которой говорится: «... большинство хотело бы верить, что народ, чья индивидуальность пережила религиозные войны Габсбургской монархии, две мировые войны, германскую оккупацию, ожидает в будущем нечто лучшее, чем роль сателлита России». (H. Wancklyn. *Czechoslovakia. A Geographical and Historical Study*).

Известный западногерманский автор Е. Лемберг пишет: «Советизация Восточной и Центральной Европы основательно отличается от всего, что здесь предпринял или мог бы предпринять Запад в смысле осуществления или одобрения демократических форм

Такое утверждение явно противоречит историческим фактам. Мы попытаемся поэтому кратко изложить то, что эти историки, как правило, «не замечают».

Бессспорно, что уже географическое положение чешских земель привело к весьма оживленным политическим, торговым и культурным связям с соседними и особенно с западными странами. Однако характерно, что именно в тот исторический момент, когда конституировалась современная чешская и словацкая нации, национальное движение этих народов ориентировалось не на страны Западной Европы, а на Россию.

Отношение к России занимало значительное место в идеологии чешского и словацкого национального движения. С ним связаны первые явные проявления чешского и словацкого «русофильства», которое можно, вероятно, объяснить условием возникновения и развития современных наций Чехословакии. В рамках австрийской монархии эти нации подвергались политическому и национальному гнету. Кроме того, они боялись роста национализма объединяющейся Германии. Неудивительно поэтому, что чехи и словаки, опасаясь за свое дальнейшее существование, обращались именно к России, близкой им в этническом, культурном и языковом отношении. Словацкий поэт XIX в. Ян Коллар в следующих словах воспел эту близость:

Татры сын, подымись, взгляд обрати к небесам,
Или на ствол обопрись величавого этого дуба,—
Выдержал он, не упав, времени гибельный ход.

(Пер. С. Шервинского)

Образное сравнение России с величавым дубом — символ, с которым мы встречаемся в думах о судьбе чехов и словаков в течение всех последующих десятилетий.

Еще в конце XVIII в. родилось народное предсказание: «в Чехии будет только тогда хорошо, когда конь казака напьется из Влтавы». В то же время глубокая вера в Россию не была проявлением слепого преклонения перед царизмом, по отношению к которому чешское и словацкое национально-освободительное движение скоро начало занимать определенно критическую позицию.

Русская революция 1905—1907 гг. вызвала симпатии у чехов и словаков и послужила стимулом для подъема национально-освободительного движения этих народов. Еще более могучий отклик вызвала Великая Октябрьская социалистическая революция, которая в чешских землях и в Словакии привела в движение широкие народные массы, мечтавшие об окончании войны и создании собственно чехословацкого государства³. Причем у пролетариата стремление к созданию самостоятельного государства соединялось с требованием нового социалистического устройства общества и с сознанием единства классовых и социальных интересов народов СССР и Чехословакии. Буржуазия и реформисты должны были прилагать значительные усилия для того, чтобы не допустить победы «большевизма».

жизни. Эта советизация производит впечатление отрицания, которое кажется нам вынужденным отказом от тысячелетия совместной экономической, социальной и духовной истории (E. Lembeck: Osteuropa und die Sowjetunion. Salzburg, 1956, S. 264—265).

³ Интересно, что в то время как большинство буржуазных авторов без исключения придерживаются старой версии о решающем участии западноевропейских держав в возникновении в 1918 г. самостоятельной Чехословакии, в Западной Германии начинают появляться голоса, подвергающие сомнению эту концепцию. Например, Е. Хельцле признает определенное влияние Октябрьской революции на возникновение ЧСР и считает необходимым пересмотр прежнего объяснения (E. Helzle: Russland und die Entstehung der Tschechoslowakei. Bohemia. Jahrbuch des Collegium Carolinum. Bd. I. München, 1960, S. 233).

Симпатии широких слоев народных масс оставались на стороне СССР, несмотря на то, что буржуазия во главе с Т. Г. Масариком и Э. Бенешем добивалась противоположного⁴.

Угроза, возникшая для Чехословакии со стороны фашистской Германии, враждебная позиция Англии и Франции привели к радикальной переоценке прежней внешнеполитической ориентации.

Договор 1935 г. был оценен широкими слоями трудящихся как начало перехода к новой внешней политике, основанной на союзе с СССР и Францией. Правящие классы, однако, не отказались от своей прозападной ориентации. Мюнхенские события 1938 г. показали, что вся эта политика не только не была гарантией безопасности и независимости, но, наоборот, стала источником национальной катастрофы. Франция и Англия принесли Чехословакию в жертву фашистской Германии, в то время как Советский Союз энергично выступал против мюнхенского диктата⁵.

Мюнхенские события помогли народу осознать, что западноевропейские государства, которых чехословацкие правящие круги считали единственными гарантами самостоятельности Чехословакии, выдали ее на растерзание фашистской Германии. Напротив Советский Союз, изображавшийся по меньшей мере как сомнительный союзник, остался верен принятым обязательствам и предложил свою помощь независимо от той позиции, которую собирались занять правящие круги Франции. Ход второй мировой войны, поддержка со стороны Советского Союза чехословацкого национально-освободительного движения привели к тому, что Кошицкая правительственная программа 1945 г., установившая в качестве основы чехословацкой внешней политики союз с СССР, была одобрена большинством чехословацкого народа. Убежденность в необходимости союза с СССР после 1945 была настолько сильной, что никто из реакционных политиков не осмеливался открыто против него выступить⁶.

Таким образом послевоенный союз ЧСР с СССР не был внезапным нарушением всего предшествующего развития страны, о чем свидетельствует история освободительной борьбы народов Чехословакии. Вера в необходимость новой ориентации и ее важность для переустройства полити-

⁴ Это обстоятельство, хотя кратко и половинчато, отмечается в работе: Р. Е. Z i n p e g á. Communist Strategy and Tactics in Czechoslovakia 1918—1948. N.Y.—L. 1963, p. 22.

⁵ Это обстоятельство весьма неприятно буржуазным историкам и поэтому они пытаются избавиться от него путем искажения или же замалчивания фактов. Это особенно характерно для западногерманской историографии. Де Баттаглиа говорит о пассивности, которую якобы проявлял Советский Союз в период Мюнхена (O t o F o r s t d e B a t t a g l i a. Zwischenregierung. T. I. Frankfurt, 1954, S. 209). Б. Целовский систематизировал эту аргументацию (B. C e l o v s k y. Das Münchener Abkommen, 1938. München, 1960, S. 178—179, 207—208, 325, 375, 378). Х. Рённенфарт в своей книге называет это «игрой без риска» (H. K. G. R ö n n e n f a r t. Die Sudetenkrise in der internationalen Politik. T. I. Wiesbaden, 1961, S. 683).

⁶ Силы реакции были вынуждены очень осторожно формулировать свои антисоветские взгляды. Так, видный функционер Национально-социалистической партии П. Зенкл в речи в Национальном Собрании 14 ноября 1945 г. говорил: «ни в коем случае: Восток или Запад, а: Восток и Запад... ни в коем случае без Советского Союза, ни в коем случае против Советского Союза, всегда твердо с ним бок о бок. Все это в наших собственных интересах и в интересах нашего союза с Советами и нашего сотрудничества с Западом» (P. Z e n k l. Těsnopisecké zprávy o schůzích Prozatímního Národního shromáždění Republiky Československé. Schůze 1—30. Praha, 1946). Другой видный деятель этой партии Г. Рипка в своей книге, написанной уже в эмиграции, предложил «обеспечить» независимость Чехословакии «... посредством сбалансированного Чехословацко-Советского договора о дружбе системой договоров с западными державами, которые были бы совершенно несовместимы с духом и даже буквой этого договора» (H. R i p k a. Czechoslovakia Enslaved. London, 1950. Цит. «Central European Observer». London 18 II 1950).

ческой и экономической жизни Чехословакии сделались теперь достоянием широчайших слоев трудящихся.

Одновременно этот союз стал основной внешнеполитической предпосылкой победы революционных сил в феврале 1948 г. Тем более он был необходим в момент, когда Чехословакия стала на путь строительства социализма. Давняя мечта революционных и прогрессивных сил могла быть осуществлена только благодаря существованию этого дружественного союза. Несомненно Чехословакия не смогла бы построить социализм в одиночку.

Дружба и союз народов Чехословакии и Советского Союза вытекали не только из предшествующих демократических и революционных традиций, а являются высшим этапом многовековой борьбы чехословацкого народа за государственную самостоятельность и построение социалистического общества.

По мнению буржуазных авторов, зависимость Чехословакии от Советского Союза проявляется не только в области внутренней и внешней политики, но и в экономической области. Они считают, что сотрудничество с Советским Союзом для Чехословакии в высшей степени невыгодно так же, как и для других социалистических стран⁷. Эта невыгодность, по словам Гермеса, проявляется уже в соотношении цен⁸.

Оценить это категорическое суждение можно свидетельством уже упомянутого Ришки, который до 1948 г. был министром торговли ЧСР. Ришк заявлял в то время, что торговля между ЧСР и СССР регулируется ценами мирового рынка⁹.

На основе мировых цен происходит обмен товарами между ЧСР и СССР, начиная с 1945 г. и до наших дней¹⁰.

Невыгодность чехословацко-советского экономического сотрудничества, по мнению буржуазных авторов, состоит также и в том, что ЧСР должна была нарушить свои прежние экономические связи с мировым рынком, ориентировать свою экономику на сотрудничество с СССР и подчинить структуру своего производства этим связям¹¹.

Для того чтобы можно было критически оценить эти упреки, следует прежде всего дать оценку результатов чехословацкой внешней торговли до второй мировой войны, которая ориентировалась исключительно и соз-

⁷ См., например, J. W s z e l a k i. Communist Economic strategy. N.Y., 1958, p. 111; N. S p u l b e r g. The Economics of Communists Eastern Europe. N.Y., 1957, p. 430. Наиболее ярко это выражено в работе западногерманского экономиста Т. Гермеса. «Советский Союз, — пишет он, — в течение нескольких лет требовал за определенные товары от отдельных стран-сателлитов такую цену, которая не идет ни в какое сравнение с действительной ситуацией на мировом рынке» (T. H e g m e s. Der Außenhandel in den Ostblockstaaten. Hamburg, 1958, S. 92).

⁸ Цены, по мнению этого экономиста, были не выгодны для ЧСР вплоть до 1953 г., и еще до 1957 г. полностью не были устранены недостатки в пропорциях цен (T. H e g m e s. Ibid., S. 61—62).

⁹ «Zahraniční obchod», гоč. 1948, č. I, s. 1—2.

¹⁰ Чтобы исключить сезонное колебание капиталистического рынка, цены, как правило, фиксируются на весь год. В результате такой стабильности цен чехословацкая экономика, например, в 1951 г. по 20 основным статьям ввезенного из СССР товара заплатила только 7100 млн. крон. За эти товары следовало бы заплатить при тогдашнем уровне цен капиталистическим странам 11 170 млн. крон. За 1 кг меди ЧСР платила Советскому Союзу 27 крон, а цена меди на капиталистических рынках составляла 70 крон. Из СССР мы тогда ввезли около 2 тыс. т никеля и из капиталистических стран около 200 т. В ценовом выражении это было приблизительно одинаково. Такие же выгоды ЧСР получила в конце 1956 г. в период наиболее высокого повышения цен на нефть и уголь. Цены СССР, кроме того, составлялись с учетом суммы, равной половине транспортных расходов мирового рынка, в то время как при закупках в капиталистических странах мы должны были оплачивать расходы по ввозу полностью.

¹¹ См. J. W s z e l a k i (p. 109), R. U r g v a n (p. 211), N. S p u l b e r g (p. 484) и др.

нательно на капиталистические страны. Торговля с СССР, напротив, бойкотировалась¹².

Эта ориентация чехословацкой внешней торговли, к тому же вызов главным образом предметов потребления привели во время кризиса к катастрофе. Во время высшей точки кризиса торговый оборот, по сравнению с 1929 годом, снизился на 72,2%¹³.

Вследствие кризиса многочисленные экспортные отрасли, особенно связанные с производством потребительских товаров, не оправились даже во второй половине тридцатых годов.

Существовали ли уже в тот период условия для чехословацко-советского сотрудничества? Определенно, экономическая структура обеих стран являлась удобной для взаимного сотрудничества и создавала благоприятные условия для развития торговли. В полной мере это подтвердилось после 1945 г. и особенно после 1948 г. Товарообмен возрос с 26,5 млн. рублей в 1945 г. до 4741,2 млн. рублей в 1959 г. Доля СССР в заграничной торговле ЧСР, которая в 1947 г. составляла около 6%, в последующие годы быстро возросла и в 1951—1952 гг. установилась приблизительно на уровне $\frac{1}{3}$ чехословацкого внешнеторгового оборота.

Результаты этого сотрудничества налицо. Обмен товарами, с одной стороны, обеспечил стабильность чехословацкой экономики, способствовал плановому ее развитию, дал возможность специализировать производство и перевести его в отличие от прошлого на полусерийную и серийную основу. СССР обеспечивал промышленность Чехословакии необходимым количеством сырья, продовольствия и содействовал постепенной модернизации чехословацкой экономики. Благодаря этому Чехословакия в необычайно короткий исторический срок превратилась в государство, которое известно во всем мире своими изделиями тяжелой промышленности и машиностроения.

Буржуазные авторы отрицают прогрессивные тенденции чехословацкой экономики. Однако цифры опровергают эти утверждения. Например, промышленное производство Чехословакии в 1945—1960 гг. возросло более чем в 4 раза в расчете на душу населения, а личное потребление за период с 1948 г. — в 2 раза¹⁴.

Некоторые буржуазные авторы, пытаясь оправдать свои «выводы», не останавливаются перед искажением и подтасовыванием фактов¹⁵. Классическим свидетельством таких методов является работа Р. Урбана, а также других буржуазных экономистов, которые утверждают, что колLECTIVизация привела к снижению производства, в результате чего чехословацкое правительство должно было существенно повысить ввоз сельскохозяйственной продукции¹⁶. Бессспорно, экспорт сельскохозяйственных

¹² Об этом свидетельствует не только незначительная доля чехословацко-советской торговли в общем внешнеторговом обороте, но и тот факт, что нормальный торговый договор с СССР был заключен только в 1935 г.

¹³ R. Olsovský. Vývojové tendenze ve světovém obchodě a v zahraničním obchodě Československa mezi dvěma světovými válkami. «Politická ekonomie», roč. 1960, č. 3, s. 276.

¹⁴ «Národní hospodářství ČSR v letech 1945—1960». Praha, 1960, s. 34.

¹⁵ Например, А. Цауберман ревизует показатели чехословацкой статистики. Он пришел к выводу, что результаты развития чехословацкой промышленности в основном не отличаются от результатов, которые достигли промышленные страны Западной Европы. Проблема, которую обошел Цауберман, состоит в том, что он сравнивает весь период 1936—1956, хотя для оценки жизнеспособности и темпов развития социалистического строя решающими являются 7—8 лет (после 1948 г.), которые автор, однако, не выделяет (A. Zaubermann. Industrial Development in Czechoslovakia, East Germany and Poland, 1937—1956. Oxford, 1958, p. 62).

¹⁶ См. «Die Sowjetisierung Ost-Mitteleuropas». Frankfurt, a/M-Berlin, 1959, S. 177—251; E. Wiseman n. Germanus Eastern Neighbours. Oxford University Press, 1956.

продуктов в послевоенные годы значительно возрос. Но свидетельствует ли этот факт о деградации чехословацкого сельского хозяйства? Послевоенное положение в сельском хозяйстве было очень тяжелым, что частично было связано с переселением немецкого сельского населения и прежде всего с ущербом, нанесенным войной. В 1948 г., когда в деревне преобладало мелкое производство, по сравнению с 1936 г. индекс валовой сельскохозяйственной продукции составлял 74,8. Через 10 лет в деревне уже преобладало социалистическое, механизированное, крупное производство. Несмотря на то что сельское население значительно уменьшилось (большое количество рабочей силы ушло в промышленность), сельскохозяйственное производство выросло до 99,4 пункта, производство в расчете на одного постоянного работника возросло до 193 пунктов, а товарное производство достигло 123,3 пункта¹⁷.

При достигнутом уровне сельского хозяйства, однако, нельзя было удовлетворить растущие потребности трудящихся, и поэтому Чехословакия увеличила ввоз продуктов питания.

Таким образом факты свидетельствуют о том, что аргументация буржуазных авторов является несостоятельной. Дружба и сотрудничество Чехословакии и Советского Союза играют важную роль в историческом развитии Чехословакии. Союз между двумя социалистическими странами является не только гарантией национальной независимости и социалистического строительства, но и огромного и систематического роста материальных сил чехословацкой экономики и повышения жизненного уровня населения.

Чехословацко-советские отношения после 1945 г. — типичный пример отношений нового типа, которые развиваются на основе принципов proletарского интернационализма на благо сил мира, демократии и социализма во всем мире.

р. 233; Эта аргументация использовалась уже в начале пятидесятых годов. Например, Б. Кизеветтер утверждает: «Нельзя недооценивать тот факт, что Чехословакия в настоящее время во все большей степени становится зависимой от СССР в области продуктов питания. Вряд ли можно утверждать, что это одна из целей чехословацкого планирования, однако практически эта зависимость в питании от Востока является результатом планирования и, вероятно, наиболее ярким выражением советизации чехословацкой экономики» (B. K i e s e w e l t e r . Die Wirtschaft der Tschechoslowakei seit 1945. Berlin, 1954, S. 66).

¹⁷ «Statistická ročenka republiky Československé, 1959». Praha, 1959, s. 219.

П. ОЛЬШАНСКИЙ

К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕРЫ ХОРУЖЕЙ В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В 1924—1925 ГОДАХ

Имя Веры Хоружей широко известно в Советском Союзе и народной Польше. И все же, к сожалению, о деятельности бесстрашной подпольщицы в 1924—1925 гг., когда она возглавляла комсомол Западной Белоруссии и была членом ЦК КПЗБ, известно мало — условия подполья, необходимость строжайшей конспирации не позволяли хранить документальные материалы. Даже те немногие документы, которые были захвачены полицией при арестах работников партийного и комсомольского подполья и фигурировали во время следствия и суда в качестве «вещественных доказательств», были потом уничтожены судебно-следственными органами. Поэтому основным источником сведений являются те отрывочные факты, которые сохранились в памяти ее боевых соратников¹.

В силу этих обстоятельств особую значимость приобретает тот фактический материал о деятельности организаций КПЗБ и КСМЗБ, о руководящих деятелях партии и комсомола, в том числе и о В. Хоружей, который содержится в сохранившихся архивах полицейских и судебно-следственных органов. В Брестском архиве в фондах польской воеводской полиции хранятся донесения полицейских агентов, в которых имеются упоминания о деятельности В. Хоружей².

Значительный фактический материал о работе организаций КПЗБ и КСМЗБ содержится в частично сохранившихся в Польше судебно-следственных материалах белостокского процесса 133-х деятелей КПЗБ³. Особенный интерес в этом отношении представляет обвинительное заключение по этому процессу, представляющее собой объемистую тетрадь большого формата и содержащую около 400 страниц убористого машинописного текста. Здесь, наряду с большим количеством новых данных о партийном и комсомольском подполье в Западной Белоруссии, имеются новые сведения о жизни и деятельности В. Хоружей, являвшейся одной из главных обвиняемых на «процессе 133-х».

Данная статья является результатом изучения указанных материалов и документов, в том числе фондов Брестского и Гродненского областных архивов.

¹ «Славная дочь белорусского народа». Минск, 1960. Изд. 2-е доп., Минск, 1962.

² См. Т. Д. Либеровская. Новые документы о Вере Хоружей.—«Исторический архив», 1961, № 3, стр. 127—130.

³ Основная масса этих материалов сосредоточена в фонде адвоката Теодора Дурacha — видного деятеля компартии Польши, выступавшего защитником на многих процессах польских и западнобелорусских революционеров, в том числе и на «процессе 133». Этот фонд хранится в Архиве Института истории партии при ЦК ПОРП (AZHP, Archiwum T. Duracza, f. 1/792, 392, 797 и др.).

* * *

В феврале 1924 г. В. Хоружая перешла советско-польскую границу у местечка Раков. Встретившие ее на той стороне друзья дали ей конспиративную явку в Вильно к «студентке Марии». Так началась для нее новая, полная опасности и лишений жизнь революционерки-подпольщицы. По приезде в Вильно, где тогда находился Центральный комитет компартии Западной Белоруссии, В. Хоружая сразу же включается в активную подпольную деятельность, становится профессиональной революционеркой. Ее избирают в состав ЦК компартии, кооптируют в состав ЦК комсомола Западной Белоруссии, а вскоре избирают секретарем ЦК. Ежедневно подвергаясь опасности быть арестованной, она ездит по городам и селам Западной Белоруссии, создает подпольные организации, инструктирует их руководителей, выступает на тайных собраниях и на открытых митингах, пишет страстные листовки и воззвания к молодежи с призывами к борьбе с оккупационным режимом.

Месяцами проживала В. Хоружая в Вильно, где постоянно находилось большинство руководящих работников ЦК КПЗБ и КСМЗБ. Отсюда в Белосток, Брест, Волковыск, Слоним и другие города, в местечки и села Западной Белоруссии шли транспорты нелегальной литературы — газеты, листовки, воззвания, печатавшиеся в виленских подпольных типографиях КПЗБ. Отсюда шли циркуляры окружным и районным комитетам. В Вильно съезжались партийные и комсомольские работники с мест на конференции и на беседы с руководящими работниками ЦК.

Совещания и конференции, а также встречи руководящих работников КПЗБ и КСМЗБ с прибывающими в Вильно подпольщиками из периферии происходили большей частью на квартирах работников ЦК или на конспиративных квартирах. Здесь же находили временный приют революционеры, преследуемые полицией.

Одним из таких мест встреч и была квартира по ул. Мицкевича 45, послужившая первым пристанищем для В. Хоружей. Здесь жили, снимая две комнаты, студентки Виленского университета Мария Фрид и Флора Розенталь, которые играли видную роль в деятельности революционного подполья. Квартира по ул. Мицкевича 45 была удобна тем, что ее хозяин, коммерсант Гринберг, часто бывал в отлучках, а его семья даже зимой нередко выезжала на свою загородную дачу, а летом постоянно жила за городом. Пользуясь отсутствием хозяев, ЦК КПЗБ нередко проводил здесь свои заседания. Как известует из показаний подсудимых во время Брестского и Белостокского процессов и как это видно из других материалов, на этой квартире особенно часто бывала В. Хоружая⁴. По этому адресу шли к ней руководители комсомольского подполья с мест. Здесь они получали инструктаж, нелегальную литературу (которая хранилась в корзинах для цветов и в кроватях у студенток Марии и Флоры), отчитывались о своей работе. Нередко В. Хоружая, работая допоздна, здесь же оставалась ночевать.

Через некоторое время Фрид и Розенталь переехали в дом № 42 по этой же улице, сняв по одной комнате в квартире № 9, имевшей отдельный ход с улицы и этим выгодно отличавшейся от старой. По-прежнему самым частым гостем здесь была В. Хоружая, и квартира продолжала быть боевым штабом комсомольского подполья Западной Белоруссии.

Как КПЗБ являлась составной частью компартии Польши, точно также КСМЗБ входил в состав комсомола Польши. В. Хоружая, возглавлявшая ЦК КСМЗБ, в середине 1924 г. была избрана в число членов ЦК КСМ

⁴ AZHP, Archiwum T. Duracza, f. 1/392, l. 196.

Польши. Она поддерживала постоянный контакт с ЦК КСМ в Варшаве через специальных связных. Связной была Ф. Розенталь, которая имела в Варшаве родственников и поэтому ее поездки впольскую столицу не вызывали подозрений. В Варшаве она на ул. Милой 61⁵ встречалась с руководителями КСМ Польши, передавала информации из ЦК КСМЗБ и возвращалась в Вильно с нелегальной литературой, напечатанной в Варшаве.

В летнее время заседания ЦК КСМЗБ и собрания комсомольского актива В. Хоружая устраивала за городом, куда участники отправлялись под видом увеселительных прогулок. Одно из таких собраний происходило в живописной местности Верки в июне 1924 г., куда участники отправились на лодках по реке Вилие. Другое такое собрание происходило в Ландвароне, куда приглашенные прибыли на автомашинах⁶.

Вторым центром подпольной работы компартии Западной Белоруссии был город Белосток — крупный промышленный центр. В нем было сосредоточено много фабрично-заводских рабочих. Наличие пролетарской среды в городе облегчало развертывание конспиративной деятельности. В Белостоке фактически существовал филиал ЦК КПЗБ и ЦК КСМЗБ. Здесь постоянно находилась часть руководящих работников партии и комсомола. С начала 1925 г. в Белостоке проживали члены ЦК КПЗБ Кароль Мельперт, Ефроим Гольдштейн, Люба Ковенская. Сюда часто наезжали Якуб Черняк (Аронштам), Станислав Мертенс, Романа Вольф и др. В Белостоке печаталась значительная часть подпольной литературы, которая рассыпалась местным партийным и комсомольским организациям. Через Белосток шла и литература, издаваемая в Варшаве. Отсюда ввиду близости от Варшавы удобно было осуществлять связь с ЦК КПП и ЦК КСМ Польши.

Неделями, а иногда и месяцами жила в Белостоке и Вера Хоружая, организуя конспиративные встречи, собрания актива, проводя конференции комсомола. Для этих целей в Белостоке содержалось около десятка конспиративных квартир. Наиболее часто Вера Хоружая посещала квартиры по ул. Сухой 2, по ул. Орлянской 3, а также по ул. Одесской 16⁷.

Значительную часть времени В. Хоружая проводила в поездках по городам и селам Западной Белоруссии, поддерживая связь с подпольными комсомольскими организациями и их руководителями, а также, как член ЦК КПЗБ, выполняя его поручения по укреплению партийных организаций. «Сегодня поеду на несколько дней к моим знакомым, в деревню, — писала Хоружая в одном из писем к своим друзьям. — Они уже давно ждут меня, будут мне рады, а я буду рада еще больше. Люблю бывать у них и бываю довольно часто. Круг моих деревенских знакомых все расширяется...»⁸. Нередко, пренебрегая опасностью, она выступала на массовых митингах, призывая народ к борьбе с оккупационным режимом. В обвинительном заключении по этому поводу сказано, что В. Хоружая «находилась в постоянных разъездах по округам..., произнося агитационные речи и создавая организации молодежи»⁹. В другом полицейском документе — отчете начальника Брестского окружного управления полиции об итогах проведения акции по ликвидации организаций КПЗБ в августе-сентябре 1925 г. и аресте руководящих работников партии, сказано о В. Хоружей: «Упомянутая считается деятелем исключительно активным и

⁵ AZHP, Archiwum T. Duracza, f. 1/92, l.198.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid., l.185.

⁸ См. «Славная дочь белорусского народа...», стр. 40.

⁹ AZHP, Archiwum T. Duracza, f. 1/392, l.187.

отважным, действовала на территории всех восточных воеводств, инспектируя организации и устраивая тайные собрания»¹⁰.

В сохранившемся письме к одному из своих друзей в Советскую Белоруссию от 29 июля 1925 г., т. е. незадолго перед арестом, В. Хоружая писала: «Дела идут хорошо. Работать с каждым днем труднее, но тяжелые обстоятельства еще более закаляют нас, учат. Настроение у нас великолепное. Энергии, желания работать — хоть отбавляй!»¹¹.

Комсомол Западной Белоруссии, объединявший в момент образования КСМЗБ едва сотню членов, за короткий срок — год с небольшим — вырос к осени 1925 г. до 1200 человек. За это время было создано 6 окружных комитетов: Виленский, Гродненский, Белостокский, Брестский, Пинский и Барановичский, около двадцати районных комитетов. На фабриках и заводах, в деревнях действовала широкая сеть ячеек¹². Стал выходить нелегальный печатный орган ЦК КСМЗБ «Молодой коммунист», издававшийся на белорусском, русском и еврейском языках.

В письме Центральному комитету КСМ Советской Белоруссии В. Хоружая писала в июле 1925 г., информируя о недавно состоявшейся II конференции КСМЗБ, подведшей итоги работы Союза за полтора года его существования: «Несмотря на громадные провалы, несмотря на все усиливающиеся преследования, мы от I конференции, которая была в январе 1924 г., выросли в 10 раз..., мы за эти полтора года завоевали деревню, крупнейшие фабрики и почти все секции профсоюзов»¹³. Комсомол Западной Белоруссии под руководством КПЗБ вырос в могучую революционную силу. И в этом большая заслуга В. Хоружей.

Широкая революционная агитация в массах, проводимая КПЗБ и под ее руководством комсомолом Западной Белоруссии, способствовала быстрому росту революционных настроений. Об этом красноречиво свидетельствуют донесения полицейских властей. Так, в квартальном донесении барановичской поветовой полиции за время с 1 июля по 30 сентября 1925 г. с горечью отмечается, что за это время «отношение населения к государственным властям ухудшилось, чему в значительной степени способствовала агитация подрывных элементов..., старающихся убедить местное население, что польское правительство является правительством оккупационным, времененным, которому не следует подчиняться...»¹⁴. «Отношение населения к государственным властям с каждым днем ухудшается...», — доносил начальник несвижской поветовой полиции¹⁵. «Почти ни в одной гмине войты не могут выполнять предписаний польских властей без помощи со стороны полиции», — сетовал начальник полиции Новогрудского повета¹⁶.

Польские власти, охваченные страхом перед растущим национально-освободительным движением в Западной Белоруссии, в период с июля по сентябрь 1925 г. провели серию массовых арестов. Главный удар был направлен против КПЗБ и комсомола. Полиция хватала всех, кто хотя бы в малейшей степени был подозреваем в симпатиях к коммунистам. Только в Белостоке и Белостокском повете «за принадлежность к коммунистической организации и антигосударственную деятельность» было арестовано в

¹⁰ Госархив Брестской области, ф. Р-94, д. 89, лл. 134—135.

¹¹ «Славная дочь белорусского народа...», стр. 41—42.

¹² «Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР». Документы и материалы. Т. I. Минск, 1962, стр. 308.

¹³ Там же.

¹⁴ Госархив Гродненской области, ф. 662, оп. 3, д. 11, л. 107.

¹⁵ Там же, л. 709.

¹⁶ Там же, л. 50.

этот период около 100 человек¹⁷, а всего в одном только Белостокском воеводстве было арестовано около 700 человек¹⁸. Значительная часть арестованных подозревалась в принадлежности к комсомолу¹⁹.

Но и в такой до крайности осложнившейся обстановке организации КПЗБ и комсомола продолжали свою революционную работу в массах. Многие члены ЦК разъехались на места, чтобы непосредственно осуществлять руководство партийной и комсомольской работой. В мае 1925 г., в связи с многочисленными арестами в Бресте и округе активистов КПЗБ и КСМЗБ — участников организации первомайских демонстраций, В. Хоружая выехала в Брест. Там она пробыла продолжительное время, занимаясь восстановлением подпольных организаций²⁰.

Перед отъездом, 14 июня, В. Хоружая провела собрание руководителей комсомольских организаций. Собрание происходило в квартире члена организации Михаила Лапко по ул. Кирстовской 1. В. Хоружая выступила с докладом о международном положении и о задачах КСМЗБ в свете решений III съезда КПП²¹. Затем она едет в Вильно, где в середине июля состоялась конференция комсомола Западной Белоруссии. После конференции В. Хоружая в конце июля выехала в Белосток для обмена мнениями с членами руководства партии. В августе она снова уже была в Бресте, приехав сюда для подготовки и проведения VIII Брестской окружной конференции КПЗБ, которая состоялась 16 августа 1925 г.²² Участники конференции собирались в квартире подпольщика Высоцкого по ул. Кобринской, 36, где в последний приезд в Брест остановилась и В. Хоружая²³. Заседания конференции проходили на одном из пригородных хуторов — так показал на следствии ее участник Стефан Борушко²⁴. Конференция проходила в обстановке начавшихся арестов и провалов некоторых ячеек, поэтому на ней присутствовало только 9 делегатов: два — от города Бреста и по одному от семи районов из 14²⁵. На конференции были заслушаны отчет окружного комитета, доклады о международном положении, о работе среди молодежи; состоялись выборы нового состава комитета²⁶. В руки полиции попал протокол этой конференции: он был обнаружен во время обыска у члена ЦК КПЗБ Шлемы Саперштейна, ведавшего техникой ЦК и хранившего у себя на квартире архив ЦК²⁷.

В. Хоружая возвратилась в Белосток в конце августа либо в самом начале сентября 1925 г. Вероятно, об этом стало известно брестской полиции, которая, получив в свои руки нити подпольной организации после первых же арестов, имела возможность установить слежку за руководящими работниками партийного и комсомольского подполья. В одном из полицейских рапортов от середины сентября указывается, что «курьер ЦК Вера Хоружая несколько дней назад выехала в Белосток»²⁸.

Незадолго до ареста В. Хоружая активно включилась в проводимую комсомолом Западной Белоруссии агитационную работу среди рекрутов и в организацию празднования Международного юношеского дня. Установ-

¹⁷ См. «Борьба трудящихся Западной Белоруссии...», стр. 321.

¹⁸ Там же, стр. 283, 288.

¹⁹ Там же, стр. 321.

²⁰ AZHP, Archiwum T. Duracza, f. 1/792, l. 300.

²¹ Ibid., f. 1/797, l. 6.

²² Ibid.

²³ Ibid., f. 1/392, 1.194.

²⁴ Госархив Брестской области, ф. Р-93, оп. 1, д. 521, л. 236.

²⁵ Кобринского, Лышицкого, Чернавчицкого, Картуз-Березовского, Стадичского, Выжеспольского и Пригородного (См. AZHP, Archiwum T. Duracza, f. 1/392, l. 194).

²⁶ Ibid., l. 227.

²⁷ Ibid., l. 184.

²⁸ Госархив Брестской области, ф. Р-93, оп. 1, д. 521, л. 59.

ка ЦК КПЗБ в этом вопросе была такова: крестьянская молодежь Западной Белоруссии должна идти в польскую армию с тем, чтобы, изучая там военное дело, быть готовой в нужный момент принять участие во всенародном восстании против польских помещиков и капиталистов²⁹.

ЦК КСМЗБ активно принял за выполнение директивы партии. В августе 1925 г. в деревнях и местечках появилась листовка ЦК КСМЗБ к рекрутам рождения 1904 года. Страстными словами, по которым не трудно было узнать ее автора — В. Хоружую, листовка призывала, когда наступит время, сообща с рабочими и крестьянами Западной Белоруссии и Польши свергнуть буржуазно-помещичий строй³⁰.

Несмотря на то, что подготовка к празднованию Международного юношеского дня проходила в обстановке массовых репрессий, комсомолу удалось вывести 6 сентября на улицы в городах большое количество молодежи. Манифестации проходили в Гродно, в Бресте, Вильно и в Белостоке. В Гродно в них участвовало 120 юношей и девушек. В Бресте — 150 человек³¹.

Многочисленные аресты привели к провалу конспиративных квартир, разоблачению явок. Полиции и жандармерии удалось добраться до руководящего ядра КПЗБ и КСМЗБ. Одного за другим начали арестовывать в сентябре членов ЦК и других руководящих работников революционного подполья. В ночь с 14-го на 15-е сентября полиция арестовала и В. Хоружую по ул. Пяста 3.

При обыске в момент ареста у нее было найдено только что полученное письмо ЦК комсомола Советской Белоруссии. Друзья из Советской Белоруссии сообщали, что получили ее письмо, в котором она писала о героической борьбе комсомола Западной Белоруссии. Советские комсомольцы ставили ее в известность о том, что это письмо сейчас «... читают тысячи членов союза коммунистической молодежи, десятки тысяч рабочей и крестьянской молодежи...»³².

Спустя 15 месяцев после заключения в белостокскую тюрьму, в январе 1927 г., В. Хоружую вызвали в суд по делу руководителей брестского партийного подполья. Там она с гордостью говорила о своей принадлежности к коммунистической партии. «Я предана коммунистической идеи и буду верно служить ей всю свою сознательную жизнь», — заявила она судьям. — Меня не испугает тюремное заключение, как бы долго оно ни продолжалось и как бы ни была тяжела судьба, ожидающая меня³³.

В то же время она категорически отказалась сообщать что-либо о деятельности партийных и комсомольских организаций, не выдала никого из своих товарищей по подпольной работе. Недаром в приговоре суд должен был констатировать, что показания В. Хоружей «не дали никакого материала для выяснения дела», напротив того, «...ее заявление перед судом, что она будет продолжать борьбу с существующим в Польше общественным строем и с польским государством, указывает скорее на ее непоколебимое стремление и волю распространения и в дальнейшем коммунистической смуты...»³⁴. 8 лет строгого тюремного заключения — таков был приговор суда.

Через год с небольшим, в апреле 1928 г., в Белостоке начался знаменитый процесс 133-х деятелей КПЗБ. В. Хоружая на этот раз была привлечена в качестве обвиняемой в принадлежности к группе руководящих работников КПЗБ и КСМЗБ. Ее выступление на суде свидетельствовало о глубине ее политических убеждений.

²⁹ См. «Борьба трудящихся Западной Белоруссии...», стр. 220.

³⁰ Госархив Брестской области, ф. Р-94, оп. 1, д. 89, л. 27.

³¹ См. «Молодой коммунист» (орган ЦК КСМЗБ), 1925, № 2 (4).

³² AZHP, Archiwum Duracza, f. 1/392, 1. 223.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid., l. 33.

бокой убежденности в правоте дела, за которое боролись она и ее товарищи. В материалах этого процесса сохранилось изложение показаний В. Хоружей на следствии и в суде, составленное польским судебным чиновником.

«Вера Хоружая показала, — констатируется в этом документе, — что оккупированные Польшей белорусские земли, охватывающие воеводства: Новогрудское, Виленское, Полеское и Белостокское, должны после установления в них Советской власти соединиться с Советской Белоруссией, что ее работа в ЦК была направлена к тому, чтобы поднять революцию по всей Польше, свергнуть существующее правительство, установить Советскую власть; что все средства, употребляемые компартией и комсомолом и диктуемые Центральным комитетом как высшим органом, в состав которого входила и она сама, — были правильны и целесообразны. Вера Хоружая заявила, что этими средствами являются: организация широких рабоче-крестьянских масс в коммунистических ячейках, воспитание этих масс в коммунистическом духе, агитация на митингах, распространение коммунистических листовок, вывешивание красных флагов с коммунистическими лозунгами, широкая агитация в армии с целью ее разложения, чтобы в момент революционных действий или волнений армия перешла на сторону пролетариата и превратилась в Красную Армию...»³⁵.

Арест руководителей лишь на короткое время ослабил партийные и комсомольские организации. Дело, за которое боролась Вера Хоружая и ее боевые товарищи, продолжали тысячи молодых революционеров. Воеводские власти продолжали получать тревожные донесения о революционных прокламациях, разбрасываемых «неизвестными лицами» на улицах и на сельских дорогах³⁶. Когда, например, в буржуазной прессе появилось сообщение о ликвидации организаций КСМЗБ в Белостокском округе, орган ЦК КСМЗБ решительно опроверг эти измышления: «Это — сплошная ложь. Коммунистический союз молодежи существует, продолжает свою работу, хоть и в неимоверно трудных условиях. Мы укрепляем и сплачиваем свои ряды. О нашем существовании говорят знамена, которые были вывешены в течение юношеской недели в городе и в провинции, гово- рят сотни и тысячи возваний, разбросанных как у нас, так и в деревнях и mestечках. Пусть буржуазия, пусть дефензива не торжествуют, не потирают руки от удовольствия, — мы живем, жить будем. Нас не истре- бишь!»³⁷.

«Наши ряды на время разбиты, — писали комсомольцы города Вильно комсомольцам Минска в сентябре 1925 г., — самые лучшие товарищи сидят в тюрьмах... Нас мало, но мы не падаем духом. Усилия панских слуг тщетны и напрасны. Нас можно арестовать, бить, казнить, но победить нас нельзя...»³⁸.

Победоносное знамя революционной борьбы, которое несли В. Хоружая и ее боевые соратники, после их ареста подхватили многочисленные борцы за свободу и с честью пронесли его до славного дня освобождения, пришедшего в сентябре 1939 года.

³⁵ AZHP, Archiwum Duracza, f. 1/392, l. 256.

³⁶ «Борьба трудящихся Западной Белоруссии...», стр. 324, 326.

³⁷ «Молодой коммунист», 1925, № 2 (4).

³⁸ Там же.

Г. Я. ИЛЬИНА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918—1941)

Межвоенное двадцатилетие — пожалуй, наименее изученный период в истории литератур народов Югославии. Эта эпоха привлекает сейчас внимание исследователей, является объектом дискуссий, имеющих связь и с вопросами современного литературного развития.

Мне хотелось бы, насколько позволяют рамки небольшой статьи, конспективно коснуться некоторых спорных вопросов на материале хорватской литературы тех лет. Начнем с периодизации¹. Нет расхождений относительно конца периода: это 1941 год — начало национально-освободительного движения. Иногда эту дату считают границей между двумя периодами², иногда — подпериодами в одной литературной эпохе, длящейся до сегодняшнего дня (И. Франгеш и М. Франичевич)³. Но все видят здесь рубеж как в историческом, так и в литературном развитии (не только для Хорватии, но и для Югославии в целом). Общепризнано, что установление монархо-фашистского режима в Югославии (1929 г.) явилось событием, вышедшем за рамки сугубо политического. Оно имело последствия в области культуры, вызвало изменения в характере литературного развития, определив тем самым внутреннюю границу между 20 и 30-ми годами.

При отсутствии единого мнения относительно того, 1914 годом или 1917—1918 открывать новый литературный период, ни у кого из современных хорватских ученых, касавшихся вопросов периодизации, нет сомнений в значении революционных событий, вызванных влиянием Октябрьской революции на развитие хорватской литературы. Ш. Вучетич пишет, что именно 1917 годом начинается «новая литературная эпоха, новое литературное движение...»⁴. С этим годом связывает он выступление того Мирослава Крлеки, который вместе с Августом Цесарцем поведет бой за пролетарское искусство и откроет новую страницу в истории хорватской литературы. М. Франичевич считает, что более естественной границей был бы 1918 год⁵. По мнению И. Франгеша, «...в этот период появляются и те писатели, которые с первых своих произведений проводят революцион-

¹ Вопросам периодизации истории югославских литератур был посвящен симпозиум, состоявшийся в Сараеве в декабре 1964 г. Материалы этого совещания опубликованы в ж. «Putevi», Banja Luka, 1965, № 3.

² S. Vučetić. Hrvatska književnost 1914—1941. Zagreb, 1960.

³ «Hrvati». Enciklopedija Jugoslavije. Knj. 4. Zagreb, 1960, s. 72—76; «Problem periodizacije naše savremene književnosti». — «Literatura». Zagreb, 1959, № 4. Те же положения высказаны Франичевичем и в докладе на симпозиуме по периодизации. Там же.

⁴ S. Vučetić. Ibid., s. 23.

⁵ «Literatura». Ibid., s. 1262.

ные взгляды и, восприняв идеи Октябрьской революции, начинают новый период нашей литературы (М. Крлежа, А. Цесарец)⁶.

Вряд ли стоит заново напоминать о значении исторических событий, связанных с Великой Октябрьской революцией, которые всколыхнули весь мир, ломали привычные представления, вызывая коренные изменения во всех сферах общественного сознания. Югославия не была исключением. Но стоило бы разобрать аргументацию, согласно которой новый период хорватской литературы начинается 1914 годом. Сторонники ее ссылаются, как правило, на два случайно совпавших в 1914 году события: смерть А. Г. Матоша и появление первых произведений Крлежи.

В 1914 году (март) умер Матош, властитель дум целого поколения, — но не умерла созданная им литературная школа, которая уже после его смерти заявила о себе альманахом «Хорватская молодая лирика» (июнь 1914 г.). И в последующие годы традиции ее были живучи и устойчивы, особенно в поэзии. Появление первых произведений Крлежи, мне кажется, тоже не основание для начала нового периода. Они раскрыли редкий талант Крлежи как поэта и драматурга, его писательскую смелость и общественную активность. Но не случайно югославские ученые подчеркивают, что только с 1917 года, с публикации «Хорватской рапсодии», можно говорить о подлинном Крлеже — зрелом мастере.

Вряд ли также можно связывать новый литературный период с началом первой мировой войны. Война затормозила литературное развитие, что относится и к Хорватии. Только в конце ее появляются литературные журналы и произведения, возвестившие рождение в хорватской литературе новых идей и художественных форм. Война была лишь одним из факторов, обусловивших их возникновение. Гораздо большую роль сыграли революционные события, восприятие и осознание которых было подготовлено тяжкими военными годами. Очевидно, границей между двумя литературными эпохами следует все же считать 1918 год⁷.

Нуждается в обсуждении и сам принцип систематизации материала. Довольно часто литературу данного периода рассматривают как смену писательских поколений⁸. Исключением среди современных работ, пожалуй, является «Хорватская литература 1914—1941» Ш. Вучетича, который стремится охарактеризовать ее идеальные и стилевые тенденции. Однако течения левые, особенно связанные с социалистической идеологией, в отличие от других, выделяются им главным образом с точки зрения их идеальной направленности.

Наиболее плодотворной будет, на наш взгляд, попытка показать литературный процесс в борьбе и взаимодействии направлений, течений, групп. В таком построении есть элемент условности: не все явления литературной жизни укладываются в рамки основных течений, некоторые писатели выходят за пределы направлений, к которым они себя причисляют, или, наоборот, не связанные формально с конкретной группой, примыкают к ней по своим эстетическим принципам. Для этого периода характерна и большая, чем когда-либо ранее, подвижность границ между отдельными течениями. В литературе сталкивались противоречивые тенденции, идеально-художественные взаимовлияния. Писательское стремление к философским обобщениям не всегда выливалось в цельное мировоззрение, оборачивалось подчас эклектическим сосуществованием или борьбой самых различных концепций в художественном произведении. Но это не озна-

⁶ «Literatura». Ibid., s. 73.

⁷ Кажется, к этому же выводу пришел и М. Ваупотич после дискуссии на сараевском совещании (там же, стр. 358).

⁸ I. Frangeš. Ibid.; M. Franjićević. Ibid.; см. также M. Ravbar. Pregled hrvatske, srbske i makedonske književnosti. Maribor, 1958.

чает, что не было определяющих линий развития. В сложном взаимодействии идей и художественных манер надо постараться выделить главное и тем самым показать закономерности литературного процесса рассматриваемой эпохи.

Последствия войны, революционное брожение в стране, неспособность королевского правительства улучшить положение народных масс и смягчить остроту национальных проблем, быстрое разочарование в новом государстве — такова атмосфера конца 10-х — начала 20-х годов в Хорватии. Большая часть художественной интеллигенции постепенно освобождалась от иллюзий относительно новой Югославии. «Итак, переворот состоял в том, — писал, например, Ульдерико Донадини, — что появились новые кокарды, хамелеоны изменили окраску. Вчерашние австрийские лизоблюды лезут в первые ряды. Обломок старой Австро-Венгрии был перекрашен в национальные цвета и окрещен державой Сербов, Хорватов и Словенцев»⁹. Прогрессивные художники пытались выразить свое отношение к войне, революции, вновь созданному государству. Они не могли оставаться равнодушными к тому, что на их родине устанавливаются порядки, мало чем отличающиеся от габсбургских. Это рождало литературу мучительного поиска истины и не менее мучительного поиска формы. Рушились привычные представления. Казалось, что в этом мире чистогана, коррупции и неприкрытоого обмана нет ничего ценного, ничего справедливого. Некоторые писатели (А. Б. Шимич, Г. Крклец, У. Донадини) видели выход в том, чтобы быть в набат, обнажать страдания человеческой души. «Крик, — пишет А. Б. Шимич, — сейчас единственное выражение Духа культуры, крик боли и ненависти. Крик, плотью которого является и слово, и звук, и камень, и движение, и краски»¹⁰. Другие искали убежища в христианском смирении (Д. Судета, Н. Шоп), в мистике (Й. Косор, Й. Кулунджич, М. Огризович). Лишь небольшая группа художников, и прежде всего коммунисты М. Крлежа и А. Цесарец, ставшие ведущими писателями межвоенного периода, увидели разрешение противоречий в революционном движении масс. Идававшийся ими общественно-литературный журнал «Пламен» (1919) первым в Югославии открыто встал на защиту идей Октябрьской революции, III Интернационала, резко выступил против национализма, панюгославизма, реакционного и псевдоромантического искусства¹¹.

Редакторы «Пламена» еще не были тогда последовательными марксистами, они отдавали дань анархо-индивидуалистическим взглядам. Это объясняется не только субъективными причинами, жизненным опытом каждого из них, но и объективными обстоятельствами, которые сложились в хорватском рабочем движении в этот период. Коммунистическая партия Югославии только создавалась и еще не определила своих позиций по национальному и аграрному вопросам. Еще менее были разработаны проблемы марксистской эстетики. Крлежа и Цесарец восприняли в конце 10-х — начале 20-х годов положения левоэкспрессионистического искусства, видя в нем путь к созданию революционной литературы.

Экспрессионизм, уже завоевавший эстетическое признание и в Хорватии и за рубежом, в частности в Германии и Австрии, привлек тогда многих писателей, разных по своим идеяным убеждениям. Их объединяло одно — отношение к старым литературным формам, к реализму и импрессионизму, которые ассоциировались в их представлении с консервативной позицией, занятой многими представителями этих течений. Возникло наибо-

⁹ U. Donadini. Kroz šibe. Zagreb, 1921, s. 30.

¹⁰ A. B. Šimić. Sabrana djela. Knj. II. Zagreb, 1960, s. 146.

¹¹ См. Г. Я. Ильина. Журнал «Пламен». В кн.: Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке. М., 1964.

лее многочисленное, программно оформленное направление, представленное и в поэзии, и в прозе, и в драме. С ним в той или иной мере были связаны наиболее значительные хорватские писатели тех лет — М. Крлежа, А. Цесарец, А. Б. Шимић, У. Донадини, Г. Крклец, И. Войнович и др. Среди экспрессионистов были разнородные в идейном отношении группы, имевшие свои печатные органы («Кокот» Донадини, 1916—1918; «Виявица», 1917; «Юриш», 1918—1919; частично «Книжевник» А. Б. Шимића, 1924; «Пламен» М. Крлежи и А. Цесарца). Связующим являлось лишь признание некоторых эстетических постулатов и, в большей или меньшей степени, следование поэтике экспрессионизма. Такая общность была весьма относительной, так как в практике неминуемо давали себя знать идейные расхождения. Вот почему уже в момент образования экспрессионизм заключал в себе зародыш неизбежного кризиса, который привел его к распаду в первой половине 20-х годов. Очень скоро он уступил свои позиции другим методам и прежде всего реализму, дальнее всего сохраняя влияние в драме, и то не в чистом виде, а с примесью символизма и натурализма, подновленных фрейдизмом и космической мистикой (Й. Косор, Й. Кулунджич, И. Войнович, М. Бегович).

Наиболее полное воплощение, хотя и неодинаковое в идейном отношении, основные черты экспрессионизма получили в творчестве А. Б. Шимића, М. Крлежи и А. Цесарца, которые в неменьшей степени и нарушали его каноны. Поэзию Шимића характеризует неприятие буржуазного мира и его бесчеловечной морали. Его анархический бунт вначале был обращен на разрушение старых литературных норм. В последние годы жизни поэт решительно порывает с традиционными, мало связанными с жизнью темами. В его поэзию входят бедняки, соседи по городской окраине, женщины, напрасно молящие бога о счастье и хлебе, просительницы, толпящиеся у дверей канцелярий. Шимић ненавидел приглаженность мысли и формы, так называемое «чувство меры» в жизни и искусстве, благородумие и равнодушие. Вместе с тем он требовал строгого отношения к поэтическому языку, был чуток к музыкальности и ритмичности поэтической речи. Путь Шимића, его сближение с социально-революционным крылом хорватской литературы стали примером для многих поэтов, продолживших его традиции.

Признавая влияние экспрессионизма на Крлежу и Цесарца, исследователи нередко выводят их за пределы данного направления. Ш. Вучетич, например, вообще оставляет открытым вопрос о методе левых писателей того времени. Он признаёт, что поэзия и проза Цесарца конца 10-х — начала 20-х годов экспрессионистичны, что драматургия Крлежи тоже связана с этим методом, и все-таки не относит этих писателей к названному направлению. И. Франгеш, во многом расходящийся с Вучетичем, также не касается вопроса о методе этих крупнейших художников¹². Но ни наличие реалистических черт в произведениях Крлежи и Цесарца, ни их идейные расхождения с прочими экспрессионистами не могут заслонить, на наш взгляд, того факта, что ведущей тенденцией в их творчестве этих лет был все-таки экспрессионизм, проявившийся по-разному у обоих и с неодинаковой долговечностью в разных жанрах¹³. В поэзии Цесарца он сохраняется до середины 20-х годов¹⁴. Он определяет и характер лирики

¹² S. Vučetić. Ibid., s. 41—53 («Struja ekspresionizma»). Вучетич выделяет прозу М. Крлежи, считая ее «современно-реалистической» (s. 53); I. Frangeš. Ibid.

¹³ См. Н. Б. Яковлева. М. Крлежа и возникновение революционно-пролетарской литературы в Хорватии. В кн.: Пути реализма в литературе стран народной демократии. М., «Наука», 1965.

¹⁴ См. S. Vučetić. O stihovima Augusta Cesarca. В кн. того же автора: Između dogme i apsurda. Zagreb, 1960.

Крлежи, хотя реалистические зарисовки появляются в ней в самом начале 20-х годов и постепенно занимают все большее место. То же относится и к драме. Не говоря уже о ранних пьесах Крлежи, экспрессионизм которых никем не отрицается, и в следующем драматургическом цикле — «В лагере», «Вучьяк», «Голгофа» (1918—1923) — чувствуется сильное влияние экспрессионизма, причем в «Голгофе» он определяет весь характер произведения, вплоть до его философской концепции. Писатель впервые в хорватской драматургии обращается к изображению рабочего класса в трагический период его поражения, но созданные им образы революционеров, при всей связи пьесы с реальными событиями, лишены конкретности, библейская символика абстрактна, драму пронизывает идея жертвенности, не исторического, а морально-психологического возмездия предателям рабочего класса. Но верно и то, что данный цикл является переходом на позиции нового метода — реалистического. Совершается не только идейная, но и эстетическая эволюция, приведшая писателя к новой художественной форме.

Еще раньше этот процесс наметился в прозе как у Крлежи, так и у Цесарца. В их первых прозаических произведениях явно властвует экспрессионизм (Крлежа — «Хорватская рапсодия», 1917, «Ходорлахомор Великий», 1919; Цесарец — «Великий комтур перед трибуналом совести», 1918, «Зверь-гора», 1919 и др.). Крлежу больше интересуют судьбы людей, выбитых из колеи, потерянных и одиноких. Протест человека против невыносимых условий жизни, против насилия над личностью, его попытки, чаще всего тщетные, вырваться из-под власти мещанских предрассудков и невежества — к этим темам писатель неоднократно будет возвращаться в поэзии, прозе и драме. Темы Цесарца лежат в иной плоскости. Уже в первых его рассказах («На последнем пути», 1919) появляются многое перестрадавшие и пережившие, но не согнувшиеся люди, выделяется герой, отдавший себя революции, — предтеча образов революционеров в творчестве Цесарца.

Оба писателя приходят к реалистическому методу, обогащенные личным опытом, накопленным во время подъема и спада рабочего движения. Изучение закономерностей общественной жизни и классовой борьбы, художественный анализ современности, преломленной в судьбах и взаимоотношениях людей различных социальных прослоек, мировоззренческое возмужание художников обусловили и их эстетическую эволюцию. Экспрессионистский период в творчестве Крлежи и Цесарца длился недолго. О реализме в их прозе можно с полным основанием говорить уже в связи со сборниками антивоенных новелл Крлежи «Хорватский бог Марс» (1922) и «Тысяча и одна смерть» (1933), его прозаическим и драматургическим циклами «Глембай», в связи со сборником рассказов Цесарца «На новом пути» (1926)¹⁵, его романами «Цесарево королевство» (1925) и «Юноша из золотой молодежи и его жертвы» (1928).

С середины 20-х годов экспрессионизм перестал существовать как направление. Но влияние его сказалось на творчестве многих писателей, придерживавшихся качественно иного метода. Его испытали поэты-импрессионисты (Г. Крклец, Н. Полич, В. Ковачич), натуралисты (М. Бегович), стоявший вне всяких течений, но многое от них воспринявший

¹⁵ В упоминаемые сборники вошли и произведения, написанные Цесарцем и Крлежей ранее. Произошла встреча разных методов, о которых — в связи с рассказами Цесарца — М. Баудич говорит: «первый заключается в экспрессионистском метании и поисках революционного выражения, а другой показывает Цесарца сильным реалистом с широким этическим размахом» (М. B a u d i c. August Cesarec pri-povedac i romanisijer. — «Izvor». Zagreb, 1950, № 4, s. 246).

Т. Уевич ¹⁶. Экспрессионистский опыт наложил свой отпечаток на дальнейшее творчество Крлеки и Цесарца, усилив художественную выразительность их поэтической речи, остроту драматургических решений и эмоциональность языка.

В поэзии были довольно прочными позиции импрессионистов. Большинство поэтов этой группы (Н. Полич, Л. Виснер, Д. Домьянчик, В. Майер) продолжало традиции «Хорватского модерна» с его культом пейзажной и любовно-романтической лирики, строгой поэтической формы. В конце 20-х — начале 30-х годов к ним присоединились более молодые Ф. Алфиревич, О. Делорко, В. Влаиславлевич. Они много сделали для развития поэтического языка и стиха. Поэзия их интимна, камерна и задушевна, в ней воссоздан прекрасный мир природы, звуков, красок и ритма, мир личных переживаний. Но очень редко в ней звучат общественные мотивы (Н. Полич, В. Майер, В. Ковачич). Импрессионистская тенденция оказалась довольно распространенной в хорватской лирике в связи с приверженностью многих поэтов к определенному кругу поэтических тем и прежде всего к теме родной природы. Широкое распространение связанных с импрессионизмом малых лирических форм привело к почти полному отсутствию в этот период эпической поэзии.

Веяния сюрреалистические не оставили глубокого следа в хорватской лирике. Они не привели к созданию литературного течения или группы (даже такой, как «дадаисты» или «зенитисты», с шумом заявившие о себе в литературе и столь бесславно из нее ушедшие). Вместе с тем сюрреализм, не получив широкого распространения, дал все же себя знать и не в декларациях, а в поэтических произведениях.

Он заметен в творчестве крупного поэта Тина (Августина) Уевича (1891—1955). Активный участник демократического движения накануне первой мировой войны, Уевич в 20-е годы отходит от общественной борьбы. Его демонстративная оппозиция по отношению к обществу в целом свидетельствовала об отрицании им буржуазной морали, насилия над личностью. Но, лишенная какой-либо опоры, она приводила поэта к неустанной, изматывающей борьбе с самим собой, к эгоцентристическому индивидуализму, к упадническим настроениям и мотивам. Его стихи окрашены чувством одиночества и неуверенности, горечью воспоминаний о попранных идеалах молодости. Хотя изредка и вырываются у Уевича строки, прославляющие солнце, сильных духом людей, поэт не верит в борющихся и не имеет ни сил, ни желания принять участие в борьбе. Как и все матошевцы (а он начинал в их кругу), Уевич на всю жизнь сохранил преклонение перед словом, классической поэтической формой, что не мешало ему экспериментировать в самых различных поэтических манерах. Он быстро отказался от бесмысленных дадаистских вывертов, но экспрессионистические и сюрреалистические опыты прочно вошли в его поэтический арсенал.

Накануне второй мировой войны появилась плеяда молодых поэтов (Д. Иванишевич, Ш. Вучетич, Ю. Каштелян), в творчестве которых не без влияния сюрреализма появляются элементы усложненно-ассоциативной поэтической речи, причудливой многослойности образно-звуковой связи, самодовлеющей символики. Эти поэты, в отличие от Уевича, были связаны с социальным направлением в поэзии. Ю. Каштелян, например, примирился с самому левому крылу хорватской литературы. Его первый поэтический сборник «Красный конь» (1940) был сожжен полицией.

¹⁶ Неубедительным представляется предложение М. Ваупотича, высказанное на симпозиуме в Сараеве,— рассматривать экспрессионизм прежде всего как тенденцию и в связи с этим продлить его существование до 1929—1930 гг. Но как стилевая тенденция он проявляется и много позже.

Переход к реализму в середине 20-х годов Крлежи, Цесарца, А. Б. Шимича ознаменовал в те годы возрождение реализма как метода. Именно возрождение, так как борьба против приземленности, мелкотемья, которые шли вразрез с бурной общественной жизнью начала 20-х годов, приводила к недооценке реализма и его возможностей. Престиж реализма не могли тогда защитить представители старшего поколения (К. Ш. Джальски, Д. Шимунович), чьи произведения тех лет не обладали ни силой художественного обобщения, ни демократизмом позиции. Пожалуй, лишь В. Цар Эмин брался за остросовременные национальные проблемы (пьеса «Мертвая страж», 1923). Реабилитировать реализм могли только крупные писатели, активные участники общественной борьбы. Ими оказались прежде всего Крлежа и Цесарец.

Сфера влияния реализма постепенно расширяется. Появляются произведения С. Колара, П. М. Мишкины, Ст. Галогажи и Д. Цесарича. Ведущим прозаическим жанром становится рассказ. Развивается очерк, в котором все большую роль, при сохранении документальности, играет беллетристическое начало (Цесарец, Крлежа, Батунич, Цар Эмин). В литературу входит политическая проблематика. Публицистичность становится органической чертой многих произведений. Она особенно характерна для Крлежи и Цесарца, хотя по-разному воплощается в их творчестве. Продолжая традиции социального реалистического романа предшествующих эпох (при этом не только хорватского, но и русского, в частности, романов Достоевского¹⁷), Цесарец обращается к созданию крупных прозаических полотен. Они новы своей идеиной направленностью и ощущением исторической перспективы. Писатель-коммунист стремится воплотить социалистические идеалы, создать образы передовых людей, борющихся за интересы трудящихся. Композиционная рыхłość романов Цесарца, подчас подмена художественного решения публицистическим во многом объясняются уровнем развития жанра, новизной материала и цензурными условиями, из-за которых писатель включал иногда в художественное произведение публицистические пассажи, которые не могли появиться в периодической печати. Несмотря на некоторые слабости, произведения Цесарца были значительным явлением в развитии жанра социально-психологического романа. Они интересны появлением в них некоторых черт социалистического реализма, который под названием «социального реализма» развивается в 30-е годы в хорватской и других литературах Югославии.

Реализм, хотя и в меньшей мере, распространяет свое влияние и на поэзию, где явно сильнее зазвучали социальные мотивы, стали более конкретными и глубокими связи с временем (М. Крлежа, А. Б. Шимич, Д. Цесарич).

Реалистическая драма представлена в эти годы тремя пьесами Крлежи («Господа Глембай», 1928; «В агонии», 1928; «Леда», 1931). В драматургии же в целом продолжают преобладать тенденции натурализма, символизма и фольклоризма, фрейдизма и мистики (М. Бегович, П. Пеция, Д. Димович, А. Мурадбегович и др.). Но три драмы Крлежи — огромное достижение югославской драматургии, самое ценное из того, что создано между войнами. Крлежа создал социально-психологическую, масштабную реалистическую драму. По этому пути в 30-е годы пошла целая группа драматургов (А. Цесарец, М. Фельдман, Р. Филипович, М. Маткович).

¹⁷ См. Д. г. B a d a l i ē. F. M. Dostojevski u hrvatskoj književnosti. Zagreb, 1932, s. 96—98; Е. Ф и н ц и. Огледи на књижевност. Београд, 1949; В. З а и н и о в и Ћ. Аугуст Цесарец. Предговор у књ.: А. Цесарец. Златни младић и његове жртве. Београд, 1955, стр. 15; М. В а n d i ē. Ibid., s. 247; П. А. Д м и т р и е в, Г. И. С а ф р о н о в. А. Цесарец и Ф. М. Достоевский. В кн.: Развитие реализма в славянских литературах. Изд-во ЛГУ, 1962.

Реализм не имел общей идейной программы, он еще проходил стадию оформления, овладения на первых порах преимущественно малыми, более оперативными жанрами (романы Цесарца были скорее исключением). Но уже во второй половине 20-х годов выявилось, что это направление наиболее жизнеспособно и художественно плодотворно. Становились все более очевидными общественная закономерность его появления, его социальная направленность, тяготение к нему писателей, чье творчество определялось этой направленностью, возросла его значимость в литературном процессе.

Установленная в 1929 г. монархо-фашистская диктатура ополчилась против рабочего движения и всех демократических сил. Положение в Хорватии осложнялось тем, что в оппозиции к режиму оказались и некоторые реакционно-националистические круги, в частности клерофашистская группировка, развернувшая злобную кампанию против демократов. В распоряжении реакционеров было более 50 периодических изданий. Новые журналы — «Хорватская смотра» (1933—1945) и «Хорватска стража» (1939—1941) — с яростью ополчились на прогрессивную литературу и ее крупнейших представителей (достаточно вспомнить травлю Крлеки, Цесарца, поход против социальной литературы)¹⁸.

Резкое размежевание общественных сил в 30-е годы приводит к консолидации демократической общественности. Большую идеино-эстетическую определенность обретают литературные издания. Если «Хорватска ревија» (1929—1945) вскоре порвала связи с демократическим фронтом литературы, то возникший тогда же «Книжевник» (1928—1938) стал журналом, в котором выступали демократические деятели югославской культуры. «Книжевник» установил связь с прогрессивными зарубежными писателями, участвовал в антивоенных манифестациях, поддерживал решения международных антифашистских и antimилитаристских форумов. В творческих вопросах журнал вел линию на поддержку и дальнейшее развитие реалистической литературы. Он пропагандировал советское искусство и прогрессивное искусство Европы и Америки.

Показательно, что под влиянием общей атмосферы сплочения антифашистских сил в конце 30-х годов заметно отошел от своих аполитичных установок и журнал «Савременик»¹⁹.

Рост антифашистских настроений, объединение хорватских демократических сил, пример и опыт зачинателей «социальной литературы» и М. Крлеки оказали огромное воздействие на развитие критического реализма, интересовавшегося по-прежнему преимущественно жизнью деревни. Павлек Миховил Мишкина, Иван Дончевич, Славко Колар, Векослав Калеб, Иван Горан Ковачич принесли в хорватскую литературу 30-х годов трагизм человеческих судеб, романтическое преклонение перед душевным здоровьем и силой народа, юмористическое и сатирическое изображение быта крестьянства и провинциальной интеллигенции.

Укрепление позиций реализма не прошло бесследно и для поэзии.

¹⁸ Редактор «Хорватской смотры» К. Шегвич видел задачу журнала в том, чтобы противостоять «атмосфере, пропитанной бациллами материализма, марксизма, ложного, эгоистичного колlettivизма. В этой атмосфере гибнет разнообразие нашей жизни. Она почти полностью захватила молодое поколение, о чем можно судить по ее литературной продукции» («Hrvatska smotra», Zagreb, 1933, № 1).

¹⁹ М. Баупотичем собран и обобщен огромный материал по истории хорватской литературной журналистики 1918—1941 гг. См. статьи: «Panorama hrvatske književnosti XX stoljeća. Casopisi 1914—1961». — «Zadarska revija», 1962, № 2; «Hrvatski književni časopisi 1914—1961. Tradicije „moderne“ i novi smerovi (građanski časopisi do 1929)». — «Razlog», Zagreb, № 5—6; «Kraljevini književni časopisi». — «Republika», Zagreb, 1963, № 7—8; «Časopisi hrvatske književnosti (1935—1941)». — «Zadarska revija», 1964, № 2, 3.

В первую очередь это относится к произведениям Крлеки, Цесарича, а также к творчеству Г. Крклеца. Эти поэты развиваются в основном классическую стихотворную форму. При всех индивидуально-стилевых различиях между Д. Тадьяновичем, И. Г. Ковачичем, Л. Перковичем, М. Баллотой, Д. Жерве и другими авторами общим для них было определяющее влияние реализма. Это не отрицает использования поэтами художественных приемов других течений. Скажем, у Крклеца сильны элементы импрессионизма, Ковачичу близка романтическая метафорика. В стихах Тадьяновича, отказавшегося от рифмы, но усовершенствовавшего ритмику стиха, видна подчеркнутая простота, даже нарочитая, сознательная упрощенность. Обращение целой группы поэтов к родным, кайкавскому или чакавскому, диалектам было связано не только с обострением национальной проблемы в Хорватии, но и, как справедливо считает М. Франичевич, с отталкиванием от «зализанных, запоэтизованных слов и поиском самого непосредственного и прямого пути к человеку...»²⁰. Их стихотворения обогатили музыкальную структуру хорватского стиха и поэтическую речь, расширив ее возможности.

Центральной фигурой прогрессивной литературы 30-х годов продолжал оставаться М. Крлека. Его творчеству, особенно его романам, присущи многоплановость и масштабность, страстная тенденциозность, выражаящаяся в эмоциональной напряженности, четкости и откровенности авторской позиции, а подчас и в применении открыто публицистических средств. Острая публицистичность была обусловлена самим выбором поставленных проблем, их социальным характером. Судьбы героев, возникающие конфликты, даже, казалось бы, личного плана, всегда подаются Крлекой в переплетении субъективной и общественной сторон, с подчеркиванием социально-политической подоплеки происходящего. Писатель пережил увлечение фрейдизмом, но в его произведениях при раскрытии психологии героев (вплоть до болезненно-ущербных отклонений) никогда не упускаются из виду условия, формирующие характеры персонажей.

Против мира лжи, кошмаров и деградации восстают многие герои Крлеки. Они одиноки, бунт их анархичен и индивидуалистичен, они не способны на сколько-нибудь активное сопротивление. Сконцентрировав внимание на критике общественных условий, на раскрытии характеров носителей социального зла и их жертв, Крлека не говорит — в отличие от более ранних своих рассказов — о тех людях и общественных группах, которые способны к активной борьбе. Потерянным оказывается ощущение исторической перспективы. Усиливаются индивидуалистические тенденции и пессимистические настроения писателя. Это отдало его от «социального реализма», обусловило его расхождения с представителями этого течения. Вместе с тем творчество Крлеки, благодаря глубине и многосторонности его таланта, все же имело много общих черт с «социальным реализмом». Влияние Крлеки было огромным, оно затронуло представителей различных тенденций и ориентаций в реалистической литературе, находя свое выражение как в чисто внешнем подражании его художественной манере, так и — что важнее — в выборе и трактовке общественных проблем, причем с усвоением и сильных, и слабых сторон философской концепции писателя.

В конце 20-х годов художники, тяготеющие к активному участию в социальной борьбе, остро критикующие общественный строй, начинают объединяться, группируясь около своих, очень недолговечных из-за материальных трудностей и цензурных условий, изданий (поэтический альманах «Книга товарищей», 1929; журнал «Критика», 1928). На протяжении 30-х

²⁰ «Literatura». Ibid., s. 1269—1270.

годов эта группа постепенно сплачивается, в ряды ее входят писатели-коммунисты или сочувствующие борьбе рабочего класса (А. Цесарец, Х. Кикич, Н. Симић, М. Фельдман, И. Фрол, С. Галогажа и др.). Они сумели подойти к освещению важнейших процессов национальной жизни со знанием закономерностей общественного развития, с пониманием исторических перспектив. Молодое литературное направление, получившее название «социального реализма» и явившееся начальным этапом социалистического искусства, выдвинуло целую плеяду талантливых авторов. Оно действовало в труднейших условиях. Прекращавший свое существование журнал передавал эстафету другому: продолжая традиции «Пламена» и «Книжевне републике» (1923—1927, ред. Крлежа), в Загребе возникают «Литература» (1931—1933), «Култура» (1933), «Книжевни савременик» (1936—1937; 1938 — под названием «Култура»), «Израз» (1939—1941). Облик этих изданий определялся их марксистской ориентацией, преимущественным вниманием к общественно-политическим и философским проблемам, наличием богатых и сильных публицистических отделов, которым явно уступала беллетристика. Журналы стремились содействовать объединению революционных писателей Югославии (в первую очередь, писавших на сербско-хорватском языке).

В этих журналах нашли отражение борьба за новое искусство, трудности становления нового метода, преодоление сектантско-вульгаризаторских взглядов на литературу, философское возмужание марксистской критики. Дискуссии, которые велись в левой печати между журналами Крлежи («Данас», 1934; «Печат», 1939—1940) и органами группы «социального реализма», определялись сложными и разнообразными факторами. Связанные с ними материалы, их влияние на литературную жизнь (причем, не только хорватскую) пока еще недостаточно изучены, чаще всего освещаются односторонне, без учета художественной практики. Споры эти, безусловно, способствовали постановке и более глубокой разработке вопросов художественного мастерства. «Художественно творить, — писал М. Крлежа, — значит не только хотеть, но и уметь». Нельзя не заметить, что в пылу полемики Крлежа и его сторонники подчас умаляли значение революционной идейности литературы, за которую ратовал Крлежа в период «Пламена» и в 20-е годы. Острые философские и эстетические разногласия не могли не привести к расслоению в лагере левой литературы, причем в самый канун фашистского нашествия.

Наибольших успехов «социальный реализм» достиг в прозе. Он дал и лучшие драмы 30-х годов. Правда, они не обладали большими художественными достоинствами, но выгодно выделялись на фоне отечественного репертуара, основу которого составляли, как и в 20-е годы, символико-романтические или натуралистические пьесы. Заслуга группы драматургов-реалистов — в смелом, требовавшем гражданского мужества продолжении традиции остроконфликтной реалистической драмы, не боящейся суровой критики существовавших порядков.

Новелла, очерк, путевой репортаж остались наиболее распространенными жанрами в прозе «социального реализма». Заметных успехов добились роман. В этом жанре выступили Х. Кикич, Н. Симић, Г. Карловчан, находившие своеобразное индивидуальное решение многих общих художественных задач — показать пробуждение отупевших от нужды и голода крестьян и рабочих, их стремление осмыслить свое положение и найти из него выход. Новаторство «социальных реалистов» состояло в художественном изображении этого переворота в умах. Они не только выступили с качественно новых идейных позиций, но обогатили — тематически и художественно — хорватскую прозу, внесли свой вклад в развитие ее стилевого многообразия, способствовали дальнейшему освоению жанра романа.

Для прозы «социального реализма» были наиболее характерны две основные тенденции: углубление психологического анализа, связанной с ним индивидуализации и детализации и создание обобщенных, своеобразных образов-символов (Кикич — «Взяли!», «Буки»).

В литературу властно входит социально-политическая проблематика. Писатели берутся за изображение массы, коллектива, совместного труда, стихии толпы, настроения восставшего народа (в этой области используются достижения экспрессионизма). Развиваются большие жанры, дающие возможность значительных социальных и художественных обобщений. Усиливается эмоциональная емкость художественного слова. Вместе с тем в прозе получает развитие и другая тенденция: проникновение в художественную ткань произведения публицистики. К сожалению, не всегда публицистическое начало органически входило в произведение, подчас оно нарушало его художественную целостность. Обращение писателей к вопросам политической борьбы, взаимоотношениям классов, столкновению разных идеологий и теорий привело не только к проникновению в прозу публицистических моментов, характерных для стиля Цесарца, Кикича, а также и Крлежи, но и к преобразованиям внутри самих жанров. Герои Цесарца ведут политические и литературные диспуты, создавая интеллектуальную атмосферу романа «Эмигранты», а иносказательная манера, свойственная его притчам-легендам, еще больше подчеркивает их философский характер. Крлежа, романы которого тоже насыщены идеиними спорами и столкновениями в форме многостраничных монологов и диалогов, обращается к жанру политического романа-памфлета. Новизна романов Кикича для хорватской литературы — в их лиро-эпическом характере, соединении репортажности с обобщенностью образов, эмоциональной экспрессивности стиля и введении лирического комментария.

Подводя итог этого по необходимости краткого и схематичного обзора, хотелось бы подчеркнуть некоторые основные соображения и выводы.

Период 1918—1941 гг. насыщен борьбой за социально активную литературу, завершающейся усилением позиций реалистического искусства, которое в 30-е годы становится ведущим, найдя выражение в двух направлениях: критическом и «социальном» реализме. Реалистическая проза создает крупнейшие художественные произведения, ставшие достоянием общеюгославской культуры. Прежде всего это относится к реалистическому роману. «Социальный реализм» продолжил традиции революционной литературы 20-х годов.

Сила демократического лагеря в хорватской литературе во многом определялась многообразной деятельностью двух писателей-коммунистов, самых ярких художников межвоенного периода — М. Крлежи и А. Цесарца, которые оказали огромное моральное, политическое и эстетическое влияние на несколько поколений югославской интеллигенции, на широкий круг читателей.

Столь остро стоящая сейчас проблема взаимосвязи литератур народов Югославии требует специального исследования. Здесь недостаточно отдельных ссылок на влияния и усиливающиеся контакты. Необходимо обобщение большого фактического материала (пока он даже не собран), сопоставительный анализ творчества отдельных писателей и целых литератур.

Изучение художественных тенденций межвоенного двадцатилетия дает возможность понять современный литературный процесс, в котором они находят прямое или косвенное продолжение. Истоки некоторых литературных споров наших дней идут к 20—30-м годам. История помогает во многом разобраться. Она восстанавливает несправедливо забытые имена и вводит их в жизнь родной литературы и литературы других народов.

M. M. КОПЫЛЕНКО

КАК СЛЕДУЕТ НАЗЫВАТЬ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКОВ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ?

Среди живых и мертвых языков, пожалуй, нет другого языка с таким разнообразием названий, какое характерно для языка древнейших памятников славянской письменности. За каждым из названий скрывается определенная научная позиция: та или иная этническая атрибуция памятников или характеристика их содержания. Приводим более или менее полный перечень названий, мотивировка которых известна каждому слависту: «древнесловенский», «древнеболгарский», «староболгарский», «(древне)церковнославянский», «старославянский»¹, в последнее время также «общеславянский» (Й. Курц) и «древнеславянский» (Н. И. Толстой).

В новейшем сравнительном словаре славянских языков некоторые из этих терминов являются параллельными, не исключающими друг друга: для обозначения разных эпох развития древнейшей славянской письменности приняты обозначения «древнечерковнославянский», «древнеболгарский» и «церковнославянский»². Известен также ряд терминов для обозначения разновидностей (редакций, изводов) древнего литературного языка славян: «чешско-церковнославянский»; «русско-церковнославянский», или «славяно-русский»; «сербско-церковнославянский», или «славяно-сербский», а также «сербско-словенский»³, «хорватско-церковнославянский», «среднеболгарский» и т. д.

Терминами «древнесловенский», «древнеболгарский» и «староболгарский» подчеркивается лишь происхождение древнейшей славянской письменности, но не учитывается ее огромное культурное значение для всего славянства. К тому же первое название отражает несостоятельную панонскую теорию происхождения древнего литературного языка славян. Термин «древнечерковнославянский» употребляется в зарубежной славистике для обозначения всех этапов развития, а «церковнославянский» — в советской славистике — для позднего этапа развития этого языка. Однако эти названия должны быть отвергнуты, потому что славянская письменность еще в начальный период, не говоря уже о последующем времени, вышла за рамки церковного употребления⁴. Легко отвергается также не подчеркивающий хронологического аспекта термин «общеславянский».

¹ См. анализ этих терминов в статье П. Ђорђић. Терминолошка питања из палеословенистичке. — «Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду», књ. II. Нови Сад, 1957.

² См. рец. L. Kiss. Linda Sadnik — Rudolf Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lieferung 1. Wiesbaden, 1963. — «Studia Slavica», т. X, № 1—2, 1964.

³ См. D. Вагјактеревіч. Odnosi izmdju srpskoslovenskog i srpskog jezika. В сб.: «Славинска филология. Материали за V Международен конгрес на славистите», т. III. София, 1963.

⁴ О неправомерности употребления терминов «(древне)церковнославянский» и «древнеболгарский» см. Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 83—84, 273.

Остаются два названия: привычное, вошедшее в учебные программы и пособия — «старославянский», и новое, которое ввел Н. И. Толстой⁵, а затем поддержали В. Ф. Мареш⁶ и другие лингвисты⁷, — «древнеславянский». Оба термина свободны от этнических или функциональных ограничений, обоими одинаково подчеркнуто то, что речь идет о не употребляемом ныне языке. Они могли бы быть равноправными, вернее, не было бы нужды в новом термине, если бы, несмотря на большое сходство, не было существенного различия в их объеме.

Термин «старославянский язык» применяется обычно лишь к так называемым каноническим памятникам, отбираемым по фонетическим основаниям. Число таких памятников колеблется между 14 (Р. М. Цейтлин⁸) и 26 (Н. Н. Дурново⁹). Но и при одинаковом числе включаемых в канон памятников состав их может различаться. Так, из 20 памятников, включаемых безоговорочно в канон, с одной стороны, Н. Н. Дурново, с другой стороны, Л. Садник и Р. Айтцетмюллером¹⁰, совпадают по составу лишь 17. 6 памятников распределяются между списком Н. Н. Дурново и списком Л. Садник и Р. Айтцетмюллера следующим образом: а) имеются в списке Н. Н. Дурново и отсутствуют в списке Л. Садник и Р. Айтцетмюллера: «Остромирово евангелие», «Туровские листки», «XIII слов Григория Назианзина»; б) имеются в списке Л. Садник и Р. Айтцетмюллера и отсутствуют в списке Н. Н. Дурново: «Синайский служебник», «Надпись царя Самуила», «Слуцкий отрывок»¹¹. Из этих 6 памятников Р. М. Цейтлин причисляет к каноническим только «Синайский служебник». Кроме того, она исключает из канона 2 памятника моравской формации — «Киевские листки» и «Пражские листки», которые как Н. Н. Дурново, так и Л. Садник и Р. Айтцетмюллер относят к числу канонических. Если исключить «Надпись царя Самуи-

⁵ См. Н. И. Толстой. Древнеславянский язык как общий литературный язык южных и восточных славян. — В кн.: «Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени. 27—30 июня 1960 г.». М., 1960; е г о ж е. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. — «Вопросы языкоznания», 1961, № 1; е г о ж е. Роль Кирило-Мефодіївської традиції в історії східно-південнослов'янської писемності. — В сб.: «Питання походження і розвитку слов'янської писемності». Київ, 1963; е г о ж е. Взаємоотношення локальних типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.). — В сб.: «Славянское языкоzнание. Доклады советской делегации». В Международный съезд славистов. М., 1963; е г о ж е. Проблемы истории древнеславянского литературного языка на V Международном съезде славистов. — «Вопросы языкоzнания», 1964, № 4.

⁶ См. В. Ф. Мареш. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. — «Вопросы языкоzнания», 1961, № 2.

⁷ См., например, А. И. Журавский. Некоторые особенности взаимодействия древнеславянского и белорусского литературных языков. — «Советское славяноведение», 1965, № 2.

⁸ Р. М. Цейтлин. О принципах составления словаря старославянского языка. — «Вопросы славянского языкоzнания», вып. 6. М., 1962.

⁹ Н. Дурново. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — «Vuzantinoslavica», I, Praha, 1929. Из 26 памятников 6 включаются им в канон с оговоркой: «Погодинская псалтырь», «Изборник Святослава 1073 г.», «Пандекты Антиоха», «Чудовская псалтырь», часть списка «Слов Кирилла Иерусалимского», первый почерк «Архангельского евангелия» (стр. 77).

¹⁰ L. Sadnik, R. Aitzeztmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten. Heidelberg, 1955. Ср. разную оценку позиций Л. Садник и Р. Айтцетмюллера в рецензиях на их словарь А. Достала (*Slavia*, гоč. XXV, seš. 4, 1956) и Р. М. Цейтлин (*«Вопросы языкоzнания»*, 1957, № 3).

¹¹ Ср. точку зрения С. М. Кульбакина (*«Древне-церковно-славянский язык»*, изд. 3-е. Харьков, 1917, стр. 45), причисляющего к канону безоговорочно «Слуцкий отрывок» и с оговоркой «Изборник Святослава 1073 г.», «Изборник Святослава 1076 г.», «Архангельское евангелие», «Новгородские служебные миниатюры 1095—1097 гг.», «Туровские листки», «XIII слов Григория Назианзина», «Евгеньевскую псалтырь», «Чудовскую псалтырь», «Пандекты Антиоха», «Паримейник Григоровича» и много других памятников.

ла», которую многие авторы считают памятником, далеким по содержанию от старославянского ареала, и «Синайский служебник», который Н. И. Дурново, как и некоторые другие ученые, по-видимому, не отделял от «Синайского требника»¹², то все остальные разногласия касаются лишь фонетического облика текстов. У исследователей существуют разные взгляды на «чистоту» языка памятников, на степень отражения в них фонетического строя того древнего славянского диалекта, который использовали в своих переводах солунские братья и их ученики. Этим и объясняются разногласия относительно состава памятников, причисляемых к старославянскому канону. Позволительно, однако, выразить сомнение в правомерности фонетического критерия.

Нельзя не согласиться с В. Ф. Марешом, который пишет: «С лингвистической точки зрения надо осторожно подходить к термину «классические старославянские памятники». Старославянский язык приспособлялся как в Моравии, так и позже в Болгарии сразу же, так что в действительности не существовал какой-то чистый тип»¹³. В самом деле, даже такой древний во всех отношениях памятник, как «Мариинское евангелие», имеет ярко выраженные сербско-хорватские черты: смещение буквы **ж** с **ѹ** и замену **ы** буквой **и**. На этом основании А. В. Матвеева-Исаева¹⁴ отнесла «Мариинское евангелие» к хорватскому изводу. Против этого возражает Р. Вечерка¹⁵, но его доводы, заимствованные из арсенала все той же «фонетической» позиции, нельзя считать состоятельными. Во вновь найденном «Енинском апостоле» XI в.¹⁶ обнаружена явная болгарская черта — наличие лишь одного редуцированного **ъ**. Однако никто не сомневается в том, что этот в высшей степени важный для изучения древнего литературного языка славян текст будет причислен к старославянскому канону. Почему же в таком случае исключается из канона «Остромирово евангелие» — древний памятник, характеризующийся фонетическими русизмами, но поучительный во многих других отношениях?¹⁷ То же относится и ко многим другим памятникам XI в. русской формации. Не является ли эта тенденция запоздалым пережитком младограмматического увлечения звуковой стороной языка?

На невозможность провести резкую грань между старославянским и церковнославянским, на необходимость введения в орбиту всестороннего лингвистического исследования широкого круга памятников указывают все чаще представители чехословацкой палеославистики¹⁸. Об этом же

¹² См. также: А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. I. М., 1954, стр. 68—73; А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 19—22; Н. Вайн-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 45.

¹³ См. сб.: «IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии», т. 2. М., 1962, стр. 160.

¹⁴ А. В. Матвеева-Исаева. Лекции по старославянскому языку. Л., 1958, стр. 24.

¹⁵ Рец.: В. Вечерка. А. В. Матвеева-Исаева. Лекции по старославянскому языку. Л., 1958.—«Slavia», roč. XXXI, seš. 2, 1962.

¹⁶ См. К. Мирчев. За езиковите особености на новооткрити фрагменти от най-стар славянски апостолски текст — Енишки апостол от XI в. В сб.: «Славянска филология. Материалы за V Международен конгрес на славистите», т. III. София, 1963.

¹⁷ См. Н. Вайн-Вейк. Указ. соч., стр. 55; P. Dilels. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1963, S. 14; P. Vyskočil. 4948 ТАИИИ в Ostromírově evangeliáři.—«Slavia», roč. XXXII, seš. 3, 1963.

¹⁸ См.: A. Dostál. Vztah Dobrovského k Vostokovovi a Kopitarovi a jeho podněty pro další studium staroslověštiny.—«Slavia», roč. XXIII, seš. 2—3, 1954; его же. Staroslověnský jazyk, jeho strukturní charakteristika a lokální typy.—В сб.: «Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii». Praha, 1963. См. также цитированную выше работу В. Ф. Мареша и выступление И. Курца на V Международном съезде славистов.

еще в 20-е годы писал П. А. Лавров¹⁹, а в 30-е годы — Н. Ван-Вейк²⁰ и совсем недавно — в ответах на вопросы, предложенные к V Международному съезду славистов,— советские языковеды Л. П. Жуковская, А. С. Львов, Р. М. Цейтлин и румынский языковед Д. П. Богдан²¹.

Такая точка зрения привела составителей старославянского словаря Чехословацкой академии наук к пересмотру взглядов на старославянский канон²². Главный редактор этого словаря Й. Курц в 1953 г. на Оломоуцкой конференции, посвященной сравнительному изучению славянских языков, заявил, что составители будут следовать лексикографической теории акад. Л. В. Щербы, согласно которой «каждый научный словарь языка, дошедшего до нас только в письменной форме, должен быть в принципе тезаурусом, т. е. должен быть основан на всем доступном материале данного языка»²³. Он отметил также, что указанные теоретические предпосылки относятся не только к «большому» словарю, составление которого — дело далекого будущего, но и к «среднему» словарю, о котором как раз и шла речь на упомянутой конференции²⁴. Однако вскоре составители отошли от этого принципа. В 1955 г. на конференции, специально посвященной проблемам словаря, один из редакторов, К. Горалек, утверждает уже лишь следующее: «...мы не должны были бы отказываться и от мысли о тезаурусной обработке старославянского словаря»²⁵. Но для этого, как замечает далее К. Горалек, «необходимо было бы расширить круг экспертизуемых текстов за счет церковнославянских памятников болгарского извода, главным образом, за счет памятников симеоновского периода, хотя они и дошли до нас в южнославянских или русских списках»²⁶. Й. Курц тоже говорит теперь лишь «о древнейшей эпохе старославянского языка (о памятниках, которые дошли до нас от этой эпохи или возникли в то время)»²⁷. Такая точка зрения привела к непоследовательности, к отсутствию четких принципов отбора памятников²⁸. Представленный во втором выпуске Словаря (стр. XII—XX) список, состоящий из 83 названий, вызывает много недоумений. 10 евангельских текстов. Почему включено позднее Никольское (XV в.), но не включено более раннее Добрейшево (XIII в.)?²⁹ Почему не включено еще более раннее Туровское (XI в.)? 11 текстов «Апостола». Почему не включена сохранившая много древних черт Рокыцанская рукопись?³⁰ 7 текстов «Псалтыри». Почему нет

¹⁹ P. A. Lavrov. Le lexique du vieux slave.— «Revue des études slaves», t. VII, fasc. 1—2, 1927.

²⁰ Н. Ван-Вейк. Указ. соч.

²¹ См. их ответы на вопрос: «Какъвъ тръбва да бъде кръгът от паметници (с техните хронологически и локални граници), който следва да се привлече за въстановяване на езика от кирилometодиев период?» в сб. «Славянска филология. Материалы за V Международен конгрес на славистите», т. I. София, 1963. См. характерное высказывание Й. Курца: «Если бы мы строго придерживались лишь канонических памятников, то не имели бы возможности изучить все лексическое богатство и синтаксические средства древнейшего литературного славянского языка. Да и при изучении звуковой и словообразовательной стороны языка младшие памятники дают существенные пополнения» (там же, стр. 9).

²² «Slovník jazyka staroslověnského», t. 1—10. Praha, 1959—1965.

²³ J. Kuz z. Dnešní stav přípravných prací pro vydání slovníku staroslověnského jazyka a problematika jeho zpracování.— «Slavia», roč. XXII, seš. 2—3, 1953, s. 301.

²⁴ Ibid., s. 301—302.

²⁵ См.: «Slavia», roč. XXIV, seš. 1, 1955, s. 127.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid., s. 125.

²⁸ В свое время это было отмечено рецензентами А. С. Львовым («Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», т. XIX, вып. 2, 1960) и С. Б. Бернштейном («Slavia», roč. XXX, seš. 2, 1961).

²⁹ См. об этом также в рецензии С. Б. Бернштейна, стр. 322.

³⁰ См. о ней: F. V. Ma g e š. Rokycanský rukopis církevně-slovanského Apoštola.— «Slavia», roč. XXVI, seš. 2, 1957.

«Чудовской псалтыри» XI в. с толкованиями Феодорита Киррского? Кроме текстов, восходящих непосредственно к кирилло-мефодиевской эпохе, в словаре представлены, по утверждению составителей, лишь так называемые чешско-церковнославянские тексты («Пражские отрывки», «Житие св. Венцеслава», «Страдание св. Вита» и некоторые другие). Но ведь к этим двум категориям не принадлежат представленные в словаре «Фрейзингенские отрывки» и «Надпись царя Самуила». Да и «Супрасльская рукопись» не имеет отношения к кирилло-мефодиевскому циклу. Она возникла в восточной Болгарии в симеоновскую эпоху³¹, и включение ее в основанный на новых критериях канон не может квалифицироваться иначе, как уступка старому «фонетическому» принципу. Но если речь идет о фразеологическом, лексическом, синтаксическом и, наконец, морфологическом фонде языка, то не является ли случайным обстоятельством то, что в «Супрасльской рукописи» сохранились юсы, а в другом большом памятнике XI в.— «XIII слов Григория Назианзина», также восходящему к симеоновской эпохе, юсы не сохранились? Впрочем, в приведенном выше высказывании К. Горалка явно сквозит мысль о том, что в словаре необходимо было отразить все тексты симеоновского периода, что для исключения их не было никаких принципиальных оснований. Напоминаем, что речь идет о «среднем» словаре, а не о тезаурусе славянской письменности IX—XVII вв., проект которого был предложен в свое время П. А. Лавровым³². Ведь произведения симеоновского периода создавались продолжателями традиций Кирилла и Мефодия, зачастую их непосредственными учениками, и всего лишь 30—40 лет отделяет их труды от переводческой, просветительской и литературной деятельности болунских братьев.

Мнение о том, что в симеоновскую эпоху наблюдается упадок переводческой техники и языковой культуры в целом³³, лишено серьезных оснований³⁴.

Исследователю древнейших памятников славянской письменности, возникших в разных областях, прежде всего бросается в глаза единство их языковой структуры, а не весьма немногочисленные и несущественные различия. Очень показателен в этом отношении развернувшийся в последние годы между болгарскими и чехословацкими учеными спор о происхождении одного из важнейших юридических памятников древних славян — «Закона судного людям»³⁵. По всей вероятности, истина на сторо-

³¹ A. Margulies. Der Altkirchenslavische Codex Suprasliensis. Heidelberg, 1927, S. 246.

³² P. A. Lavrov. Ibid.

³³ A. Margulies. Ibid., S. 242—243; K. Hořálek. K problematice církevněmakedonské literatury. — «Slavia», goč. XXII, seč. 3, 1963.

³⁴ См. об этом И. Гъльцов. Езикови аспекти на Кириллометодиевото дело. — Сб. «Хиляда и сто години славянска писменост. 863—1963. Сборник в чест на Кирил и Методий». София, 1963. О ясном понимании соотношения между языком оригинала и языком перевода, о высоких требованиях, предъявлявшихся к литературному труду, свидетельствует следующее высказывание виднейшего представителя симеоновского кружка Иоанна Экзарха: «Не бо ражицѣ сѧ можетъ приносъ полагати ѹлињскаꙗ языка въ нынѣ прѣлагаемъ. И вскокоу ѹзыкоу въ нынѣ прѣлагаемоу то же быкаєтъ. Небою же г(лаго)лъ въ нынѣ ѹзыциѣ враскънъ, то въ дрѣзѣмъ некраскънъ... не бо есть лѣтъ въ сѧде съмортнти ѹлињска г(лаго)ла, чѣ разоумъ нуждка блюсти... разоумъ ради прѣлагаемъ къннги сѧ, а не тѣль г(лаго)лъ истовынъ радиъ» (И. В. Ягич. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. — «Исследования по русскому языку», т. I. СПб, 1885—1895, стр. 323—324).

³⁵ Болгаро-македонское происхождение этого памятника отстаивают М. Андреев (М. Андреев. В Македония ли е бил създаден «Законъ соѫдный людъмъ» и славянският първоучител Методий ли е негов автор? — Сб. «Хиляда и сто години славянска писменост. 863—1963. Сборник в чест на Кирил и Методий». София, 1963 и другие его работы), В. Ганев (В. Ганев. Законъ соѫдный людъмъ. София, 1959). а моравское —

не чехословацких ученых. Но что дал этот спор для выяснения моравских особенностей древнего литературного языка славян? Не более десятка двух лексем и их сочетаний. Мы отнюдь не отрицаем важности исследования лексических вариантов в древнейших памятниках письменности — труда, начатого В. Ягичем и успешно осуществляемого в наше время А. С. Львовым и Л. П. Жуковской. Но вариантистость простирается в лучшем случае на несколько сотен лексем, в то время как только памятники, возникшие в IX—X вв., содержат их десятки тысяч. Немногочисленные лексические и семантические различия и несколько фонетических черт не могут служить основой для отделения памятников, созданных в конце IX в. в Моравии, от памятников, созданных в начале X в. в Болгарии.

Ученые-пaleослависты со времен И. Добрковского постоянно подчеркивают международный характер древнейшего литературного языка славян, его большое значение в литературной и культурной деятельности всего славянства. В последнее время новые данные по этой проблеме приведены Б. Гавранком³⁶, К. Горалком³⁷, И. Курцем³⁸, Б. Унбегауном³⁹ и другими исследователями. В трудах этих ученых проводится мысль о том, что древний литературный язык славян в самом начале своего развития характеризовался единством, что в нем в эту раннюю пору нельзя выделить ярко выраженных территориальных разновидностей. Они появились в более позднюю эпоху (XI—XII вв.), но древнеславянский долго еще оставался общим литературным языком славянства. В начальный период развития письменности в отдельных славянских землях не было литературного двуязычия, а существовали лишь жанрово-стилистические разновидности, обнаруживающие разные степени взаимодействия древнего болгаро-македонского диалекта с живыми народными языками.

В разное время во всех славянских странах появлялись произведения, написанные на основе живого народного языка. Число их неуклонно возрастало. Древнеславянский литературный язык уступал одну сферу распространения за другой и, наконец, вышел из письменного употребления.

Ввиду того, что разрушилось представление о каноне текстов, характеризующихся «чистотой» языка⁴⁰, необходимо устраниć термин «старославянский», связанный с этим каноном⁴¹. Новым термином «древнеславянский литературный язык» обозначается единый литературный язык южных славян (IX—XVIII вв.), восточных славян (X—XVIII вв.), моравян (чехов) (IX—XI вв.) и влахо-молдаван (XIV—XVIII вв.).

И. Вашица (J. Vášica. *Anonymní homilie rukopisu Clozova po stránce právní*. — «Slavia», roč. XXV, seš. 2, 1956; И. Вашица. Кирилло-мефодиевские юридические памятники. — «Вопросы славянского языкоznания», выш. 7, 1963 и целый ряд других работ), К. Горалек (K. Horálek. K otázce lexikálních bohemismů v staroslověnských pámátkách. — «Slovanské studie. Vajšův sborník». Praha, 1948 и другие работы) и В. Прохазка (V. Procházka. Tři nové marné pokusy o prokázání bulharského a makedonského původu Zakona sudného ljudem. — «Slavia», roč. XXXIII, seš. 2, 1964).

³⁶ B. Haugánek. Otázka existence církevní slovanštiny v Polsku. — «Slavia», roč. XXV, seš. 2, 1956.

³⁷ K. Horálek. K problematice dějin spisovného jazyka. — В кн.: «Studie a práce lingvistické. I». Praha, 1954, s. 373 a d.

³⁸ J. Kuz. Církevněslovenský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva. — В сб.: «Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě». Praha, 1958 и другие работы.

³⁹ B. Unbegau. La notion de la langue littéraire chez les Slaves. — «Revue des études slaves», v. XLII, № 1—4, 1963. См. также упомянутые выше труды И. Гылыбова, П. Дильса, А. Достала, В. Ф. Мареша, Н. И. Толстого.

⁴⁰ При этом нисколько не отрицаются исключительная важность древнейших памятников юсowego письма для изучения фонетического и отчасти морфологического облика языка кирилло-мефодиевской эпохи.

⁴¹ Ср. критическое отношение к этому термину, высказанное П. Джорджичем (Указ. соч., стр. 86).

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

И. СВИРИДА

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НАРОДНОЙ ПОЛЬШИ

(Изобразительное искусство)

Народно-демократическая революция в Польше повлекла за собой преобразования и в области культуры, которые явились составной частью начавшегося социалистического строительства. Важнейшей задачей культурной революции является воспитание социалистического сознания народа. Именно на этом участке борьбы за преобразование общества особую роль приобретает художественная культура. В формировании морального и эстетического идеала, духовных потребностей общества, в распространении прогрессивных и прежде всего социалистических идей — ее важнейшая функция.

В своем развитии художественная культура Народной Польши прошла ряд этапов.

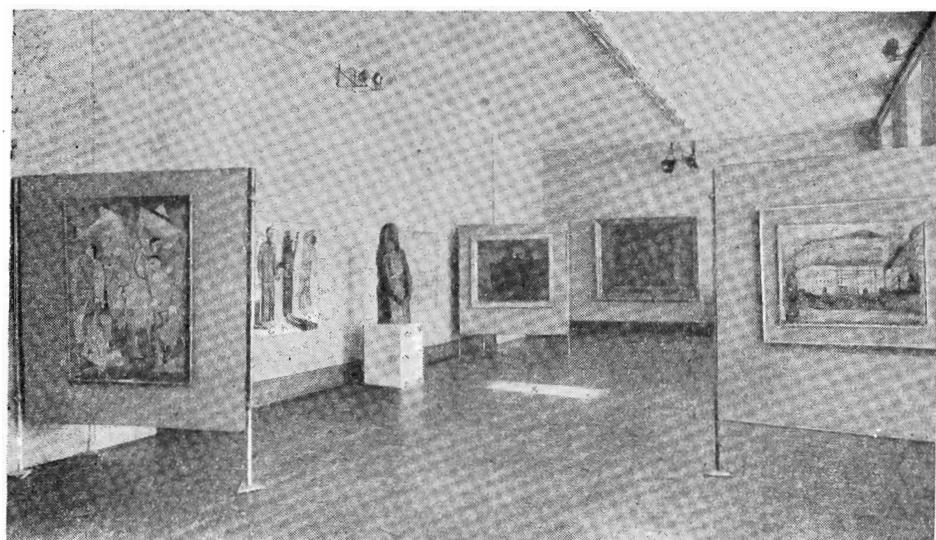
1944—1948 гг. — время возрождения художественной жизни страны, вставшей на путь социалистического развития, сплочения основной массы творческой интеллигенции вокруг новой власти, оформления творческих организаций, начавшегося процесса демократизации художественного творчества. В эти годы Польская рабочая партия развернула борьбу за идеологическое воспитание кадров художественной интеллигенции в духе марксизма-ленинизма, за активное участие их в созидании новой жизни. Были достигнуты первые успехи в этом направлении и тем самым созданы условия для плодотворного развития искусства в дальнейшем.

Укрепление политического и экономического положения государства, национализация материальной базы культуры, завершенная к 1950 г., позволили перейти к более энергичному осуществлению программы партии в области культуры, которая была намечена Объединительным съездом рабочих партий (1948 г.). Наступил период развернутой борьбы за победу социалистической идеологии, за утверждение социалистического реализма как основного метода польской художественной культуры. Он ознаменовался значительными творческими достижениями.

Однако в начале 50-х годов на развитии художественной культуры отрицательно сказались проявления догматизма в культурной политике, затормозившие успешно протекавший процесс, нарушившие его естественность и органичность.

Борьба с догматизмом в культурной политике, особенно решительно развернувшаяся после XX съезда КПСС и VIII пленума ЦК ПОРП (1956 г.), освободила художественное творчество от влияния догматизма в эстетике, открыла новые перспективы его развития.

Сложность внутреннего и международного положения Польши вызвала обострение идейной борьбы. Однако активизация прогрессивных творческих сил определила решающую роль их в развитии художественной культуры.

Экспозиция выставки «XX лет Польской рабочей партии» в Национальном музее в Варшаве. Февраль 1962 г.

Одной из ведущих областей современной польской художественной культуры является изобразительное искусство. Оно завоевало международное признание, что явилось результатом качественных изменений в его развитии в годы народной власти.

Победа народно-демократического строя лишила буржуазию возможности оказывать решающее идеологическое влияние на духовную культуру нации. Она освободила интеллигенцию от необходимости творить в угоду частному капиталу, следя вкусым частного мецената. Изменение политических и социально-экономических условий развития искусства повысило роль художника в обществе, подняло его моральный авторитет, творческую и гражданскую ответственность за свою деятельность.

Принципиально изменились масштабы творческой работы. Система государственных заказов¹ на произведения монументального и станкового искусства, организация общепольских и локальных выставок, многотысячные тиражи иллюстрированных изданий, огромный спрос на предметы декоративно-прикладного искусства, развитие театра и кино, оформление международных выставочных павильонов и новых общественных сооружений, реставрация памятников старины — все это создало необычайно широкие возможности для развития изобразительного искусства².

¹ Следует отметить, что в современной Польше помимо государства и общественных организаций, которые являются основными «заказчиками», значительную роль играют закупки и заказы, осуществляемые церковью и частными лицами. Некоторый процент от общей суммы закупок составляют приобретения посольств и иностранных коллекционеров.

² Разумеется, в первые годы своего существования народная власть не располагала необходимыми для этого материальными возможностями. Лишь по мере того, как восстанавливалась экономика страны, государство выделяло все большее количество средств на поддержку художников и развитие изобразительного искусства. После 1949 года резко возрастает число произведений, закупленных Министерством культуры и искусства:

Годы	Живопись	Скульптура	Графика	Всего
1944—1948	429	70	257	756
1949—1955	3977	535	2135	6647

Народное государство впервые создало условия для действительной демократизации художественного творчества. Начавшийся процесс демократизации включал два важнейших аспекта: демократизация содержания художественного творчества и пропаганда произведений искусства среди широких народных масс.

Уже первые послевоенные годы явились началом реализации программы народного государства в области популяризации изобразительного искусства. Важнейшую роль в этом деле были призваны сыграть художественные музеи. Музейная работа практически начиналась на пустом месте, ибо во время фашистской оккупации коллекции были разграблены, музеи разрушены³, от рук фашистских палачей погибли сотни научных работников.

В феврале 1945 г. при Министерстве культуры и искусства была создана Главная дирекция музеев и охраны памятников старины⁴, которая возглавила работу по восстановлению музеев, разрушенных войной, и созданию новых⁵.

Национализация музеев, начатая декретом 7 мая 1945 г. о переходе Национального музея в Варшаве в собственность государства и завершившаяся в 1950 г., обусловила новый характер развития музейного дела в Народной Польше.

Музеи, наряду с традиционными функциями, выполнявшими ими в предвоенное время (инвентаризация, научная обработка экспонатов и т. д.), большое внимание стали уделять популяризаторской деятельности: были созданы специальные общественно-просветительные отделы, организуются дидактические экспозиции, систематические циклы лекций и бесед, показы кинофильмов по изобразительному искусству⁶, выставки в городских, сельских и заводских Домах культуры, в школах. Вся эта просветительско-пропагандистская работа привела к резкому возрастанию посещаемости музеев⁷ и выставок изобразительного искусства⁸.

Новым в деятельности музеев явилась и организация передвижных выставок. Эта форма музейной работы уже в первые послевоенные годы позволила включить в сферу деятельности музеев самые отдаленные уголки страны, дала возможность десяткам тысяч жителей ранее культурно отсталых районов Польши впервые соприкоснуться с профессиональным художественным творчеством (табл. 1).

Значительное внимание уделяется пропаганде произведений современных художников. В 1949 г. было создано Центральное бюро художественных выставок (CBWA), которое руководит организацией выставок современного искусства по всей стране.

³ В годы войны было разрушено 158 музеев из имевшихся 175.

⁴ С 1951 г. Центральное управление музеев и охраны памятников старины.

⁵ К 1962 г. в Польше было 176 музеев (с филиалами), находившихся в ведении Министерства культуры и искусства, и 44 музея, подчинявшихся другим центральным органам.

⁶ К 1962 г. лекции в музеях посетило 596 800 человек, а киносеансы — 521 800 зрителей (см. «Двадцать лет Народной Польши». М., 1965, стр. 317).

⁷ Посещаемость музеев составила: в 1960 г. — 8338 тыс. человек, в 1961 г. — 11 млн., в 1962 г. — 12 116 тыс. (там же).

⁸ Это положение иллюстрирует следующий пример. В 1934 и 1956 гг. в Польше были организованы выставки работ одного из крупнейших художников Польши XIX в. Петра Михаловского. Приведенные цифры показывают соотношение числа зрителей в 1934 и 1956 гг.:

Год	Общее число зрителей	Время работы выставки (в днях)	Число посетителей в день
1934	3084	26	119
1956	34224	27	1268

См. A. Wallis. Artyści-plastycy. Zawód i środowisko. W., 1964, s. 99.

Таблица 1

Год	Количество городов, в которых устраивались выставки	Количество дней	Количество посетителей
1947	15	231	138 257
1948	110	826	407 081
1949	181	1 123	634 826
Всего:	306	2 180	1 180 164

Приложение. Таблица составлена на основе данных, приведенных в книге «Wystawy objazdowe», W., 1950.

Этой же цели служат галереи современного искусства при музеях. Однако они созданы еще не во всех музеях (например, в варшавском Национальном музее в настоящее время нет экспозиции современной живописи) и функционируют эпизодически. Хотя музеям выделяются специальные фонды для покупки работ современных художников, галереи не располагают коллекциями произведений, достаточно полно характеризующими развитие современного польского искусства.

В пропаганде изобразительного искусства значительную роль играют Курсы изобразительного искусства, возникшие уже в 1945 г. по инициативе Краковского союза художников. Они ставят целью «расширение художественной культуры в области изобразительного искусства и повышение интереса к искусству среди общества»⁹. В последние годы получила распространение организация выставок плаката, графики на улицах и площадях городов, в окнах библиотек и книжных магазинов, в фойе театров и кинотеатров, в кафе. В парках устраиваются экспозиции скульптуры.

Важным моментом на пути демократизации искусства было расширение географии художественных центров. Если в довоенные годы основными центрами, группирующими наибольшее число польских художников и выставок, были Краков и Варшава, то в годы народной власти, при сохранении ведущего культурного значения этих городов, происходит интенсивное развитие художественных центров в ранее культурно отсталых районах страны. Они приобрели самостоятельный творческий характер, внося специфический локальный колорит в культурный облик страны в целом¹⁰. В воеводских центрах и многих крупных городах созданы окружные отделения и филиалы Союза художников Польши.

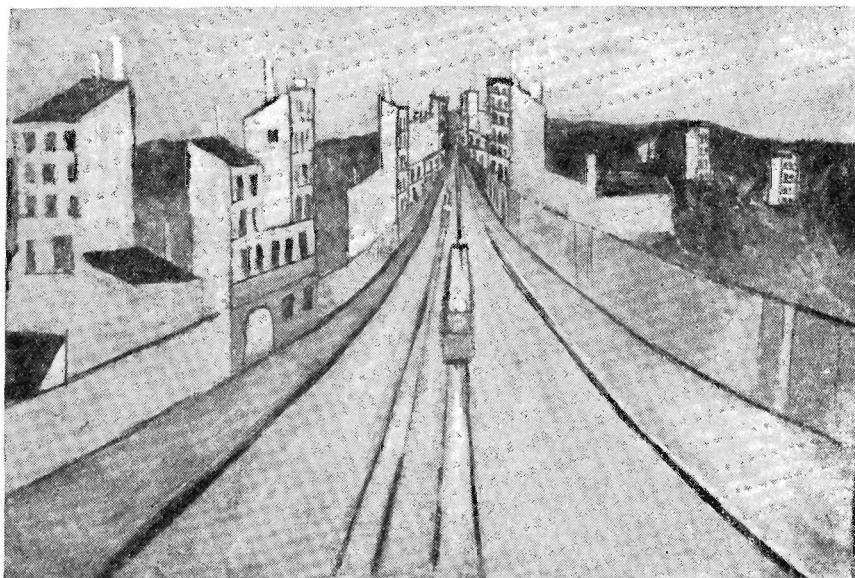
Большое культурное и политическое значение имело развитие национального искусства на Воссоединенных Западных и Северных землях, где были созданы музеи, художественные учебные заведения.

В Народной Польше осуществлены принципиальные изменения и в системе художественного образования. Создана широкая сеть учебных заведений¹¹, которые открывают доступ к художественному образованию всем слоям общества.

⁹ «Przegląd Artystyczny», 1946, № 1, s. 5.

¹⁰ Приводимые в ежегодниках Центрального бюро художественных выставок цифровые данные свидетельствуют об усилении роли художников из новых художественных центров в выставочной деятельности в масштабе всей страны.

¹¹ В настоящее время в Польше существуют: две Академии художеств (Варшава, Краков), четыре Высшие художественные школы (Гданьск, Лодзь, Познань, Вроцлав), Отделение изобразительных искусств при Университете в Торунь, филиал Краковской академии в Катовицах и 22 лицея, дающих среднее художественное образование.

Ежи Новосельский. Лодзинский пейзаж. Масло

Особенностью учебных программ высших художественных школ является их специализация в соответствии с потребностями промышленности данного города. Так в гданьской Высшей школе создан факультет проектирования интерьеров, готовящий оформителей кораблей, в лодзинской — факультет художников по тканям, в познанской — по мебели, во вроцлавской — по керамике и стеклу. Развитая сеть образования обеспечивает постоянный приток творческих сил в польское искусство. 58 % членов Союза составляют художники, дебютировавшие в годы народной власти¹².

Послевоенные годы принесли резкое возрастание числа профессиональных художников, о чем свидетельствует увеличение состава Союза художников Польши:

1939 г.	1946	1949	1956	1960	1964 г.
~1500 чел.	1200	1796	3106	4474	5500 чел.

В настоящее время Польша является одной из стран с наиболее высоким процентом художников по отношению ко всему населению страны.

Работа в области популяризации искусства, проводимая в современной Польше, еще не позволяет говорить о том, что вопрос о массовом зрителе решен, так как не все слои польского общества в одинаковой и достаточной мере приобщены к изобразительному искусству¹³. Важным момен-

¹² Данные на 1958 год. В настоящее время этот процент безусловно выше.

¹³ Как показывает анкета, приводимая А. Валлисом в его книге «Artyści-plastycy. Zawód i środowisko», 77% неквалифицированных рабочих, из числа охваченных анкетой, никогда не посещают выставок; среди людей умственного труда, имеющих высшее образование, этот процент также значителен (27%). Интересный материал по этому вопросу приводит и А. Павелчинская в работе «Свободное время жителей городов». На основании анкеты, проведенной среди 2000 жителей городов Польши, она получила следующие данные о посещаемости выставок изобразительного искусства (в процентах):

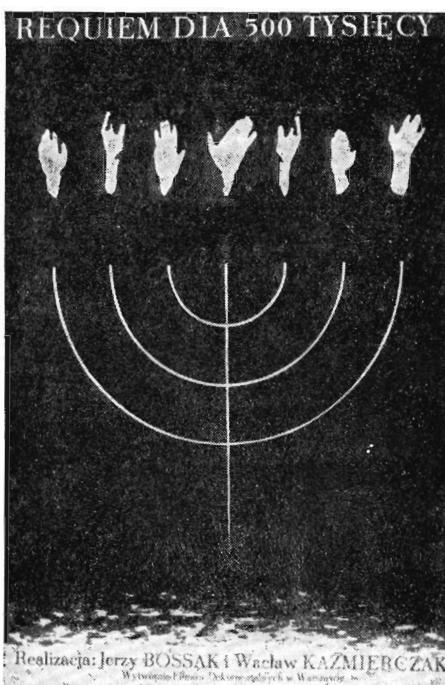
Лица, никогда не посещающие выставок	Один раз в год	Одни или два раза в год	Одни раз в несколько месяцев	Одни раз в несколько недель	В воскресенье или свободный день	Несколько раз в неделю	Нет данных	Всего
45,9	29,7	13,2	4,5	1,4	0,3	5,0		100

том для решения этой проблемы, наряду с дальнейшей активизацией популяризаторско-просветительской деятельности, является активное проникновение искусства в повседневную жизнь.

В связи с потребностями нового общества происходит изменение структуры отдельных видов изобразительного искусства, на первый план выдвигаются наиболее массовые виды творчества. Если в период буржуазной Польши наибольшее распространение имели камерные, станковые виды искусства, служившие для удовлетворения запросов узкого круга людей, то в годы народной власти (особенно очевидным этот процесс становится в последнее время) преимущественное развитие получают такие действительно массовые виды искусства, как плакат, книжная графика, монументальная скульптура, монументальные росписи, проектирование интерьеров, декоративно-прикладное искусство, промышленная эстетика (дизайн). Они позволяют приобщить к художественным ценностям самые широкие слои польского народа, создают возможности для непосредственных контактов с искусством не только на выставках и в музеях.

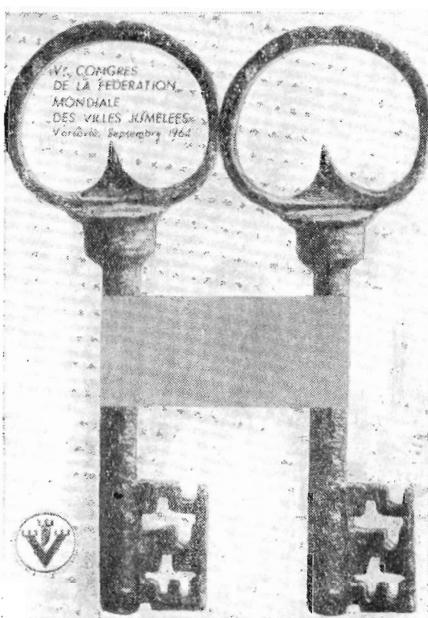
Наиболее яркое развитие в годы народной власти получил плакат. Новаторская форма, острая выражения идеи, богатство реализации творческих замыслов, эмоциональная выразительность — эти черты современного польского плаката принесли ему повсеместное признание. Расцвет плакатного искусства в годы становления Народной Польши вполне закономерен. Подъем этого вида графики обычно происходит в периоды наиболее значительных социально-исторических сдвигов¹⁴.

¹⁴ Это имело место, например, в советском изобразительном искусстве в годы гражданской и Отечественной войн, в венгерском искусстве во время существования Венгерской Советской Республики.

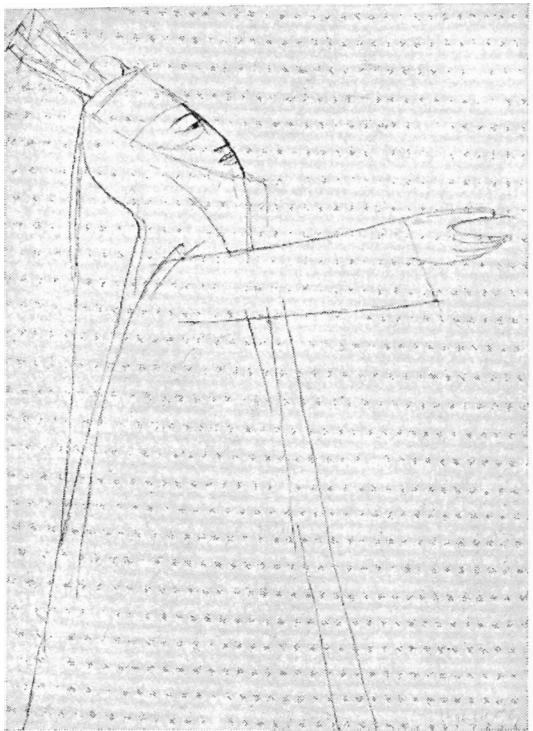

Jerzy BÖSSAK i Wacław KAZMIERCZAK
Wytwórcy filmu "Requiem dla 500 tysięcy"

Лешек Холданович. Плакат к документальному фильму «Реквием 500 тысячам»

Wojciech Zamecznik. Plakat k międzynarodowemu kongresowi miast-pobratimów w Warszawie

Тадеуш Кулісевіч. Рисунок из цикла «Кавказский меловой круг» Б. Брехта. Тушь, перо

вал библиофильский характер большинства иллюстрированных изданий того времени) и достигли в этой области очень серьезных результатов. Характерной чертой творчества современных польских художников книги является серьезная работа над текстом. Они обращаются к произведениям польских и зарубежных классиков литературы, которые неоднократно переиздавались в годы народной власти, к иллюстрированию выдающихся произведений современных писателей. Широкий показ эпохи и героев, описываемых писателями, привел к созданию значительных графических произведений, раскрывающих замысел автора, а порой дополняющих и углубляющих его.

Изменение содержания и возросшая общественная роль иллюстраций неизбежно привели к изменению их изобразительного языка, заставили искать новые приемы. Выйдя из роскошных библиотек аристократии и попав в руки народа, книга не могла говорить с ним интимным шепотом стилизованных рафинированных форм, свойственных польской иллюстрации межвоенного двадцатилетия. Чтобы суметь выразить революционный пафос жизни, нужно было искать и новые средства выразительности. Блестящее развитие в годы народной власти получила детская иллюстрация, что обусловлено работой в этой области плеяды выдающихся мастеров.

Большое значение для развития плаката и книжной графики имеет создание специализированных издательств, которые обеспечивают высокий уровень полиграфии, в значительной мере сохраняющей художественные свойства авторского оригинала. Вместе с тем эти издательства явля-

В связи с этим особая роль выпала на долю политического плаката, достигшего в современной Польше блестящих результатов. Важно подчеркнуть, что история политического плаката связана прежде всего с изобразительным искусством социалистических стран. Официальное искусство буржуазного мира не смогло выдвинуть ни одного крупного мастера политического плаката. Все интересное, что создано в этом жанре художниками капиталистических стран, возникло в противовес официальным доктринаам.

Не менее массовым видом искусства стала в годы народной власти книжная иллюстрация. Это было обеспечено и многотысячными тиражами, которыми издаются иллюстрированные книги, и характером иллюстраций.

Польские иллюстраторы межвоенного двадцатилетия часто ограничивали свою работу декоративным оформлением книги (чему способствова-

ются центрами, способствующими выработке принципиальных основ этих видов искусства.

Плакат и книжная иллюстрация, как наиболее массовые виды изобразительного искусства, способствуют утверждению коммуникативного, активно вторгающегося в жизнь искусства.

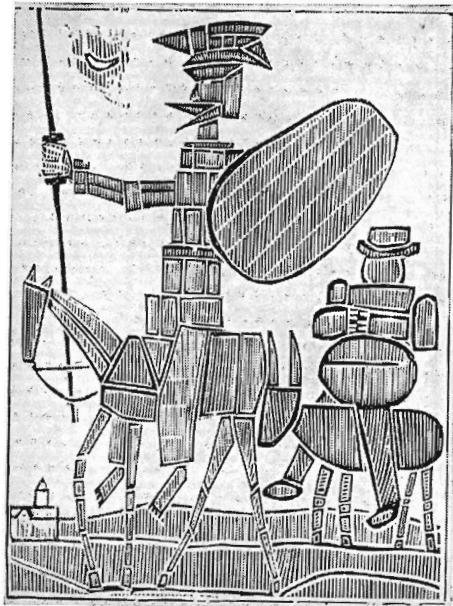
Общенародное значение имело участие деятелей изобразительного искусства в реставрации и реконструкции разрушенных фашистскими оккупантами городов. Росписи польских художников украсили экстерьеры старинных зданий. Именно с работами по восстановлению Варшавы, Гданьска в первую очередь было связано развитие монументальной живописи. Значительную роль играют художники-монументалисты и в работе по созданию новых архитектурных комплексов, разрабатывая принципы современного монументально-декоративного искусства.

В послевоенные годы большое распространение получила монументальная скульптура. Памятники, созданные польскими мастерами, стали центрами городских ансамблей. Образы, запечатленные в них, воспитывают миллионы людей в духе непримиримой борьбы с фашизмом, верности героическим традициям польского народа.

В «традиционных» станковых видах искусства — живописи, графике, скульптуре — также происходят изменения. Активно развивается жанр тематической картины, которая явилась непосредственным ответом на «социальный заказ» нового общества, в графике широко распространяются циклы гравюр и рисунков.

Характерной чертой развития современного польского изобразительного искусства является расширение его тематики. Произведения живописцев, скульпторов, графиков поднимают важнейшие темы современности. События второй мировой войны, восстановление разрушенной страны, строительство новой жизни — все это получило отражение в творчестве мастеров изобразительного искусства, значительно обогатило его содержание.

Для современного польского искусства характерно его активное проникновение в другие области художест-

Ежи Панек. Дон Кихот. Гравюра на дереве

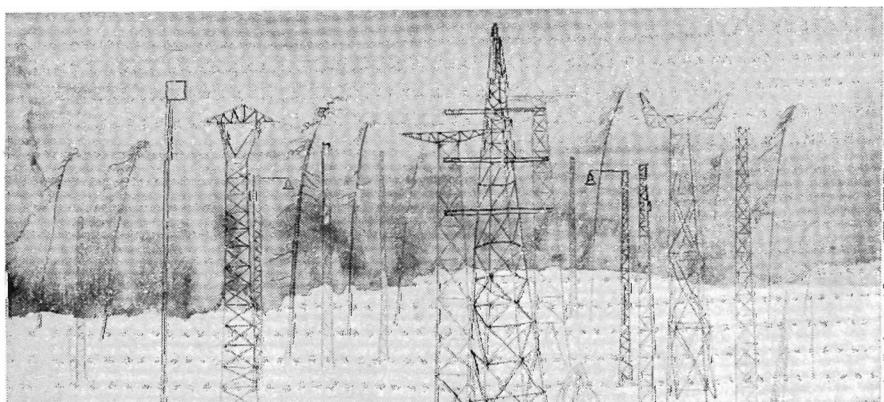
Юзеф Гославский. Чет сойне. Гипс

Чеслав Жепиньский. Портрет художницы Г. Рудской-Цибисовой. Масло

тех случаях, что и русское «изобразительное искусство», более полно соответствует этим расширенным функциям искусства.

Актуальная тема, прогрессивная идея сами по себе не определяют еще ценности художественного произведения. Они могут быть донесены до зрителя, стать активным фактором воздействия на его психологию, мировоззрение лишь при выражении их в яркой художественной форме. Постоянное внимание деятелей польского изобразительного искусства к проб-

Анджей Струмилло. Уральский лес. Тушь, перо

¹⁵ Не менее важным моментом является воздействие приемов изобразительного искусства на творческий почерк постановщиков спектакля или фильма, которые в основу отдельных сцен кладут пластически образное решение.

лемам художественного мастерства является одним из факторов, обеспечивающих успехи искусства Народной Польши, хотя в этих поисках бывает порой много спорного, а иногда и неудачного.

Облик современного польского изобразительного искусства формируется в борьбе различных направлений, которые в значительной мере были унаследованы от предшествующей эпохи. Народное государство и партия последовательно поддерживают все прогрессивные явления в польской художественной культуре. Партия боролась и борется за то, чтобы творчество деятелей культуры опиралось на мировоззрение и методологию марксизма-ленинизма. В партийных документах неоднократно подчеркивалось, что партия должна бороться за новое содержание культуры не административными мерами, а путем убеждения, воспитательной работы. Этот принцип является генеральным в линии ПОРП. Отклонения от него, допускавшиеся в конце 40-х — начале 50-х годов, были решительно осуждены партией.

«Нынешняя культурная политика, — записано в резолюции III съезда ПОРП, — освобожденная от догматических ошибок, обеспечивает творческим работникам все возможности развития, материальную помощь со стороны государства, свободу художественных поисков без административного вмешательства в вопросы творческого мастерства. Наша партия, выражая мнение и запросы народных масс, идеяными средствами борется за искусство, особенно литературу, доступные, понятные и близкие трудящимся и выражающие их социалистические стремления»¹⁶.

Руководящая роль Польской объединенной рабочей партии, деятельность народного государства в области культуры, искренние усилия творческой интеллигенции создают условия для развития художественного творчества, связанного с жизнью народа, отвечающего его потребностям.

Польское изобразительное искусство в генеральной линии своего развития проникнуто духом гуманизма, является носителем прогрессивных идей нашей эпохи.

¹⁶ «III съезд Польской объединенной рабочей партии». Варшава, 1959, стр. 408—409.

НЕКОТОРЫЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Успехи, достигнутые советской лингвистической географией за последнее десятилетие, очевидны. Особенно успешно развивалось лингвогеографическое изучение славянских территорий. За это время вышли в свет такие капитальные картографические произведения, как атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы, атлас болгарских говоров в СССР, диалектологический атлас белорусского языка, лингвистический атлас украинских говоров Закарпатской области¹. Кроме того, ряд атласов составлен и подготовлен к изданию или хранится в рукописном виде. Значительны успехи и других славянских стран в деле создания лингвистических атласов своих территорий. Наконец, широко развернулись работы по составлению общеславянского лингвистического атласа.

Библиография трудов, посвященных различным вопросам лингвистического картографирования, весьма обширна. Однако основное внимание исследователей, совершенно естественно, привлекает лингвистическое содержание карт и атласов. Труды, в которых в той или иной мере рассматриваются картографические способы передачи специального содержания, единичны². Между тем, более внимательное рассмотрение этих вопросов может оказаться весьма полезным для дальнейшего развития лингвогеографии. Одновременно, несомненный интерес представляет также рассмотрение лингвистических атласов как сравнительно нового вида картографических произведений, еще не привлекавшего внимания картографов.

Такая постановка вопроса вполне закономерна. В наши дни картографический метод исследования находит все большее применение в различных отраслях знания, что вызывает необходимость составления самых разнообразных по назначению и содержанию узкоотраслевых, специальных карт. Но несмотря на различия в содержании отдельных видов специальных карт, базирующихся на материалах различных самостоятель-

¹ «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957; «Атлас болгарских говоров в СССР». Под ред. С. Б. Бернштейна. М., 1958; «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Под рэд. Р. И. Аванесава, К. К. Краіўвы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963; И. О. Дзендей. Лінгвістичний атлас українських народних говорів в Закарпатській області УРСР (Лексика), ч. I—II. Іжгород, 1958—1960. В Софии вышел I том болгарского диалектного атласа, составленный советскими и болгарскими диалектологами («Български диалектен атлас». Т. I. Югоизточна България. Съставен под ръководството на Ст. Стойков и С. Б. Бернштейн. София, 1964).

² Ф. Т. Жилко. Принципи лінгвістичного картографування. В кн.: «Республіканська наукова конференція з питань методології мовознавства» (Тези доповідей). Київ, 1964; Й. О. Дзендей. Засади укладання регіональних атласів слов'янських мов. Київ, 1963; об. «Вопросы теории лингвистической географии». Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.

ных наук, в их составлении, редактировании и оформлении существует много общего. В частности, выбор масштаба и проекции, компоновка, составление общегеографических элементов основываются на принципах, одинаковых для карт любого содержания. Передача специальной нагрузки, несмотря на разнообразие типов существующих специальных карт, во всех случаях сводится к использованию сравнительно небольшого числа одних и тех же способов картографического изображения. Наконец, при составлении любой специальной карты в полной мере применяются общие для всех карт принципы картографической генерализации.

Все это дает основания выделять составление и редактирование специальных карт в качестве особого, самостоятельного раздела картографии³. В этом большом разделе, в свою очередь, могут быть выделены отдельные, частные картографические дисциплины: почвенная картография, геологическая картография, экономическая картография и ряд других, в том числе и лингвистическая картография.

Рассмотрим место лингвистических карт в общей системе специальных карт. Какой-либо единой, общепринятой классификации специальных карт в настоящее время не существует. Чаще всего вся совокупность специальных карт делится на три большие группы: физико-географические, социально-экономические и технические карты. В этом случае в составе социально-экономических карт, наряду с другими, выделяется и подгруппа карт населения⁴. Карты населения, в соответствии с рекомендациями Комиссии национальных атласов Международного географического союза⁵, могут быть разделены по содержанию на следующие 4 группы: 1) демографические, отражающие вопросы численности и размещения населения, распределения его на городское и сельское, структуры по возрасту и полу, естественного и механического движения; 2) социальные, отражающие социальный состав населения, профессиональный состав, занятия, отношение к средствам труда и т. п.; 3) карты расселения, включающие характеристику типов поселений в связи с экономическими, историческими и природными условиями, и, наконец, 4) этнографические карты, показывающие, кроме национального состава населения, его быта, культуры, трудовых навыков и пр., также и различные лингвистические особенности. Лингвистические карты, в свою очередь, по содержанию также могут быть разделены на те или иные группы. Но поскольку классификация каждого отдельного вида специальных карт дело специалистов соответствующей отрасли знания, не будем останавливаться на этом вопросе.

Наиболее распространенный в настоящее время во всех странах вид картографических произведений лингвистической географии — лингвистические атласы, часто называемые диалектологическими или атласами народных говоров. При построении классификации лингвистических атласов могут использоваться различные признаки. Наиболее важные из них — содержание и территориальный охват. Не останавливаясь на содержании, рассмотрим лишь второй признак — охват территории, изображаемой на картах атласа. По этому признаку все существующие лингвистические атласы могут быть сведены в три группы:

— атласы области распространения какого-либо языка (диалекта);

*

³ К. А. Салищев. Основы картоведения. Общая часть. Изд. 3-е. М., 1959, стр. 20; А. И. Преображенский и др. Составление и редактирование специальных карт. М., 1961, стр. 8.

⁴ К. А. Салищев. Там же, стр. 160—161.

⁵ О. А. Евтеев. Карты населения в советских картографических изданиях и географической литературе за 20 лет (1940—1960). — «Вопросы географии», сб. 56. М., 1962, стр. 209.

— атласы государств или административных единиц (областей, провинций и т. п.);

— атласы неадминистративных географических регионов.

Атласы языков (диалектов, говоров) многочисленны. Таковы, например, атлас русских народных говоров, украинский атлас, атлас болгарских говоров в СССР и др. Необходимо заметить, что области распространения отдельных языков иногда охватывают весьма обширные территории, вследствие чего при достаточно крупном масштабе картографирования может возникнуть потребность в дополнительном разделении территории на ряд областей (зон), каждой из которых может быть посвящен отдельный атлас. Например, на территории распространения русских народных говоров уже выделено 5 зон (разграниченных линиями меридианов и параллелей), каждая из которых найдет отражение в отдельном атласе. Один из атласов этой серии — атлас говоров к востоку от Москвы, как известно, уже издан.

В качестве примера второй группы атласов укажем упомянутый атлас украинских говоров Закарпатской области, а из зарубежных — атлас говоров Келецкого воеводства (Польша)⁶. Сюда же следует отнести и диалектологический атлас белорусского языка. Судя по названию, его можно было бы включить в первую группу, но содержание атласа ограничено не территорией распространения белорусского языка, а административными границами республики. Заметим, что и в «Атласе народов мира» территория распространения белорусов ограничена Белорусской ССР.

Наконец, среди лингвистических атласов, охватывающих неадминистративные географические регионы, отметим атлас района озера Селигер и атлас польского Подкарпатья⁷. При выделении таких регионов, очевидно, могут быть использованы признаки этнографической, историко-культурной, историко-хозяйственной и т. п. общности территории⁸. Так, по историческому принципу определена территория картографирования Общеславянского лингвистического атласа. В нем будет представлена область древнего расселения славян, в которой сложились славянские языки и их основные диалекты, а не вся территория современного распространения славянских языков. В то же время он охватит и такие земли, где в настоящее время преобладает неславянское население⁹.

Построение большинства отечественных и зарубежных атласов одинаково. Обычно они открываются вводным разделом, состоящим из одной или нескольких вспомогательных и обзорных карт. Далее следует раздел, состоящий из собственно лингвистических карт. Эту часть можно считать основной. Графическая часть обычно сопровождается текстовыми комментариями, которые или компонуются в самом атласе, или издаются отдельным томом.

В вводном разделе, как минимум, приводится одна карта, содержащая названия населенных пунктов, в которых произведен сбор материала, и номера, под которыми они значатся на всех последующих картах. Во многих атласах вводный раздел содержит также и некоторые физико-географические, административные и исторические карты. Для примера можно указать карты вводного раздела в Диалектологическом атласе белорусского языка. Здесь помещены четыре исторические карты, карта современ-

⁶ K. D e j n a. *Atlas gwarowy województwa kieleckiego*, 1—3. Łódź, 1962—1964.

⁷ M. D. M a l ь c e v , F. P. F i l i n . Лингвистический атлас района озера Селигер. M.—L., 1959; M. Małeczk i, K. N i t s c h . *Atlas językowy Polskiego Podkarpacia*. Kraków, 1934.

⁸ Й. О. Д з е н д з е л і в сь к и й . Засади укладання регіональних атласів слов'янських мов, стр. 8.

⁹ Р. И. А в а н е с о в . К итогам работы над Общеславянским лингвистическим атласом.—«Советское славяноведение», 1965, № 1, стр. 49.

ного и дореволюционного административного деления, а также список обследованных населенных пунктов. Особенno интересны в этом разделе две карты, показывающие историю лингвогеографического изучения Белоруссии. Это «Этнографическая карта белорусского племени», составленная Е. Ф. Карским, и фрагмент «Диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново и др. Другой фрагмент последней карты помещен в атласе русских народных говоров. Включение в атласы таких карт особенно ценно, так как благодаря этому создается представление об известной исторической преемственности и в то же время об успехах, достигнутых лингвистической географией.

Основное содержание всех атласов составляют собственно диалектологические карты — карты, представляющие собой графическое изложение материалов, собранных в процессе полевой диалектологической съемки. В содержании этих карт различаются две составные части: географическая основа и специальная нагрузка. Обе части являются «главными» и находятся в теснейшей взаимосвязи. Детальность изображения географической основы, степень ее нагруженности подробностями зачастую определяют применение того или иного способа изображения специальной нагрузки. И наоборот — принятый способ изображения специальной нагрузки требует определенной степени детализации основы.

При составлении различных специальных карт нередко возникает вопрос: какой должна быть географическая основа — подробной или схематической? Ответ на этот вопрос может быть только один: степень детализации географической основы должна быть такой, какая нужна для понимания специального содержания. Например, географическая основа карт в советских лингвистических атласах по сравнению с большинством атласов зарубежных довольно детальна. Изображается основная речная сеть, причем названия наиболее крупных рек подписываются. Изображаются и подписываются областные, а иногда и некоторые районные центры. Показываются границы союзных республик, основная дорожная сеть. Однако в некоторых случаях этого может оказаться недостаточно. Для понимания факторов, повлиявших на формирование какого-либо ареала в такой местности, как, например, Белоруссия, может оказаться необходимым изображение крупнейших болот и лесных массивов, а в горах — основных горных хребтов. Поэтому не случайно на картах болгарского лингвистического атласа¹⁰ при крайней схематичности географической основы составители все же сочли необходимым путем отмывки рельефа показать положение важнейших горных систем. Очевидно, что для различных карт того или иного атласа может оказаться необходимой различная географическая основа, в зависимости от содержания карты и связи изображаемых явлений с элементами географической среды. Но такая дифференциация вероятно достижима лишь в далеком будущем. Пока же во всех существующих атласах все карты строятся на единой географической основе.

Для изображения специальной нагрузки лингвистических карт применяются следующие способы: значковый, текстовой, ареалов и качественного фона, а также их сочетания в различных комбинациях. Во всех случаях, в целях обогащения содержания карт возможно использование различных цветов.

Значковый способ — наиболее распространенный на советских лингвистических картах. Используется он также и в некоторых зарубежных изданиях. К применению значков возможны различные подходы. На картах советских лингвистических атласов в их употреблении устанавливает-

¹⁰ См. «Български диалектиен атлас». Т. I.

ся обычно определенная последовательность. Например, в атласе русских народных говоров основное для той или иной карты противопоставление передается с помощью цвета или, при одноцветном оформлении, системой заливок и штриховок. Дополнительные противопоставления отражаются геометрической формой условных знаков, употребляемых в определенной последовательности. Другим средством дополнительного противопоставления служит перечеркивание знака прямой линией, также в определен-

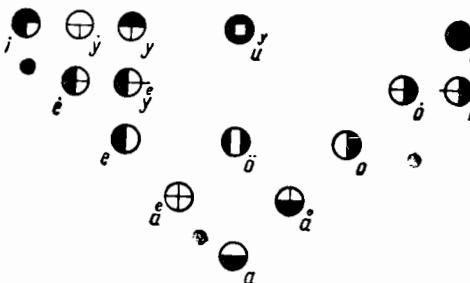

Рис. 1. Условные знаки из «Атласа говоров Келе茨кого воеводства», 1962

ной последовательности. Все это упорядочивает употребление условных знаков, вносит определенную систему, не исключая, однако, возможности применения на разных картах одних и тех же условных знаков в различных значениях.

Особенно интересно решена проблема условных знаков в Атласе говоров Келе茨кого воеводства. Здесь для изображения различных оттенков артикуляции звуков принято 15 постоян-

ных условных знаков. Они представляют собой пунсоны, различным образом перечеркнутые и залитые. Принятая система обозначения гласных показана на рис. 1. В отдельных случаях для передачи других языковых черт (консонантизма, морфологических или лексических явлений) применяют или эти, или новые условные знаки, построенные из различных фигур, но имеющие в своей основе те же варианты пунсонов. Пример применения таких условных знаков можно видеть на рис. 2.

Значковый способ позволяет отражать не только качественные различия, но и количественные. Пример такого использования условных знаков находим в Атласе болгарских говоров в СССР. В качестве основной фигуры здесь принят прямоугольник, который в зависимости от наличия вариантов и их употребительности может быть разделен пополам или в пропорции 2 : 3 и 1 : 3. Каждая из частей выделяется цветом (штриховкой).

В зарубежной лингвогеографии к значкам обычно предъявляют лишь одно требование — различимость. Этим определяется применение геометрических значков самого разнообразного, совершенно произвольного начертания. На картах такие значки применяются в различных комбинациях, причем употребление одного и того же значка на разных картах для передачи различных явлений встречается довольно часто. Единственное, что в таких случаях требуется, это помещение на каждом листе легенды с объяснением принятых обозначений. В качестве примера атласа, отличающегося исключительным разнообразием и сложностью начертания условных знаков, употребляющихся в различных поворотах, с различными геометрическими деталями, укажем Немецкий лингвистический атлас¹¹. Условные знаки одной из карт атласа воспроизведены на рис. 3.

Кроме способа внemасштабных значков, для показа размещения лингвистических явлений, локализованных по пунктам, может быть применен текстовой способ. При его применении на карте у номера, обозначающего положение населенного пункта, надписывается зафиксированное на местности слово. Надпись делается обычно в фонетической транскрипции. Это самый простой, хотя и не самый лучший способ. Основной его недостаток в том, что он применим лишь при обилии свободного места на карте.

¹¹ F. Wrede. Deutsche Sprachatlas. Marburg (Lahn), 1926.

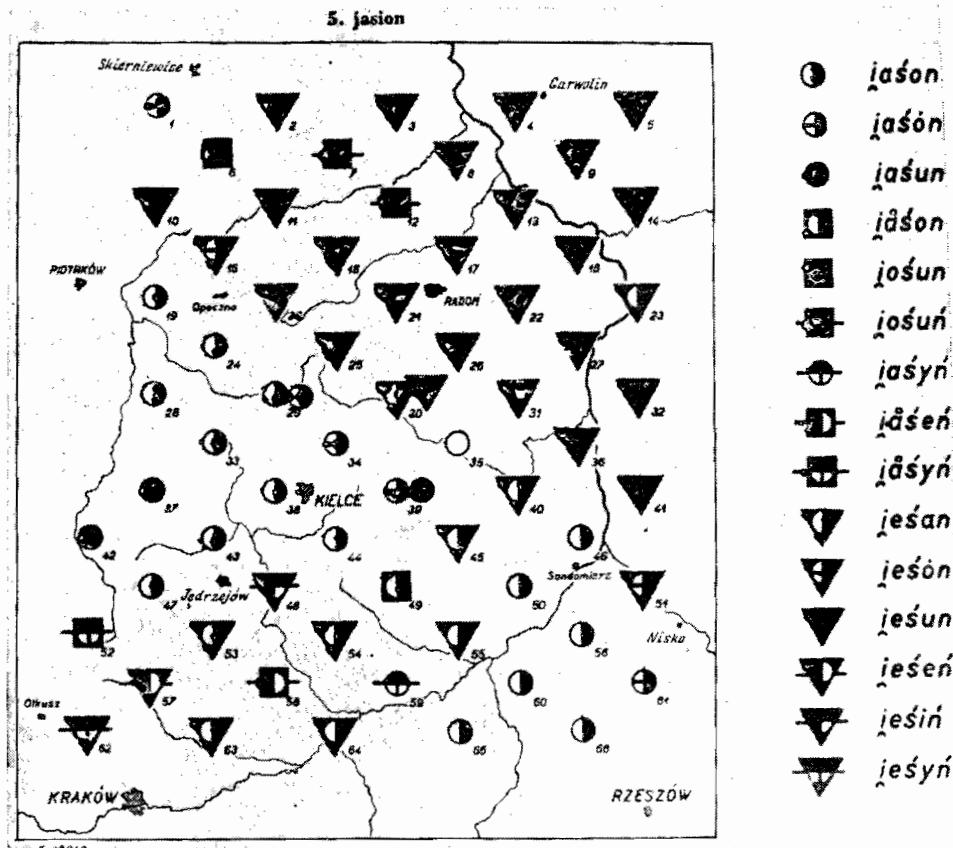

Рис. 2. Применение условных знаков на картах «Атласа говоров Келецкого воеводства», 1962

Известно, что подписи — это элемент, очень сильно влияющий на графическую нагрузку. (Например, на общегеографических картах на долю надписей приходится около половины всей площади, занятой штриховыми элементами.) Поэтому рассматриваемый способ целесообразен только на картах с очень разреженной географической основой и с редкой сетью обследованных пунктов. Он применен в атласе Жильерона, в новых французских лингвистических атласах, в румынском атласе и в ряде других. Приведенный ниже фрагмент одной из карт французского атласа Центрального массива иллюстрирует применение этого способа.

Очевидно также, что при изображении спецнагрузки текстовым способом, обследованные населенные пункты могут изображаться только номерами. Помещение на месте населенного пункта вместо номера надписи, как это иногда делается при применении значкового способа, в сочетании с текстовой передачей спецнагрузки совершенно неприемлемо, так как может превратить карту в газету. Этот пример хорошо показывает теснейшую взаимосвязь, существующую между способами изображения географической основы и специальной нагрузки.

По сравнению с текстовым способом способ внemасштабных значков требует уже выполнения некоторой генерализации. Прежде всего применение значков допускает обобщение. В тех случаях, когда дифференциация каких-либо явлений представляется несущественной, для их изобра-

auf				
I auM	ø uef	~ ub	+ au	↑ etde
z af	z üf, uuf	~ ab	‡ e	
z ä, æaf	z ulf	~ aob	+ o	↓ after
z äf	T uaf	~ åb	+ u	↓ äfter
z öf	z uof	~ aub		↓ efter
z öf	F öf	~ ob	+ ad	↓ eefer
z æf	o hauf	~ oob	+ ar	↓ ewfer
z öf		~ oub		
z äuf	z cuff	~ uob	↑ atter	→ ewer
z äuf		~ üb	‡ äter	→ eewer
I åuf	~ up		↑ äter	
I souf	~ ap	~ auw	↓ ädder	x nach
I ef	~ aop	~ aw	↑ äite	□ paa
λ if	~ åp	~ ew	↑ ädde	
Γ of	~ op	~ ow	↑ etter	
z oaf, öf	~ oop, öp	~ uw	↑ edder	
z öf, oof	~ oap		↑ effe	
I öf	~ oup	~ av	↑ edde	
f öf	~ öp	~ ov	↑ eeder	
z öf	z iup	~ uv	‡ eter	
F ouf, öf	~ uop	~ üv	↑ eddä	
z oeuf	z üp		↑ etter	
I wf	z üp	+ a	‡ ede	
z öf	z üup	+ aa	↑ etda	

per. Elisabeth Diedrichs

Рис. 3. Ёгласные знаки из «Немецкого лингвистического атласа», 1926

жения применяется общий условный знак¹². Кроме того, при установлении системы значков производится целенаправленный отбор: из слова выбирается лишь элемент, иллюстрирующий картографируемое явление. Последнее обстоятельство сторонники текстового способа считают существенным недостатком значков. По их мнению, написание полного слова дает ценную дополнительную информацию о фонетике и лексике. Однако можно с большой степенью уверенности утверждать, что до потребителя эта дополнительная информация не доходит. Поскольку ни в названиях карт, ни в каких-либо других указателях сведения об этой информации не даются, в ее использовании слишком велик элемент случайности. Обычно потребитель находит на картах то, что ищет.

За последнее десятилетие в славянской лингвокартографии широкое распространение получил способ ареалов. Выделение ареалов производится или путем проведения оконтуривающих ареал линий, называемых изоглоссами, или путем применения фоновой закраски. При использовании

¹² Например, в Атласе русских народных говоров одним значком показано ё, не карта 16), ў, w, в (карта 49) и др.

способа оконтурирования обычно не ограничиваются проведением отдельных изоглосс, а идут дальше, по пути синтеза материала: объединяют однородные в определенных отношениях изоглоссы в пучки и затем в пучках выделяют типичные изоглоссы¹³. В зарубежной лингвогеографии изоглоссы преимущественно применяются не в качестве одного из основных способов, а как дополнение к текстовому или значковому изображению. В качестве примера такого употребления изоглосс приведена карта одного из новых французских атласов — Лингвистического и этнографического атласа Центрального массива¹⁴ (рис. 4).

Несколько менее распространенным средством выделения ареалов служит фоновая закраска. В этом случае, наряду со сплошной заливкой выделяемой территории каким-либо цветом, могут применяться также и одноцветные или многокрасочные сетки различных линеатур и рисунков; существо способа от этого не меняется. Многочисленные примеры применения различных вариантов фоновой закраски находим на картах Малого атласа польских говоров¹⁵.

По отношению к значковому способу способ ареалов можно рассматривать как следующую ступень генерализации. Действительно, применение ареалов позволяет перейти от изображения точно по пунктам локализованных отдельных значков к обобщенному показу территории их распространения. С другой стороны, способ ареалов выступает как частный случай более общего способа качественного фона, когда вся территория подразделяется по тем или иным признакам. Как и в рассмотренном частном случае, способы выделения фона могут быть различными (заливки, сетки). Этот способ — один из старейших в отечественной лингвогеографии. Он был применен еще на карте Московской диалектологической комиссии 1915 г. для показа областей распространения различных русских говоров.

Особенно эффективен способ качественного фона при показе одного или нескольких явлений сплошного распространения в сочетании с другими явлениями, которые имеют также сплошное или точечное распространение и изображаются перекрывающимися фонами, изоглоссами, значками или надписями. Но несмотря на столь широкие возможности способа, в современных советских лингвистических атласах он совершенно не используется. Да и в зарубежной практике случаи его употребления едини-

¹³ Заметим, что способ изоглосс имеет лишь внешнее сходство со способом, известным в картографии, как способ изолиний. Последний применяется для изображения явлений непрерывных, имеющих сплошное распространение и постепенно изменяющихся в пространстве (атмосферное давление, температура воздуха и т. п.), тогда как лингвистические явления, изображаемые с помощью изоглосс, таковыми не являются. Они локализованы на площади и изоглоссы лишь выделяют ареал их распространения. Однако отказываться от употребления этого термина вряд ли есть необходимости. В различных отраслях знания довольно широко применяются подобные «изолинии» и даже их системы для показа изменения плотности ареала (поплеты, изоритмы).

Известна попытка отказа от термина *изоглосса* и в лингвистической литературе. Так, Ф. Т. Жилко в указанной выше работе вместо *изоглосса* употребляет термин *линия*. Такую замену нельзя признать удачной. Если уж отказываться от применения термина *изоглосса*, то заменять его следует не *линией*, а *ареалом*, поскольку главное в применении изоглосс не проведение линий, а выделение площадей. Это подтверждается и тем, что за последнее время в литературе при упоминании изоглоссы зачастую подразумевают не проведенную линию, а противопоставление различных условных обозначений. Очевидно, это вполне допустимо: ареал может быть обозначен не только контуром или фоном, но и значками, надписью и др. Однако в этих случаях возможно получение представления лишь о положении одиночных изоглосс, а при необходимости показа пучка все-таки придется прибегнуть к проведению линейных изоглосс, так как разнообразие используемых значков лишит карту необходимой наглядности.

¹⁴ P. N a i t o n. *Atlas linguistique et ethnographique du Massif Central. V. I. Paris, 1957.*

¹⁵ «Mały atlas gwar polskich». Wrocław—Warszawa—Kraków, I—VII, 1957—1964. см. также: H. H u c k e. *Thüringischer Dialektatlas*. I. Berlin, 1961.

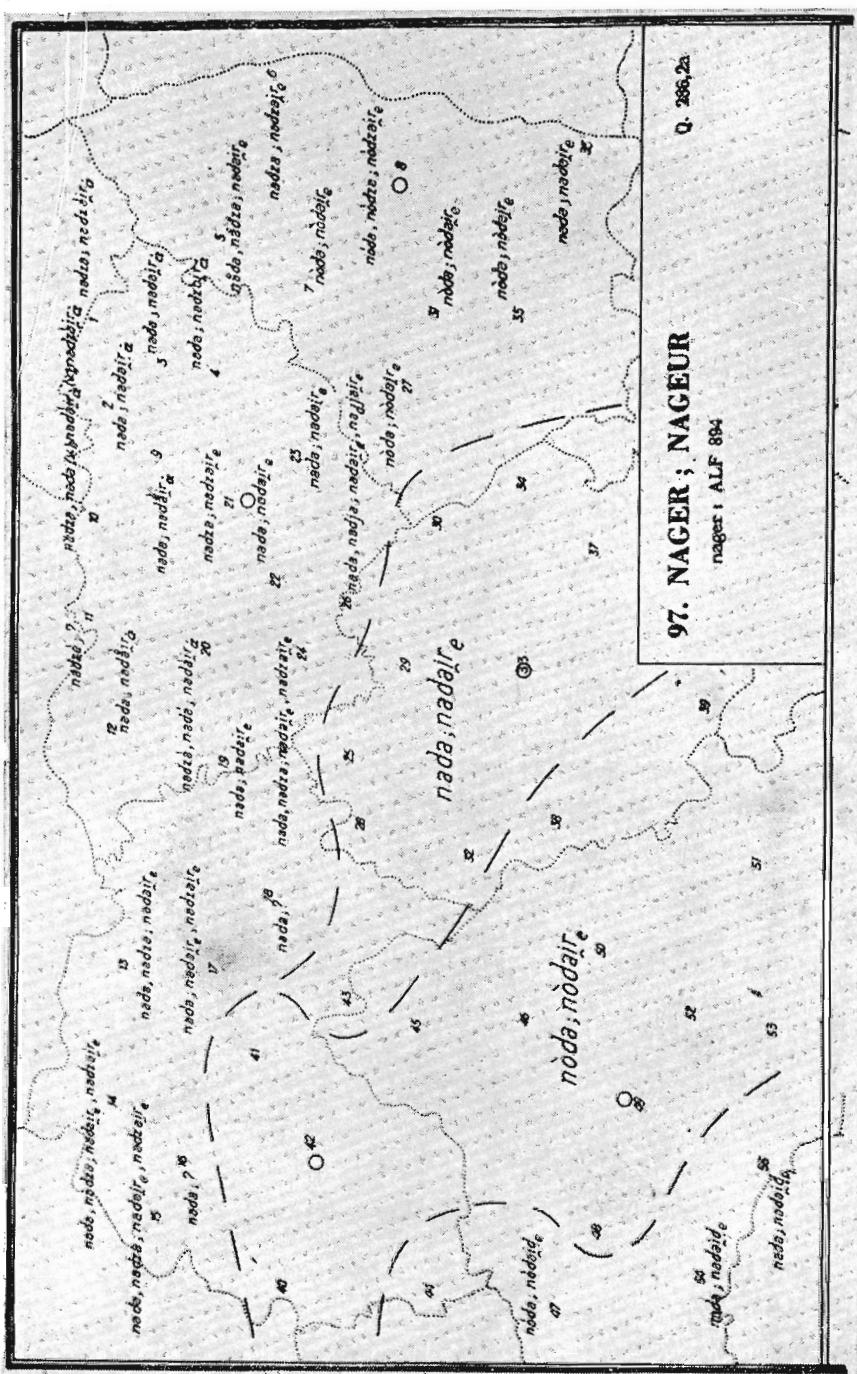

Рис. 4. Незозоссы в «Литературном и этнографическом атласе Центрального массы», 1957

чны. В качестве примера можно указать лишь отдельные карты Малого атласа польских говоров, где применена многокрасочная фоновая заливка, однокрасочный Атлас языков мира Т. Милевского¹⁶ с выделением площадей сетками различного рисунка и несколько карт Диалектологического атласа Тюрингии с сетками разных цветов и направлений.

В ряде атласов рассмотренные способы применяются в различных сочетаниях. Например, в атласе района озера Селигер на одних картах специнагрузка изображена значками различной формы и различного цвета, на других — текстовыми надписями. В атласе областей к востоку от Москвы главный способ значковый, но сводные карты даны в изоглоссах. Особенно разнообразно оформление Малого атласа польских говоров, на одних и тех же картах которого находим значки, изоглоссы и фоновые ареалы, выполненные в пять-шесть красок (общее число красок в атласе — восемь).

Однако способы специальной картографии не исчерпываются рассмотренными. Возможно применение и других изобразительных средств: картодиаграмм, картограмм, изоритмов, используемых для передачи разного рода количественных соотношений. Употребление этих способов встречается в зарубежной лингвистической картографии и в частности в картографии топонимической¹⁷. Весьма интересными представляются и некоторые опыты по применению новых, не известных традиционной лингвистической картографии, способов. Так, на конференции «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии» (1964, декабрь) Г. П. Клепиковой были показаны карты, выполненные по методу семантических микрополей, а А. Е. Супруном — карта со статистическими (вероятностными) изоглоссами.

Лингвистическим картам в полной мере присуще неотъемлемое свойство любой карты — генерализованность изображения. Общая теория картографической генерализации детально разработана советскими учеными¹⁸. Ими установлены пути, которыми осуществляется генерализация: отбор наносимых на карту явлений, обобщение их характеристик и обобщение контуров. При создании лингвистических карт генерализация начинается с таких подготовительных работ, как разработка вопросника, определение частоты сетки обследуемых населенных пунктов и выбор информаторов, и продолжается в процессе собственно составления карт. Все рассмотренные способы изображения специальной нагрузки в той или иной мере требуют применения генерализации.

Конечно, не следует считать, что генерализация ухудшает качество карты, делает ее менее точной, менее достоверной. Выделяя главное, типичное и абстрагируясь от второстепенного, генерализация позволяет получать от карт новые сведения, осуществлять научный синтез. Степень же генерализованности той или иной карты в первую очередь будет зависеть от ее назначения, а также от масштаба изображения, особенностей картографируемого явления, применяемых картографических средств и имеющихся источников. Поэтому нельзя согласиться с И. А. Дзензелевским, когда он, рассматривая способ выделения ареалов путем фоновой закраски, пишет, что этот способ «при строго научном подходе, собственно, можно было бы применять лишь при условии сплошного или почти сплошного об-

¹⁶ T. M i l e w s k i. *Atlas lingwistyczny języków świata*. Lublin — Kraków, 1948.

¹⁷ Примеры таких карт приведены в нашей статье «Применение картографического метода исследования в топонимике». В сб.: «Принципы топонимики». М., 1964.

¹⁸ Исчерпывающее изложение теории картографической генерализации см.: А. М. Комков, С. А. Николаев, Н. И. Шилов. Составление и редактирование карт. М., 1958.

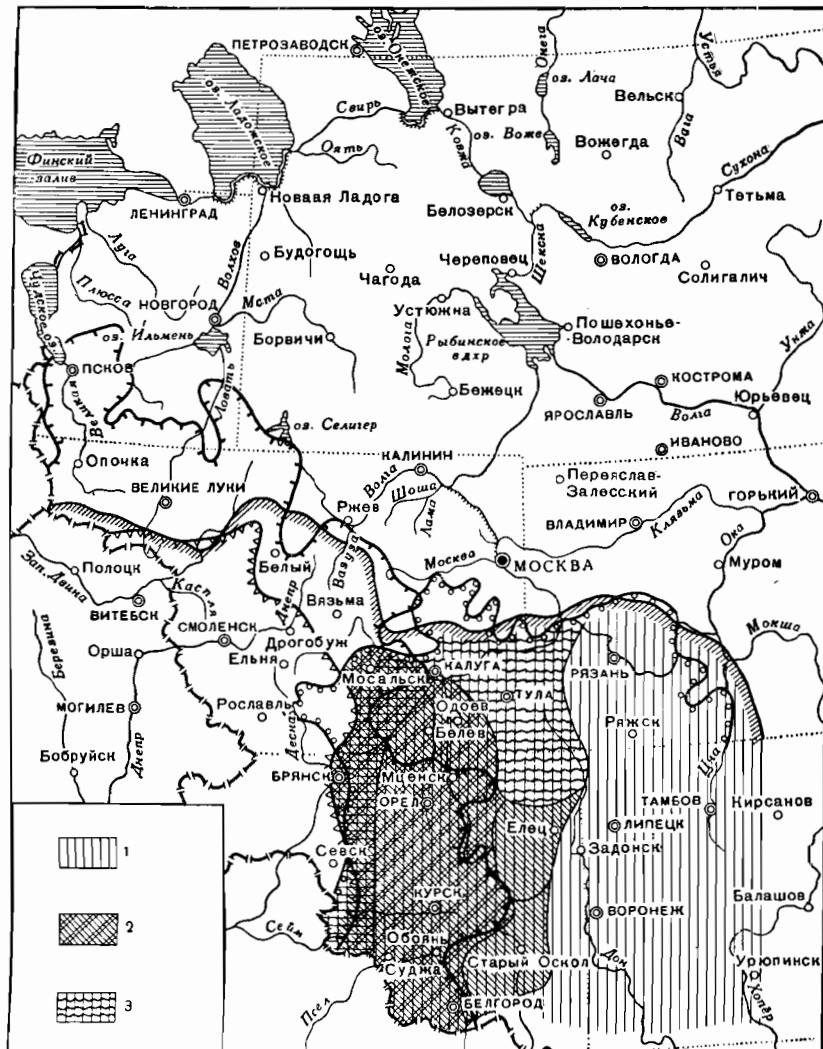

Рис. 5. Карта групп географов восточной половины южновеликорусского наречия

1 — Рязанская группа; 2 — Курочно-орловская группа; 3 — Тульская группа;
4 — Елецкая подгруппа; 5 — Оскольская подгруппа; 6 — Мценско-одоевская под-
группа; 7 — Мосальская подгруппа. Территории подгрупп обозначены путем соче-
тания штриховок, которыми показаны группы говоров. На карте показана для
сопоставления граница южновеликорусского наречия, две типичные изоглассы
юго-западной зоны (иржи, ильнú, ёёс, ёсть) и одна типичная изоглосса юго-восточ-
ной зоны (матéро, дóчерь)

следования территории, ибо покрытие тем или иным цветом и необследованной части населенных пунктов (а их сравнительно с числом пунктов, включенных в сетку атласа, бывает преобладающее большинство) связано со значительным риском¹⁹. В действительности же, при сетке достаточной густоты, никакого риска нет — карта не дает и не должна давать фотографического изображения действительности. Генерализованность присуща картографическому изображению. А если уж говорить о строго научном подходе, то следовало бы рассмотреть вопрос о применении математи-

¹⁹ Й. О. Дзендрівський. Засади укладання регіональних атласів слов'янських мов, стр. 23.

ко-статистических методов для расчета необходимой плотности сетки.

Генерализация лишь первый этап синтеза. Далее, очевидно, неизбежен переход от изображения конкретных лингвистических явлений (хотя бы и генерализованных) к картографированию групп говоров, выделенных по тем или иным признакам. В качестве примера таких синтетических карт укажем карту юго-восточных говоров Болгарии и карту групп говоров восточной половины южновеликорусского наречия²⁰. Последняя из них представлена на рис. 5.

Неизбежен также синтез данных лингвистической географии с данными других наук. Пока особенно успешно осуществлялся синтез с данными географии населения, результатом чего явилось сначала создание серии этнографических карт, а в завершение — составление Атласа народов мира²¹. Поскольку в основу этнической классификации народов, принятой на этих картах и в атласе, положен лингвистический принцип, они по существу показывают географическое распространение языков и языковых семей, являясь таким образом картами лингвистическими.

Однако взаимодействие языкоznания с картографией и этнографией не следует ограничивать лишь этим заключительным этапом картографирования. Оно может быть плодотворным и обоюдно полезным и на самых ранних этапах создания лингвистических карт.

²⁰ С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко. Классификация юго-восточных говоров Болгарии. Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1963, XXII, № 4, стр. 293; К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Группировка говоров русского языка по данным лингвистической географии. — «Вопросы языкоznания», 1963, № 6, стр. 31, карта № 5.

²¹ «Атлас народов мира», М., 1964; см. также: «Карта народов мира». М., 1961; «Карта народов Индонезии, Малайи и Филиппин». М., 1962; «Карта народов Африки». М., 1960; «Карта народов Передней Азии». М., 1960; «Карта народов Индокитая». М., 1959.

ПОЛЬСКИЙ КРЕСТЬЯНИН ПОД МЕЧОМ ПРУССКОГО ЗАКОНА

Речь здесь пойдет о Михале Джимале (1857—1937) — польском крестьянине, имя которого в свое время было известно чуть ли не во всей Европе¹.

До первой мировой войны он жил в той части Польши, которую во времена разделов захватила Пруссия. Ему было запрещено строить жилой дом на только что приобретенном у немца участке, так как законом о колонизации, принятом прусским ландтагом, полякам запрещалось строительство новых домов. После того, как его просьба была отклонена, находчивый крестьянин купил цирковой фургон, поставил в нем кровати, стол, печку и стал жить вместе с семьей. Таким образом он не только обошел закон, но и высмеял прусское законодательство. Об этом событии рассказывалось с соответствующими комментариями во французской, итальянской, английской и американской печати.

На Джимала обрушились различные кары и придиরки, но он не пал духом. Узнав, что его собираются наказать за проживание в доме, поставленном без разрешения прусских властей (так как цирковой фургон был признан ими за дом, то есть за недвижимое имущество), Джимала каждый раз перед прибытием жандарма, передвигал фургон на несколько шагов вперед либо назад. Жандарм в своих рапортах подтверждал, что фургон находится в движении и оснований для наказания не имеется. В конце концов Джимала оставили в покое. Здесь уместно сказать, что в приобретении участка и покупке циркового фургона ему помогал немец Рихард Нельднер, который не одобрял драконовских распоряжений прусских властей в отношении поляков.

Собирая для городской публичной библиотеки г. Быдгощ материалы о Джимале, я натолкнулся на интересные воспоминания о нем, написанные его современником варшавским журналистом Казимежем Полляком².

В них сообщается, что, желая описать громкое уже тогда дело о фургоне Джималы, он прибыл вместе с другим журналистом в деревню Подградовице, которую тогда прусские власти приказали именовать Kaiserliche (верная императору). К сожалению, они не застали Джималу дома. От его жены они узнали, что Михал как раз отбывает наказание. А наказан был он за поставленную в фургоне железную печку, которая могла вызвать пожар. Его приговорили к уплате штрафа в размере 120 марок, а так как у него не было денег, то он был посажен в каталажку на 14 дней.

Возвращаясь обратно, К. Полляк заехал в Познань и узнал еще об одном событии, относящемся к делу Джималы. Незадолго до прибытия К. Полляка в Познань, русский инженер С. Шарапов вел там переговоры

¹ A. Basiński, Drzymała Michał. Polski słownik biograficzny. Polska w XIX i XX wieku. Umiejętności, t. V. Kraków, 1939, s. 424—425.

² K. Pollack. Ze wspomnień starego dziennikarza. Państwowy instytut historyczny. Warszawa, 1961, s. 447.

с дирекцией машиностроительного завода «Цегельский» о производстве и распространении в Германии сконструированного им плуга. Однако переговоры зашли в тупик. Завод запросил, что делать с оставленными ему в качестве образцов тремя плугами. Шарапов ответил: «Так как соглашение в отношении моего изобретения не состоялось, я предлагаю следующее: два меньшие плуга вместе со всеми запасными частями подарить польскому крестьянину Джимале, герою политической драмы под названием „Фургон Джималы“ — пусть русский плуг в геройских руках крестьянина пашет польскую землю. Прошу вручить господину Джимале плуги без обложения какими-либо доплатами. Стоимость доставки я беру на себя. Третий плуг я прошу послать Кохгейму из-под Штуттгарта». Завод «Цегельский» переслал «русские плуги» Джимале в Подградовице. К сожалению, мне не удалось установить, какой была их дальнейшая судьба. Джимала в конце концов был выдворен из фургона и поселился с семьей в землянке. Его исторический фургон был перевезен на усадьбу местного старосты, а позднее — в Краков и установлен в Барбакане, где его осматривали многочисленные посетители во время торжеств по случаю 500-летия победы под Грюнвальдом в 1910 г.

Со временем Джималой перестали интересоваться. Но прусские власти о нем не забыли и всячески притесняли его. Великопольское восстание 1918 г. принесло ему освобождение. Спустя несколько лет после войны в Быдгоще вспомнили о Джимале, ему была подарена усадьба, брошенная немцами в Грабувне (ныне Быдгощское воеводство). Подградовицы были переименованы в Джималово. Джимала умер в Грабувне, а его могила находится в местечке Краеньски. Не было ему покоя и после смерти. Во время гитлеровской оккупации его могила была сровнена с землею. В 1961 г. на могиле был сооружен новый памятник. Это было большое торжество, на которое кроме официальных делегаций от Быдгощского и Познанского воеводств на кладбище в местечко Краеньски прибыло несколько десятков тысяч крестьян и окрестных жителей, почтив таким образом память героя-крестьянина.

И. Д. ОЧАК

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) в личном деле видного деятеля коммунистического движения югославян в России Лазаря Вукичевича¹ найдено письмо² Филипа Филиповича, одного из основателей Коммунистической партии Югославии.

Публикуемое письмо Ф. Филиповича помогает вскрыть некоторые важные моменты его биографии и создания КПЮ. В письме содержатся сведения об образовании Югославянской коммунистической группы в Будапеште в декабре 1918 г. Одним из организаторов ее был Ф. Филипович³. Впоследствии группой был создан революционный отряд, который сражался за советскую республику в Венгрии. Командовал отрядом руководитель группы И. Матузович⁴. В январе 1919 г. Ф. Филипович вернулся на родину, где сразу же развернул интенсивную деятельность по организации КПЮ. На первом съезде коммунистов Югославии в апреле 1919 г. он был избран членом ЦК и председателем руководства партии [вначале она называлась Югославская социалистическая рабочая партия (коммунистов), а на втором съезде в 1920 г. была переименована в Коммунистическую партию Югославии]. Письмо Ф. Филиповича было адресовано в Москву руководству Югославянской коммунистической группы РКП(б), секретарем которой в то время был Л. Вукичевич. Группа была создана в мае 1918 г. в Москве⁵. Она вела большую организационную и пропагандистскую работу среди бывших югославянских военнонопленных и граждан, проживавших в России. Важное место в деятельности югославянских коммунистов занимало издание переводов на языки народов Югославии трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и других деятелей международного коммунистического движения, а также материалов о строительстве большевистской партии и первого в мире государства рабочих и крестьян в России. Напечатанные работы систематически посылались в Югославию через уезжающих туда коммунистов и бывших военнонопленных.

Публикуемое письмо важно также и как свидетельство той серьезной роли, которую сыграли в деле организации КПЮ кадры, прошедшие шко-

¹ О нем см.: «Зборник за друштвене науке», № 22. Нови Сад, 1959, стр. 144.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 535, л. 12—13 об.

³ Ранее этот факт не был известен. Так, например, один из биографов Ф. Филиповича — Пере Дамьянович лишь мимоходом отмечает, что Ф. Филипович в начале января 1919 г. вернулся через Будапешт на родину, ничего не сообщая о его пребывании и деятельности там. (П. Д а м я н о в и й. Филип Филиповић. Годишњак града Београда, књ. VI, 1959).

⁴ V. Kovачev. Delatnost Filipa Filipovica za vreme prvog svetskog rata.—«Prilozi za istoriju socijalizma». Beograd, 1964, № 1, s. 468.

⁵ И. Д. Очак. Из истории участия югославян в борьбе за победу советской власти в России 1918—1921 гг. В кн.: «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы». М., 1957.

лу Великой Октябрьской революции в России. Помимо Л. Вукичевича в письме Ф. Филиповича упоминаются также имена Ивана Матузовича и Франьо Дробняка (Дробни).

Иван Матузович, 1888 года рождения, серб из Воеводины, рабочий. В Россию попал как военнопленный в 1915 г. Член РКП(б) с 1918 г. Участник гражданской войны в России. В декабре 1918 г. И. Матузович был послан в Венгрию, где во время революции был командиром Югославянского отряда⁶. После поражения революции в Венгрии вернулся в Советскую Россию. Франьо Дробни, 1897 года рождения, рабочий. В Россию попал как военнопленный. Член РКП(б) с 1918 г. Некоторое время являлся членом руководства югославянской группы РКП(б). В настоящее время живет в Югославии.

Из письма мы узнаем также и некоторые подробности о создании местных партийных организаций на территории Югославии и организации партийной печати. Следовательно, письмо Ф. Филиповича раскрывает нам в какой-то мере обстановку, сложившуюся в югославском рабочем движении в декабре 1918 г., т. е. примерно за 5 месяцев до создания Югославянской социалистической рабочей партии (коммунистов).

Письмо представляет собой автограф. Печатается оно впервые. Перевод сделан автором настоящей публикации.

Budim-Pešta, 14/XII 1918

Dragi drugovi!

Drug Drobnjak i drug Matuzović već su poodavno stigli ovamo. Mi smo već uspeli ovde, da organizujemo jugo-slavjansku komunističku grupu. Drug Drobnjak je otputovao u Zagreb, a odale će otici u Sarajevo, a sema toga obići će i ostala važnija mesta u Jugoslaviji. On ima zadatok od naše grupe, da pokupi informacije o radničkom i seljačkom pokretu, da ustanovi veze između nas i drugova u Jugoslaviji. Čim se on bude vratio, mi ćemo odmah otpočeti široku akciju za organizaciju jugo-slovenske komunističke partije.

Megju radnicima u Jugoslaviji postoji veliki interes za komunizam (boljševizam), naročito u Srbiji i Bosni. Socijal-patriotizam kod nas nije jak, njega je vrlo lako srušiti. Ali za to nam je potrebna što pre literatura. Pošto je sada vrlo teško prenositi knjige u velikoj količini, onda je neophodno potrebno* što pre poslati po jedan primerak od svake brošure, od svakog letećeg listića, i opšte od svake štampane stvari. U interesu je našeg mladog komunističkog pokreta što pre to učiniti. Inače bi morali ponova prevesti svaku brošuru i time trošiti uzalud naše dragoceno vreme. Ove knjige i brošure možete dati drugovima, koji su vam ovo pismo doneli, jer će se oni brzo opet ovamo u Budim-Poštu vratiti.

Od jugoslovenskih socijalističkih listova izlaze «Glas Slobode» (u Sarajevu), «Sloboda» (u Zagrebu) i «Naprej» (u Ljubljani). Prvi list stoji na cimervaldovskoj platformi, dok ona druga nose obelježje socijal-patriotizma. «Radničke Novine» u Beogradu još nisu počele tamo izlaziti.

U nadi da ćemo se uskoro ovde na našem opštem radu sastati ja vam drugovi šiljem od Matuzovića i mene toplo i srdačno drugarsko pozdravlje. Do skroga vigjenja!

Vaši
Filip Filipović
I. Matuzović

P. S. Molim vas drugovi nemojte zaboraviti, da nam pošaljete «Отчет народных комиссариатов»*, koji je trebao izaći iz štampe na dan godišnjice ruske revolucije 7. Novembra.

F. F.

⁶ См.: «Комунист», Београд, 20 II 1964.

* Подчеркнуто автором письма.

18. Decembra.

Naknadno smo doznali, da su i «Radničke Novine» u Beogradu počele izlaziti svaki dan od 2. Decembra. U Oseku poodavno izlaze tako isto «Radničke Novine». U Novom Sadu izlazi socijaldemokratski dnevnik «Sloboda» (Sloboda), glavni saradnik je Pavle Tamuš, za upredništvo otgovoran Dušan Tušanović. Ovaj poslednji list ni u čemu se ne razlikuje od najgorih srpskih šovinističkih listova. Glavni zadatak kao da ima da kleveta boljševizam. Drug Vučićević trobao bi odmah ovamo da dogđo, pošto, nameravamo i mi komunistički list izdavati. Ali drugovi još jedamput vas molimo, nemojte ovamo dolaziti bez najneophodnije literature. To nam je preko potrebno.

Budim-Pešta 18/XII 1918

Filip Filipović

Перевод

Будапешт 14 XII 1918 г.

Дорогие товарищи!

Товарищ Дробняк и товарищ Матузович уже давно прибыли сюда. Нам здесь уже удалось организовать Югославянскую коммунистическую группу. Товарищ Дробняк уехал в Загреб, оттуда поедет в Сараево, а кроме того посетит и другие наиболее значительные пункты Югославии. Он получил задание от нашей группы собрать информацию о рабочем и крестьянском движении, установить связи между нами и товарищами в Югославии. Как только он вернется, мы сразу же начнем широкую кампанию по организации югославской коммунистической партии.

Среди рабочих в Югославии существует большой интерес к коммунизму (большевизму), в особенности в Сербии и Боснии. Социал-патриотизм у нас прочных позиций не имеет, его очень легко будет уничтожить. Но для этого нам как можно быстрее нужна литература. Поскольку сейчас очень трудно переправлять книги в большом количестве, то совершенно необходимо как можно быстрее послать нам по одному экземпляру каждой брошюры, каждой листовки и вообще любого печатного издания. В интересах нашего молодого коммунистического движения сделать это нужно как можно скорее. В противном случае нам придется заново переводить каждую брошюру и тем самым тратить попусту драгоценное время. Эти книги и брошюры вы можете передать товарищам, которые принесут настояще письмо, так как они скоро возвратятся сюда в Будапешт.

Из югославянских социалистических газет выходит «Глас слободе» (в Сараеве), «Слобода» (в Загребе), «Нарпей» (в Любляне). Первая газета придерживается Циммервальдской платформы, в то время как остальные имеют социал-патриотический характер. «Радничке новине» в Белграде еще не начали выходить.

Надеясь, что скоро мы встретимся здесь на нашей общей работе, шлю Вам, товарищи, от имени Матузовича и себя лично теплый и сердечный товарищеский привет. До скорой встречи!

Ваши
Филип Филипович
И. Матузович

P. S. Прошу Вас, товарищи, не забудьте нам прислать «Отчет народных комиссариатов», который должен был выйти из печати ко дню годовщины русской революции ноября.

Ф. Ф.

18 декабря

Дополнительно узнали, что «Радничке новине» в Белграде начали выходить ежедневно со 2-го декабря. В Оспеке также уже давно выходят «Радничке новине». В Новом Саде выходит социал-демократическая ежедневная газета «Слобода», ее ведущий сотрудник Павле Татич, ответственный редактор — Душан Тушанович. Последняя ничем не отличается от самых худших сербских шовинистических газет. Создается впечатление, будто ее основная задача — клеветать на большевизм. Товарищу Вукичевичу следовало бы немедленно приехать сюда, так как и мы намереваемся выпускать коммунистическую газету. Но, товарищи, еще раз просим Вас не презревать сюда без крайней необходимости литературы. Она нам чрезвычайно нужна.

Филип Филипович

Будапешт, 18 XII 1918

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ПЕРВОПЕЧАТАНИЯ

Переход от рукописного к полиграфическому воспроизведению информации как в мировом, так и в национальных масштабах — крупнейшее событие в истории каждого народа. Событие это всегда находилось в центре внимания исторической науки. В последние годы в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии появился ряд серьезных исследований, посвященных как общим, так и частным вопросам истории славянского первопечатания. Наш обзор призван познакомить советского читателя с этими работами.

Мы ограничиваемся трудами, посвященными славянскому книгопечатанию кирилловским шрифтом. Обзор не затрагивает глаголического книгопечатания, а также деятельности известного словенского просветителя Приможа Трубара, издававшего книги кирилловским, глаголическим и латинским шрифтами.

Хронологически изложение ограничено XV и XVI вв., т. е. тем периодом, когда славянское книгопечатание делало свои первые шаги, мужало, крепло и постепенно превращалось в крупную общественную и политическую силу¹.

Как известно, первые отпечатанные кириллицей книги вышли из краковской типографии Швайпольта Фиоля в последнем десятилетии XV в. Жизненный путь типографа подробно изучен польскими историками Е. С. Бандтке и Я. Пtasником². Книги, изданные им, были предметом исследования русских книговедов И. П. Каратаева, Я. Ф. Головацкого, а уже в наши дни —

¹ П. М. Попов. Початковий період книгодрукування у слов'ян. Київ, 1958; Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, стр. 80—103.

² J. S. Bandtkie. *Historia drukarów krakowskich od zaprowadzenia druków do tego miasta aż do czasów naszych*. Kraków, 1815; J. Ptasnik. *Cracovia impressorum XV et XVI saeculorum*. Leopoli, 1922.

П. Н. Попова, А. А. Сидорова и В. И. Лукьяненко³.

С 1812 г., когда вышла в свет первая посвященная Фиолю брошюра⁴, и по сегодняшний день деятельность славянского первопечатника служила темой многих сотен книг, журнальных и газетных статей. Несмотря на это еще не создана исчерпывающая монография, в которой бы подробно и ясно, во всем многообразии аспектов и связей, были рассмотрены обстоятельства возникновения славянского книгопечатания. Прежде чем думать о таком труде, нужно подвести итоги всему, что сделано в этой области предшествующими поколениями. Отсюда — необходимость и важность источниковедческих и историографических исследований.

В 1957 г. на страницах ежегодника «Оссолинеум» Кароль Гейнч опубликовал работу о Швайпольте Фиоле⁵. Работа К. Гейнча превосходно документирована — в обширных примечаниях, вынесенных в конец ее, перечислены не только основные труды о Фиоле и публикации источников о его жизни и деятельности, но и простые упоми-на-

³ И. Карапаев. Осмогласник 1491 года, напечатанный в Кракове кирилловскими буквами. СПб., 1876; его же. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1878, стр. 11—13; J. F. Golowatzki j. Swipolt Fiol und seine kirillische Buchdruckerei in Krakau vom Jahre 1491. Wien, 1876; Н. Б. Варбанец, В. И. Лукьяненко. Славянские инкуиабулы в собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрича в Ленинграде. В сб. «Книга», т. 2, М., 1960, стр. 187—208.

⁴ G. S. Bandtkie. *De primis Crakoviæ in arte typographica incunabulis. Cracoviae*, 1812.

⁵ K. Heintsch. Ze studiów nad Szwajpoltem Fiolem.—«Rocznik Zakładu narodowego imienia Ossolińskich», t. V. Wrocław, 1957, s. 233—342.

ния о славянском первопечатнике на страницах общепролетарских работ, монографий по всеобщей истории книгоиздания и др. Задача будущего составителя библиографической «Фиолианы» — а такой указатель несомненно потребуется — ныне максимально облегчена⁶.

Статья начинается подробным рассказом об обстоятельствах, при которых были обнаружены и введены в научный оборот четыре издания Швайпольта Фиоля — Октоих, Часослов, Триодь постная, Триодь цветная. Говоря о пятом издании, известном лишь по литературным упоминаниям Псалтыри с восследованием, — Гейнч высказывает сомнения в его существовании. Далее идет речь об актовых материалах, связанных с жизнью и деятельностью Фиоля. Вкратце раскрывается содержание документов. Приводятся сведения о месте и дате их первого опубликования. Рассказывает Гейнч и о публикаторах — польских ученых Е. Бандтке, А. Грабовском, М. Вишневском, Б. Улановском, Я. Пtasнике⁷.

Одним из спорных вопросов историографии славянского первопечатания является вопрос о связях Фиоля, о том, для кого предназначались его издания. К. Гейнч добросовестно излагает различные точки зрения. Старые авторы зачастую связывали Фиоля со славянскими бенедиктинцами, в костеле св. Креста которых имелись фрески с кирилловскими надписями. Польский историк Юзеф Шуйский (1835—1883) считал, что первое славянское книгоиздательство возникло по инициативе краковских гуманистов во главе с Филиппом Каллимахом (1437—1496). Высказывалось мнение, что деятельность Фиоля финансировали литовско-польские магнаты. П. В. Владимира полагал, — об этом К. Гейнч, к сожалению, не упоминает, — что издания Фиоля предназначались для Московской Руси. Мнение свое он убедительно подкрепил текстологическими исследованиями. Вопрос исключительно важен — однозначно решить его нам сейчас не удастся. Отметим лишь, что из 67 известных нам

⁶ В 1943 г. указатель литературы о Фиоле был опубликован на страницах специального номера националистического журнала «Українська книга», выпущенного в Кракове в ознаменование организованного фашистами празднования 450-летия украинского книгоиздания. Список этот далеко не полон.

⁷ Особенno велики заслуги последнего. В своих трудах «Краковские ремесленники 1300—1500 гг.» и «Краковские типографы XV и XVI столетий» Пtasник перепечатал ранее известные документы, прибавил к ним большое количество новых, опубликовав в общей сложности 50 актов о Ш. Фиоле.

экземпляров фиолевских изданий, лишь два находятся за пределами Советского Союза. Это как будто бы свидетельствует в пользу мнения П. В. Владимира.

Большой заслугой Гейнча мы считаем то, что он привлек внимание историков книгоиздания к переписке известных гуманистов Конрада Цельтиса (1459—1508) и Яна Зоммерфельда старшего (ум. 1501), в которой содержатся сведения о Фиоле. Письма Зоммерфельда от 15 мая 1498 г. и 26 марта 1499 г., фотокопии которых воспроизведены в приложении к статье, были известны и ранее, но историки книги почему-то проходили мимо них. Статью заключают сведения об экземплярах изданий Фиоля, находящихся ныне в Польше. Их очень мало — неполный экземпляр Триоди цветной и несколько небольших фрагментов Часослова, Триоди постной и Триоди цветной. Естественно, что каждая новая находка — пусть даже двух-трех листов — немедленно регистрируется польскими учеными и тщательно изучается. Описанию одного из таких фрагментов — двух листов (лл. 347 и 358) из Триоди цветной, найденных в переплете латинской Псалтыри, посвящена другая работа К. Гейнча⁸. Освещены обстоятельства находки, описаны внешние признаки фрагмента, предпринято текстологическое изучение отрывка в сравнении с греческим оригиналом.

Упомянем также статью о Швайпольте Фиоле, принадлежащую перу З. Козловской-Будковой и помещенную на страницах «Польского биографического словаря»⁹, а также разделы, посвященные Фиолю в общих трудах по истории польского книгоиздания¹⁰. Статья З. Козловской-Будковой — предельно краткос, но вполне добросовестное изложение фактов жизни и деятельности славянского первопечатника. Наибольший интерес представляет упоминание неизвестного Я. Пtasнику и до сего дня не опубликованного документа о Фиоле, извлеченного из дел войтовского

⁸ K. Heintsch. Fragment druku Świętopelka Fiola w bibliotece Zakładu im. Ossolińskich we Wrocławiu.—«Zeszytka kultury», 1953, № 2(5), s. 78—94.

⁹ Z. Kołowska-Budkowa. S. Fiol.—«Polski słownik biograficzny», t. VI. Kraków, 1948, s. 470—471.

¹⁰ J. Muszakowski. Początki drukarstwa w Krakowie. Stan badań i problematyka aktualna.—«Prace polonistyczne», seria VIII. 1950. Wrocław—Lódź, 1951, s. 9—58; B. Gołka, M. Kafel, Z. Kłos. Z dziejów drukarstwa polskiego. Warszawa, 1957, s. 72—74; H. Szwajkowska. Książka drukowana XV—XVIII w. Wrocław—Warszawa, 1961, s. 33—37, и мн. др.

суда Krakova (Advocatia Cracoviensis, t. 91, s. 290).

Разделы о Фиоле в общих трудах по истории книгопечатания, как правило, не содержат ничего нового. Нередки здесь и ошибки. Так, например, Ян Мушковский, обзорная статья которого, впрочем, заслуживает всяческих похвал, утверждает, что шрифты Фиоля и возникшей несколько лет спустя типографии в Цетинье (Черногория) очень близки. При этом делается ссылка на репродукции страниц краковского и черногорского Октоихов, будто бы опубликованных Я. Ф. Головацким. Однако у Головацкого факсимильных репродукций нет. Соответствующие тексты из обоих изданий воспроизведены им набором, для которого использован шрифт XIX в., не имеющий ничего общего ни со шрифтом Фиоля, ни со шрифтом черногорских типографов.

Перейдем к трудам южнославянских типографов.

Старым русским библиографам И. П. Карапету, В. М. Уидольскому, П. М. Строеву были известны лишь три издания первой черногорской типографии — Октоих первогласник 1494 г., Исаильтарь с восследованием 1495 г. и Молитвенник. Лишь об этих изданиях по традиции пишут и современные авторы¹¹. Между тем еще в 1903 г. Л. Стоянович, а за ним и В. Ягич описали четвертое издание черногорского первопечатника Макария — Октоих пятигласник, непосредственное продолжение первого Октоиха¹². Описание Л. Стояновича и В. Ягича основывалось на небольшом (8 листов) фрагменте, обнаруженном в фондах белградской Народной библиотеки. Фрагмент этот погиб в 1941 г. при бомбардировке гитлеровцами Белграда.

Фрагмент включал и две большие, цельностораничные гравированные иллюстрации. Перед самой войной сербский историк Дж. С. Радоичич, в дальнейшем много и плодотворно работавший в области истории книжного дела, обнаружил третью гравюру из Октоиха пятигласника, вклеенную в один из экземпляров

¹¹ Ср., например, М. И. Щелкунов. История, техника, искусство книгопечатания. М.—Л., 1926, стр. 292; Е. И. Качпряк. История книги. М., 1964, стр. 188; А. А. Сидоров. Художественно-технические особенности славянского первопечатания.— В кн. У истоков русского книгопечатания. М., 1959, стр. 59, и др.

¹² Љ. Стојановић. Прилози ка библиографији старих српских штампаних књига.— «Глас Српске Краљевске академије», т. 66, Београд, 1903; V. Jagić. Nachtrag zum «ersten Cetinjer Kirchendruck vom J. 1494». — «Archiv für slawische Philologie». Bd. 25. Berlin, 1903, S. 628—637.

ляров Октоиха первогласника¹³. В 1950 г. Дж. С. Радоичич с горечью писал, что эта гравюра, хранящаяся в Государственном музее в Цетинье,— единственное, что дошло до нас от второго по счету сербского инкунабула¹⁴. К счастью, это оказалось не так. Год спустя в ризнице Дечанского монастыря был обнаружен неизвестный ранее фрагмент Октоиха пятигласника, содержащий 37 листов и среди них три новые иллюстрации. В том же монастыре в одном из рукописных Служебников Дж. С. Радоичич нашел 8 макулатурных листов с текстом из Триоди цветной, отиснутое шрифтом первой черногорской типографии.

О своей находке Радоичич тут же сообщил в газету «Политика», в которой 30 августа 1951 г. под рубрикой «Знаете ли вы?» было впервые рассказано о поэтом, пятом по счету издании Макария, 17 ноября 1951 г. Дж. Радоичич сделал сообщение о своих находках в Дечанском монастыре на заседании в Институте литературы Сербской академии наук¹⁵. День спустя сообщение появилось на страницах еженедельника «Республика»¹⁶. Впоследствии Радоичич снабдил публикацию научным аппаратом и перепечатал ее в журнале «Исторические записки»¹⁷. С этого времени о Триоди цветной, напечатанной Макарием, не раз писали как в Югославии, так и за ее пределами¹⁸.

Тем временем Дж. Радоичич, готовя для журнала «Библиотекарь» статью об издавна известном издании Макария — Молитвеннике, подробно изучил наиболее полный экземпляр книги, най-

¹³ Уметнички преглед, 1941, јануар № 1, стр. 23—26.

¹⁴ Ђ. С. Радојчић. Карактер и главни моменти из прошлости старих српских штампарија (XV—XVII века).— «Историски записи», књ. VI, св. 7—9. Цетиње, 1950, стр. 258.

¹⁵ Ђ. С. Радојчић. Две наше библиографске реткости.— «Гласник Српске Академије Наука», 1951, књ. III, св. 2, стр. 287, 288.

¹⁶ Е г о ж е. Две наше библиографске реткости.— «Република», 18 сентября 1951; 25 сентября 1951.

¹⁷ Е г о ж е. Две наше библиографске реткости.— «Историјски записи», 1952, књ. VIII, стр. 1—10.

¹⁸ Д. Медаковић. Графика српских штампалах књига XV—XVII века. Београд, 1958, стр. 20, 195—196; «Enciklopedija likovnih umjetnosti», т. I. Zagreb, 1959, с. 690; Е. Л. Немировский. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М.; 1964, стр. 87, 365; «400 лет русского книгопечатания. Русское книгопечатание до 1917 г.» М., 1964, стр. 16.

денный им в монастыре св. Троицы (Плевля). О книге этой пойдет речь ниже. Пока же отметим, что, просмотрев ее, Радоич с удивлением и разочарованием установил — найденные им в Дечани макулатурные листы представляют собой оттиски лл. З—6 23-й тетради Молитвенника. «Таким образом Цветную Триоду следует исключить из списка изданий типографии Црноевича», — так резюмировал Радоич результаты своего нового, на этот раз негативного открытия¹⁹. Мы сочли возможным столь подробно рассказать об этом не-приятном случае по той причине, что сведения о Триоде Макария проникли на страницы и советской печати, причем не без нашей помощи. Восстановить правду и рассказать об ошибке — дело нашей научной совести.

Кроме упомянутых выше четырех книг, Макарий, по-видимому, напечатал и пятую — Четвероевангелие. В настоящее время ни один из экземпляров этого издания не известен. Сохранилась, однако, рукописная копия 1548 г. с пометой «Си изводъ отъ форми Цръноевичъ отъ сложенія Макаріева»²⁰.

Научное значение всех этих открытых, увеличивших общее число известных нам изданий первой черногорской типографии до пяти, переоценить трудно. Менее сенсационны, но также немаловажны находки новых образцов уже описанных библиографами книг. Октоих первогласник 1494 г. и Псалтырь 1495 г. дошли до нас в сравнительно большом количестве. Лишь в Народной библиотеке Белграда имелось 12 экземпляров Октоиха²¹, но все они погибли в годы первой и второй мировых войн. В нашей стране хранится около 10 экземпляров Октоиха и 4 Псалтыри. Другое дело — Молитвеник. В литературе описано лишь три небольших фрагмента этой книги. Семь ненумерованных листов находятся в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, один лист был обнаружен в Праге и описан

¹⁹ Ђ. С. Радојчић. Текст из Цветног Триода у Молитвнику (Требнику) из штампарије Црнојевића. — «Библиографски вјесник», 1961, № 2—3, стр. 53—56.

²⁰ Ђ. С. Радојчић. О штампарији Црнојевића. — «Гласник Скопског научног друштва», т. XIX. Скопље, 1938; его же. Карактер и главни моменти..., стр. 260 (к статье приложена факсимилная копия выходной записи Четвероевангелия 1548 г.).

²¹ Љ. Стојановић. Каталог Народне библиотеке у Београду. IV. Рукописи и старе штампане књиге. Београд, 1903, стр. 407. Ср. Ђ. С. Радојчић. Карактер и главни моменти..., стр. 257.

П. И. Шафариком, три листа до пожара 1941 г. хранились в Народной библиотеке Белграда. Легко представить себе с каким интересом были встречены сообщения о новых экземплярах Молитвеника, найденных в самые последние годы. Один из них, из села Црколеж около Дечанского монастыря, содержал 41 лист. Второй же, обнаруженный Дж. Радоичем в монастыре св. Троицы (Плевля), более полон. Экземпляр этот содержал 25 тетрадей, некоторые листы которых полностью или частично заменены рукописными. Всего сохранилось 184 отпечатанных листа. В сентябре 1948 г. Радоич сделал доклад о своей находке в Институте литературы Сербской академии наук²², а вследствие опубликовал более развернутое сообщение на страницах журнала «Библиотекарь»²³.

Найдки, о которых шла речь выше, привлекли внимание научной общественности к первой кирилловской типографии у южных славян и к личности ее основателя — священноилюка Макария. Этому вопросу посвящены статьи как в специальных, так и в общих научно-популярных и массовых изданиях²⁴.

Как известно, лишь в одном из изданий Макария — в Псалтири — имеется указание на место, где находилась типография — «на Цетиню». Выходные листы Октоиха пятигласника и Молитвеника не сохранились. В выходных сведениях Октоиха первогласника место печатания не названо. Между тем довольно часто местом, где возникла первая типография, считают Обод. Утверждается, в частности, что в окрестностях Обода находи-

²² «Гласник Српске Академије Наука», 1949, књ. I, св. 1—2, стр. 224—225.

²³ Ђ. С. Радојчић. Требник (молитвеник) из штампарије Црнојевића. — «Библиотекар», 1961, т. XIII, № 4, стр. 307—311. В 1963 г. экземпляр монастыря св. Троицы был передан в Народную библиотеку Белграда для реставрации и микрофильмирования. Здесь он был подробно изучен В. Мощинским, предпринявшим интересную и хорошо обоснованную попытку реконструкции первоначального состава книги. См.: В. Мощин. Још о реконструкцији Црнојевићева Требника 1495 године. — «Библиотекар», 1964, № 3—4, стр. 199—204.

²⁴ Ђ. С. Радојчић. Белешке о штампаријама у Црној Гори у XV и XVI в.— «Историски записци», 1948, књ. II, св. 1—2, стр. 1—8; Р. Драгићевић. Црногорске штампарије, (1493—1918). — Там же, 1956, књ. XII, св. 1—2, стр. 1—41; Р. Николић. Макарије, штампар Октоиха. — «Књижевне новине», 1956, нова серија, № 19, п. др.

дили литеры из типографии Макария. Все такие случаи критически рассмотрены Дж. Радоичичем²⁵. Рассказывает он, в частности, о литерах, найденных неким Петаром М. Пейовичем в 20-х годах. Литеры эти погибли в годы второй мировой войны, да и владелец их умер. Однако сохранились оттиски некоторых из них, и Радоичич свидетельствует, что они близки к литерам типографии Макария. В другой своей работе тот же автор рассматривает 213 литер, сохранившихся в ризнице монастыря в Печи²⁶. По традиции считали, что литеры эти также из Ободской типографии. Однако Радоичич, изучив их, доказал, что они не имеют отношения ни к типографии Макария, ни к какой-либо другой сербской типографии XV—XVII вв.

На одной из гравюр Октоиха пятиглазника изображена церковь. Дж. Радоичич сличил это изображение с чертежом 1692 г. церкви Цетинского монастыря, а также с изображениями Ободской церкви²⁷. Оказалось, что на гравюре изображена Цетинская церковь. Это послужило лишним поводом в пользу того, что первая типография находилась в Цетине.

В 1499 г. Черногория была захвачена турками. Покровитель типографии Георгий (Джурджа) Црноевич эмигрировал в Венецию. Типография в Цетинье прекратила свою деятельность. Лет девять спустя — в ноябре 1508 г. вышел в свет Служебник, отпечатанный по велению «великого воевода въсех земли Оугровлахийской и Подоунавију». Отпечатал книгу «мних и священник Макарие». Именем этим подписаны еще две книги — Октоих 1510 г. и Четвероевангелие 1512 г.

Ученые сразу же отметили совпадение имен обоих первопечатников и сделали вывод: оба типографа — одно и то же лицо. Эту точку зрения разделяли П. Кеппен, К. Калайдович, И. Руварац, С. Новакович, П. Ровинский. Однако уже В. Ягич протестовал против отождествления обоих Макариев. Нет единодушия и среди современных историков. Югославские и румынские авторы сходятся на том, что черногорец Макарий перебрался впоследствии в Румынию и здесь основал свою новую типографию.

²⁵ Ђ. С. Радојићић. Слова са Обода. — «Историски записси», 1950, књ. V, св. 1, стр. 23—27.

²⁶ Е го ж е. Штампарске слова у Нѣкој патријаршиji. — «Гласник Српске Академије Наука», 1952, књ. IV, св. 1, стр. 134.

²⁷ Е го ж е. Археолошки подаци о штампарији Црнојевића. — Там же, 1950, књ. II, св. 1, стр. 161.

Не согласен с этой точкой зрения болгарский историк П. Атанасов²⁸.

От Служебника 1508 г. ведет свою летопись румынское книгопечатание. В 1958 торжественно отмечалось его 450-летие. К юбилею была приурочена публикация работ, посвященных истории румынского книгопечатания, типографии Макария и отдельным ее изданиям²⁹. В 1961 г. издательство Академии наук Румынской Народной Республики выпустило в свет факсимильное издание Служебника 1508 г., положив в основу экземпляра монастыря Быстрица, ныне находящийся в Академической библиотеке³⁰. 256 страниц этого экземпляра воспроизведены двухкрасочной цинкографией со всеми присущими им особенностями — с вкладными и владельческими записями, печатями, типографскими помарками. В приложении — по дублетному экземпляру Академической библиотеки — воспроизведена вторая тетрадь Служебника с серебряными разпочтениями по сравнению с текстом основной публикации.

Изданию предпослана большая вступительная статья П. П. Панайтеску. Здесь подробно перечислены все известные автору экземпляры Служебника 1508 г., приведены вкладные и владельческие записи, имеющиеся на них, дано общее описание издания, проанализировано содержание его в сравнении с другими изданиями Служебника. Утверждается, что язык книги — среднеболгарский — далек от языка черногорских изданий Макария. Орнаментика книги восходит к молдавской рукописной традиции. Подробно изучена бумага известных автору экземпляров Служебника 1508 г. Отмечены особенности шрифта и типографской техники.

Во втором разделе вступительной статьи, озаглавленной «Начало книгопечатания в Румынии», дан краткий очерк истории славянских типографий кирилловского шрифта. Более подробно рассматривается деятельность черногорской типографии Макария. Автор анализирует гипотезу, согласно которой румынские издания Макария были папе-

²⁸ П. Атанасов. Начало на българското книгопечатане. София, 1959, стр. 42.

²⁹ E. Braniste. Liturghierul slavon tipărit de Makarie la 1508. — «Biserica Ortodoxă Română», 1958, № 10—11, p. 1035—1068; V. Molin, D. Simionescu. Tipariturile ieromonahului Macarie pentru Tara Românească. Ibid., p. 1005—1034; M. Grosu. Prima tipăritură în țara noastră. — «Gazeta literară», 1958, № 46 (244), p. 6 и др.

³⁰ «Liturghierul lui Macarie». Cu un studiu de P. P. Panaitescu. București, 1961.

чатаны в Венеции черногорским первопечатником. Гипотеза эта им отвергается. По мнению П. Панаитеску, господарь Раду Великий через посредство митрополита Максима Бранковича вызывал из Черногории Макария, который и основал первую на румынской земле типографию. Отметим в заключение, что П. Панаитеску не знает экземпляров Служебника 1508 г., находящихся в советских книгохранилищах (например, экземпляры Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — № 3021 и 4452). После издания Четвероевангелия 1512 г. печатание книг кириллицей на румынской земле прекратилось до 1535 г. Однако оно продолжалось у южных славян.

Круинейшую типографию основал в 1519 г. в Венеции Божидар Вукович. Типография эта, переходя из рук в руки, работала с перерывами до конца XVI столетия. Деятельность Божидара Вуковича, его сына Виченко, их преемников Якова Крайкова и Антонио Рампацето продолжает интересовать исследователей, хотя и не в такой мере, как деятельность Макария. Были уточнены отдельные моменты биографии Вуковичей, описаны наиболее интересные экземпляры вышедших из их типографии изданий. Еще в 1932 г. Л. Миркович опубликовал запись, сделанную на иконе в 1520 г. Божидаром Вуковичем. Из записи следовало, что известный типограф Пахомий, работавший у Вуковича, был иконописцем³¹. Недавно икона эта экспонировалась на большой ретроспективной выставке югославской иконописи — в каталоге выставки помещено ее подробное описание³². В 1949 г., делая обзор сербских рукописных и старопечатных книг, хранящихся в монастырских библиотеках Хорватии и Словении, Р. М. Груич упомянул об экземпляре Октоиха 1537 г., вышедшем из типографии Божидара Вуковича и сохранимом ныне в монастыре Крк³³. Экземпляр этот примечателен тем, что напечатан на пергамене. Груич посчитал его единственной в настоящее время славянской старопечатной книгой, напечатанной не на бумаге, а на пергамене.

Коррективы к этому утверждению внес Дж. С. Радоичич. В статье, опубликованной на страницах «Историче-

³¹ Л. Мирковић. Икона са записом Божидара Вуковића. — «Старијар», III сер., књ. VII. Београд, 1932, стр. 127.

³² «Icônes de Yougoslavie». Belgrade, 1961, p. 117.

³³ Р. М. Грујић. Проучавање старијих српских кодекса и инкунабула по Хрватској и Словенији. — «Гласник Српске Академије Наука», 1949, књ. I, св. 3, стр. 520—522.

ских записок», он свел воедино все ранее публиковавшиеся по этому вопросу материалы³⁴.

Оказывается Божидар Вукович сравнительно часто печатал книги на пергамене. Перед первой мировой войной в Народной библиотеке Белграда хранилась пергаменная Празничная Минея 1536—1538 гг. Второй пергаменный экземпляр того же издания был в свое время продан Вуком Караджичем Берлинской королевской библиотеке. Фрагмент Празничной Минеи на пергамене в конце прошлого века был обнаружен В. Ягичем в Венской королевской библиотеке³⁵. Дж. Радоичич, ссылаясь на И. П. Каратаева и Е. Ф. Карского, говорит также о двух киевских пергаменных экземплярах Октоиха 1536—1537 гг.: один из них принадлежал Церковному археологическому обществу в Киеве, другой — библиотеке Киево-Печерской лавры. На самом деле это один экземпляр, в настоящее время он находится в Государственной публичной библиотеке УССР³⁶.

Ж. Михайлович посвятила свое небольшое исследование Псалтыри, изданной Виченко Вуковичем в 1561 г.³⁷. М. Кичович изучил первый сербский печатный букварь, изданный А. Рампацето в 1597 г.³⁸

В XVI столетии на землях южных славян работало несколько монастырских типографий, деятельность которых до сего дня изучена плохо, так как до нас дошло очень мало изданных ими

³⁴ Ђ. С. Радојићић. Књиге на пергамену из штампарије Божидара Вуковића. — «Историски записи», 1950, књ. VI, св. 7—9, стр. 354—356.

³⁵ V. Jagić. Slawische Incunabeln auf Pergament. — «Anzeiger der Kais. Akademie der Wissenschaften». Wien, 1890, № 21. Изложение этой статьи см.: В. Н. Щепкин. Заметка о славянских инкунабулах на пергамене. — «Русский филологический вестник», 1891, т. XXV, стр. 138—140.

³⁶ Отметим следующие неизвестные Радоичичу описания этого экземпляра: П. Попов, Слов'янські ікунабули київських бібліотек. — «Бібліологічні вісті», 1924, ч. 1—3, стр. 156—157; С. О. Петров, Я. Д. Бирюк, Т. П. Золотарь. Славянские книги кирилловой печати XV—XVIII вв. «Описание книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УССР, Киев, 1958.

³⁷ Ж. Михайлович. Псалтир Виченце Вуковића. — «Годишњак Народне Библиотеке у Београду», Београд, 1960, стр. 55—66.

³⁸ М. Кичовић. Први српски буквар и године 1597. — «Гласник Српске Академије Наука», 1953, књ. V, св. 1, стр. 151—152.

книг. Поэтому каждая новая публикация в этой области представляет интерес. Отметим небольшую статью Дж. Радоичича о Горажданской типографии, основанной в 1519 г. братьями Любавич в Венеции и вскоре перенесенной в Горажде (Герцеговина)³⁹. Краткий очерк, посвященный той же типографии,ходим и в брошюре Д. Пеяновича, предметом которой служит общая история печатного дела в Боснии и Герцеговине⁴⁰. Очерк изобилует ошибками: ошибочны, в частности, все даты, вследствие неправильного перевода из одного летосчисления в другое. Типография Любавичей в 40-х годах XVI в. была перенесена в Тырговиште (Валахия) и здесь было выпущено несколько книг.

В 1962 г. в Югославии было отмечено 400-летие типографии монастыря Мркишина церковь, отпечатавшей две книги — Четвероевангелие 1562 года и Триодь цветную 1566 года⁴¹. Внимание ученых издавна привлекает типография Руянского монастыря, в стенах которой в 1537 г. монах Феодосий напечатал своеобразное, во многом необычное Четвероевангелие. О книге этой много писали. Большинство ученых склонялось к тому, что напечатана она ксилографическим путем — с цельных, гравированных на дереве форм. Итоги многолетних работ были подведены Дж. Радоичичем, составившим подробную историографию Руянской типографии. Историографический очерк сопровожден тщательным описанием Руянского Четвероевангелия, составленным Загоркой Янц⁴².

Радоичич упоминает о пяти экземплярах Четвероевангелия 1537 г. и одном небольшом (2 листа) фрагменте. Почти полный экземпляр книги имелся в библиотеке П. И. Шафарика, который в 1842 г. впервые упомянул об этом издании на страницах «Журнала Чешского музея». Хорошо сохранившееся Четвероевангелие 1537 г. имел и Вук Караджич. Свой экземпляр он в 1858 г. предполагал продать Берлинской королевской библиотеке, однако продажа не состоялась. Дальнейшая судьба книги

³⁹ Ђ. С. Радојићић. Горажданска штампарија.—«Библиотекар», 1958, № 4, стр. 289—290.

⁴⁰ D. Рeјапović. Stamparije u Bosni i Hercegovini. 1529—1951. Sarajevo. 1952.

⁴¹ «Четири сто година штампарије манастира Мркишић цркве 1562—1962».—«Библиографски вјесник», 1962, № 1—2—3, стр. 204—205.

⁴² Ђ. С. Радојићић, З. Јанц. Рујанска штампарија (из прве половине XVI века).—«Зборник Матице српске за књижевност и језик», књ. 2, 1954, стр. 5—17.

Радоичичу неизвестна. В Народную библиотеку Белграда Руянское Четвероевангелие поступило после 1903 г. и поэтому не вошло в известный каталог Л. Стояновича. В 1941 г. этот экземпляр погиб. Радоичич регистрирует также экземпляр Петербургской публичной библиотеки, описанный в свое время И. П. Карапаевым. Единственный из сохранившихся в настоящее время в Югославии экземпляров Руянского Четвероевангелия находится в библиотеке Сербской академии наук. Экземпляр этот не полон: он содержит всего лишь 92 листа.

К сведениям, приводимым Радоичичем, следует сделать одно лишь замечание. Петербургское Четвероевангелие 1537 г. было в 1859 г. приобретено у Вука Караджича, поэтому надо говорить не о двух, а об одном экземпляре⁴³. Книга ныне находится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифр 1.1.8).

Описание З. Янц сделано на основе неполного экземпляра Сербской академии наук, фрагмента Музея прикладного искусства (2 листа), репродукций двух листов из экземпляра Караджича и одного листа из экземпляра Народной библиотеки. Легко понять, что описание это неполно. Так, например, последний раздел книги — евангелие от Иоанна — известен Янц лишь по одному листу фрагмента Музея прикладного искусства, а также по репродукции другого листа в одном из трудов Вука Караджича. З. Янц, придерживаясь традиционной точки зрения, считает Руянское Четвероевангелие ксилографическим изданием. По ее мнению, формы для печатания книги гравировали два человека — один резал доски с текстом евангелий от Матфея, Марка и Луки, а другой — с текстом евангелия от Иоанна. Нам эта точка зрения представляется далеко еще не доказанной. Изучение наиболее полного ленинградского экземпляра книги свидетельствует, что в книге использованы шрифты по крайней мере четырех рисунков: евангелие от Матфея и начало евангелия от Марка напечатано одним шрифтом, евангелие от Марка и часть евангелия от Луки — другим, евангелие от Луки — третьим, евангелие от Иоанна и Соборник — четвертым. Значит, если быть последовательным, нужно говорить не о двух, а о четырех граверах. Более того, ряд признаков указывает, что книга отпечатана не с ксилографической, а с наборной формой.

Книгопечатание на румынских землях, начатое в 1508 г. Макарием и впослед-

⁴³ «Отчет Императорской публичной библиотеки за 18.9 год». СПб., 1860, стр. 17—18.

ствии продолженное Д. Любовичем, во второй половине XVI столетия переживало период расцвета, главным образом благодаря деятельности дьякона Кореси. Этот типограф издавал книги как на славянском, так и на румынском языке, который в ту пору передавался кириллицей. Согласно новейшим исследованиям румынских ученых первой книгой, напечатанной на румынском языке, был Катехизис 1544 года; ни один из экземпляров этого издания не сохранился⁴⁴. Книга была заказана митрополитом г. Сибиу и печаталась в Тырговище.

Типография Кореси работала преимущественно в г. Брашове; трудились в ней не только румынские, но и болгарские мастера. Деятельностью типографии интересовались румынские, болгарские⁴⁵ и венгерские⁴⁶ историки. Наибольшее количество работ принадлежит румынским исследователям. Кореси начал свою деятельность в Брашове в 1556 г.; первенец его типографии был напечатанный в следующем году славянский Октоих. За ним последовали Триодь цветная 1557—1558 гг., самая ранняя из сохранившихся румынских печатных книг «Intrebarea Creștinăescă» 1559 г.⁴⁷, знаменитое румынское Четвероевангелие 1560—1561 гг. и еще добрых два десятка изданий. Среди них славянские Четвероевангелия, Псалтырь, Октоих и др.

Наши знания о жизни и трудах Кореси все еще находятся на уровне знаний старых русских библиографов И. П. Сахарова, В. М. Ундольского, И. П. Карапаева, относивших напечатанные им Евангелия к концу XV—началу XVI в. и полагавших, что оттиснуты они с цельных гравированных досок. В советских трудах по истории книгоиздания — даже в самых последних — имя Кореси не упоминается. Между тем в Румынии изучение деятельности Кореси имеет уже немалые традиции — назовем появившиеся еще в 30-х годах пыпешнего столетия исследования Д. Симонеску, Л. Предеску

⁴⁴ P. R. Panaiteșcu. Începuturile scrierii în limba română. Noi contribuții.—«Studii și cercetări de bibliologie», t. V. București, 1963, p. 107—134.

⁴⁵ См. раздел «Румъно-българска печатница в Брашов» в кн.: П. Атанасов. Начало на българското книгоиздание. София, 1959, стр. 61—72.

⁴⁶ Z. Soltész. A magyarországi könyvkiadás a XVI században. Budapest, 1961, p. 74—76.

⁴⁷ В 1959 г. был отмечен 400-летний юбилей этого издания. См.: N. Serbănescu. La 400 de ani de la aparitia «Intrebarii Creștinești».—«Biserica ortodoxă română», 1959, № 11—12, p. 1031—1032.

и др. Немало трудов, посвященных этому вопросу, появилось и в последнее время.

Укажем прежде всего капитальную публикацию, которой Академия наук Румынской Народной Республики отметила 400-летие Четвероевангелия 1560—1561 гг. Это факсимильное воспроизведение знаменного издания Кореси, осуществленное под редакцией Флорики Димитреску⁴⁸. Ей же принадлежит большая вступительная статья, в которой рассматривается жизненный путь типографа,дается подробное описание Четвероевангелия 1560—1561 гг., описываются сохранившиеся экземпляры. Факсимильному воспроизведению предпослан текст Четвероевангелия в современной транскрипции. Публикацию завершает тщательно составленный словарь языка Четвероевангелия 1560—1561 гг.

В последние годы был опубликован и ряд статей о жизни и деятельности Кореси — статей, содержащих новые фактические данные⁴⁹.

До сих пор наш обзор касался лишь специальных исследований, тематика которых сравнительно узка. Мы видели, что таких исследований много, а уровень их исполнения достаточно высок. Предварительная разработка узких вопросов служит базой для создания обобщающих трудов, комплексно рассматривающих социально-политические, экономические и культурно-исторические аспекты славянского первоиздания. Строго говоря, таких трудов еще нет. Однако первые шаги уже сделаны. Мы говорим о монографических исследованиях, посвященных книгоизданию в отдельных странах и опубликованных в последние годы. Заметим, что разработка проблемы славянского первоиздания в настоящее время осложняется отсутствием исчерпывающей подробной библиографии славянских староизданий. Старые русские библиографии П. М. Строев, В. М. Ундольский, И. П. Сахаров, П. И. Кеппен, И. П. Карапаев учитывали в своих трудах славянские книги кирилловского шрифта независимо от того, где они были изданы. Начиная с пыпешнего столетия, славяно-русская библиография ограничивается национальными рамками — появляются указатели ста-

⁴⁸ «Tetraevanghelul tiparit de Coresi». Ediție alcătuită de F. Dimitrescu. București, 1963.

⁴⁹ F. Pall. Cu privire la activitatea de tipograf a lui Coresi.—«Studii și cercetări de bibliologie», t. III. București, 1960, p. 267—272; B. Teodorescu. Personalitatea diaconului Coresi și rolul lui în cultura rominească.—«Biserica ortodoxă română», 1959, № 3—4, p. 287—306; V. Molin. Coresi editor și tipograf.—Ibid., p. 307—321.

ропечатных книг, выпущенных на территории отдельных стран. Этап этот при учете первенцев книгопечатания закономерен. Новые методы работы позволили выявить много неизвестных ранее изданий, да и описаны они были детальное и точное.

Говоря о национальных библиографических указателях, следует прежде всего упомянуть четырехтомный труд И. Бану, Н. Ходона и Д. Симонеску (Бухарест, 1903—1944). В последние годы румынские библиографы опубликовали ряд дополнений к этому труду⁵⁰.

Московские старопечатные книги, как известно, в последние годы были капитально изучены и зарегистрированы А. С. Зерновой⁵¹. Недавно был издан указатель южнославянской старопечатной книги XV—XVI вв., составленный Иосипом Бадаличем⁵². Здесь описано 234 издания, напечатанных кирилловским, глаголическим и латинским шрифтами. Указатель составлен тщательно, хотя в печати отмечались отдельные пропуски и неправильности в нем⁵³.

Тщательная разработка национальной библиографии сделала возможным составление сводного каталога славянской старопечатной книги кирилловского шрифта. Труды И. П. Каракаева и В. М. Ундовского, которыми все еще приходится пользоваться исследователям, устарели; они включают не более 60% известных в настоящее время старопечатных изданий. Отсутствие сводного каталога затрудняет работу историков, филологов, искусствоведов. Особенно ощущают это исследователи, изучающие братские связи славянских народов. Работу по составлению такого каталога следовало бы начать в самое близкайшее время.

Историку, изучающему историю книгопечатания, очень важно ознакомить-

⁵⁰ См. «Studii si cercetări de bibliologie», t. 1. Bucureşti, 1955, p. 246—261.

⁵¹ А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958; ее же. Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952; ее же. Орнаментика книг московской печати кирилловского шрифта XVII—XVIII веков. 1677—1750. М., 1963.

⁵² J. Badalici. Jugoslavica usque ad annum MDC. Bibliographie der süd-slawischen Frühdrucke. Baden-Baden, 1959.

⁵³ См. рец.: М. Рупел.—«Slavistična Revija (Ljubljana)», 1959—1960, t. XII, № 1—4, с. 294—296; J. Badalici. Pro domo. Ibid., 1961—1962, t. XIII, с. 311—312; М. Рупел. Se enkrat Badaliceva Jugoslavica.—Ibid., с. 312.

ся со всеми сохранившимися экземплярами книги, служащей предметом исследования. На ее полях могут быть пометы, вкладные и владельческие записи, которые иногда позволяют установить обстоятельства возникновения первых типографий, определить читательскую среду и ее интересы. Изучение вариантов одного и того же издания позволяет выявить редакторскую правку, которой подвергся текст издания, а также реконструировать типографскую технику. Вот почему необходимо кроме каталога—перечня старопечатных изданий иметь и каталоги—переписи (цензы) всех сохранившихся экземпляров книг. Работа эта проделана с изданиями Иоганна Гутенберга и некоторых западноевропейских типографов XV—XVI вв. Сохранившиеся экземпляры первенцев славянского книгопечатания до сего дня не учтены.

Описание отдельных экземпляров целесообразнее начинать в рамках отдельных книгохранилищ. Следующий этап — учет первенцев книгопечатания в городе, районе, стране. Недавно Н. Мартинович зарегистрировал старопечатные издания, сохранившиеся на территории Народной Республики Черногория⁵⁴.

Статья П. Атанасова посвящена сравнительно узкой группе старопечатных изданий — славянским инкуабулам кирилловского шрифта, находящимся ныне в болгарских книгохранилищах⁵⁵. Однако все упомянутые автором экземпляры тщательно и подробно описаны. Приводятся вкладные и владельческие записи, анализируются особенности шрифта, рассмотрены водяные знаки бумаги. Отмечается, насколько полон тот или иной экземпляр.

Заканчивая наш обзор, рассмотрим те немногие труды в области славянского первопечатания, которые носят обобщающий характер. Прежде всего необходимо назвать монографическое исследование югославского историка Деяна Медаковича о графике сербских печатных книг XV—XVII вв.⁵⁶ Труд Медаковича открывается кратким очерком историографии южнославянского первопечатания. Здесь рассказывается о первых упоминаниях славянских старопечатных книг в трудах И. Энгеля, Д. Об-

⁵⁴ Н. С. Мартиновић. Стари книжни фонд у Црној Гори.—«Старине Црне Горе» (Цетиње), 1963, т. I, стр. 7—21.

⁵⁵ П. Атанасов. Славянски кирилски инкуабули в България.—«Български език», 1964, кн. 2—3, стр. 160—172.

⁵⁶ Д. Медаковић. Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958 (Српска Академија наука. Посебна издања, књ. CCCIX. Одељење „друштвених наука”, књ. 29).

радовича, П. Соларича, П. Кеппена, К. Калайдовича; о первых специальных исследованиях П. Шафарика, В. Караджича, И. Кукулевича; о трудах историков второй половины XIX в. В. Ягича, С. Новаковича, И. Рувараца, известного библиографа, археографа и историка книги Л. Стояновича; о сравнительно новых работах Дж. Радоичича, Р. Груичча, М. Брейера.

В главе «Типографии и мастера» Д. Медакович рассматривает социально-политические предпосылки возникновения книгопечатания на землях южных славян. Идет здесь речь и о характере первых типографий, некоторые из которых были коммерческими предприятиями, другие — просветительными, третьи — меценатскими. В выводах своих Д. Медакович во многом следует за Дж. Радоничем, который, впервые в новой историографии, попытался — и не безуспешно — дать социально-экономический анализ славянского первопечатания⁵⁷. Принципиально новым в труде Д. Медаковича является подробный рассказ о мастерах старых типографий и о полиграфических приемах, которые они применяли. Один из разделов второй главы так и называется «Техника старых сербских печатных книг». Большой интерес для советских исследователей представляет сопоставительный анализ техники сербских и московских первопечатных книг.

Особую ценность в книге представляет третья глава «Орнамент, инициалы, иллюстрации». Здесь подробно рассмотрено художественное оформление сербской старопечатной книги. Д. Медакович хорошо знает рукописную южнославянскую книгу. Именно здесь, а также в старой сербской иконописи находит он истоки тем и сюжетов, волновавших первых славянских граверов. Параллели, приводимые автором, убедительны и точны.

Свои посыпки и выводы Медакович подкрепляет составленным им каталогом орнаментики и иллюстраций сербских старопечатных книг. В текстовой части каталога перечислены гравированные заставки, концовки и инициалы, а также иллюстрации южнославянских печатных книг XV—XVII вв. Указано их постраничное размещение в книгах.

Не вина, а беда Медаковича, что для многих книг указания эти далеко не исчерпывающие. Дело в том, что многие сербские старопечатные книги сохранились в Югославии лишь в небольших фрагментах. Таково, например, Руянское Четвероевангелие 1537 г., из которого Медаковичу известна лишь одна заставка, помещенная перед предисловием и перед евангелием от Марка. Оста-

лись неизвестны ему большие заставки двух других рисунков, имеющиеся в ленинградском экземпляре книги.

Говоря о работах обобщающего характера, появившихся в последние годы, следует упомянуть и книгу Лазара Плавшича «Сербские типографии от конца XV до половины XIX века»⁵⁸. В отличие от монографии Д. Медаковича книга эта предназначена для широкого читателя. В введении к ней дается общий очерк истории письменности и книгопечатания. Далее следуют разделы, посвященные развитию славянского книгопечатания в отдельных областях: Черногории, Сербии, Венеции, Германии, Австро-Венгрии. Свообразный «территориальный принцип», положенный в основу структуры книги, нельзя признать удачным. Хронология изложения при этом нарушается: например, о типографии Петра Негоша (XIX в.) рассказывается прежде, чем о типографиях Руянского монастыря или Божидара Вуковича. Взаимосвязи отдельных печатников в этом случае проследить затруднительно, если не невозможно.

Тем не менее описания деятельности отдельных типографий в книге Л. Плавшича достаточно подробны. Интересны приводимые им результаты обмера отдельных элементов старопечатных книг — полос набора, строк, инициалов. Все это дается в современных типографских мерах длины. Изучена и описана техника двухкрасочной печати.

Третья книга, о которой пойдет речь, принадлежит перу болгарского историка Петра Атанасова; она называется «Начало болгарского книгопечатания»⁵⁹. На первый взгляд, исследование это выходит за пределы нашей темы — первая типография в Болгарии появилась лишь в начале XIX столетия. Однако почти половина книги П. Атанасова посвящена тому, что он называет «предтечами» болгарского книгопечатания. Здесь рассказывается о валашской типографии Макария, о болгарине Якове Крайкове, приобретшем типографские материалы у Виченко Вуковича, о румыно-болгарской типографии в Брашове, работавшей под руководством Кореси.

Большой интерес представляет раздел о Макарии. П. Атанасов отвергает гипотезу большинства современных исследователей о том, что черногорский и румынский первопечатники — одно и то же лицо. Он категорически протестует против отождествления обоих Макариев. Свою точку зрения он подкрепляет убедительным анализом орнамента, шрифта, типографской техники обоих мастеров.

⁵⁷ Б. С. Радојчић. Карактер и главни моменти..., стр. 255—270.

⁵⁸ Л. Плавшић. Српске штампареје од краја XV до половине XIX века. Београд, 1959.

⁵⁹ П. Атанасов. Начало на българското книгопечатане. София, 1959.

По его мнению, шрифт черногорских инкунабулов восходит к венецианской антике; резал его скорее всего итальянец. Орнаментика этих книг выполнена в металлографской манере — белым по черному — и указывает на те же истоки. Шрифт румынских первопечатных изданий, напротив, восходит к тырновским почеркам. Близкие аналогии дают известное Четвероевангелие 1429 г. царя Ивана-Александра, переписанное монахом Гавриилом. Орнаментика Служебника 1508 г., Октоиха 1510 г. и Четвероевангелия 1512 г. также восходит к тырновской рукописной школе. Многочисленные примеры, привлекаемые Атанасовым из рукописной болгарской книжности, конкретны и убедительны. В пользу его мнения говорит и анализ типографской техники. Черногорский Макарий превосходно владел выключкой строк, румынский — не знал этого приема.

* * *

Успехи историографии славянского первопечатания очевидны. За последние 15—20 лет в этой области появилось большое количество исследований, которые ввели в научный оборот немало новых и важных фактов. Стали известны славянские старопечатные книги, о которых

недавно еще никто не знал. В недавно опубликованных трудах возникновение книгопечатания у славян рассматривалось в социально-экономическом, филологическом, искусствоведческом аспектах. Появились и первые обобщающие исследования.

Вместе с тем в историографии славянского первопечатания еще не было «белых пятен», устранить которые следовало бы в ближайшем будущем. Нужно составить сводный каталог славянских старопечатных книг кирилловского шрифта XV—XVI вв. Должна быть сделана опись всех сохранившихся экземпляров первенцев славянского книгопечатания. Необходим указатель литературы по истории славянского книжного дела. Важные выводы о взаимных связях и влияниях в истории славянского книгопечатания позволил бы сделать альбом типографских материалов славянских старопечатных изданий.

Генеральной задачей является создание монографии, комплексно рассматривающей исключительно важный вопрос о переходе славянских народов от рукописей к книгопечатанию, в которой была бы дана марксистско-ленинская оценка различным аспектам истории славянского первопечатания.

Е. Л. Немировский

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ ЮГОСЛАВСКОГО ТЕАТРА

За последние годы в Югославии заметно возрос интерес к истории национального театра. Большую роль в этом сыграли два крупных театральных юбилея: столетие Хорватского национального театра в Загребе (в 1960 г.) и Сербского национального театра в Новом Саде (в 1961 г.) — первых постоянных национальных театров. Эти значительные события культурной жизни страны привлекли большое внимание общественности. В связи с этими юбилеями вышел ряд работ по истории хорватского и сербского театра: книга известного историка югославского театра П. Циндрicha «Хорватский и сербский театр»¹ и три сборника статей и материалов: «Хорватский национальный театр 1860—1960»², «Памятная книга Сербского национального театра. 1861—1961»³, «Сборник материалов по истории юго-

славских театров»⁴. В последующие годы появились «Сборник музея театрального искусства»⁵, книги «80 лет обучения актеров в Загребе»⁶ П. Циндрicha и монография Б. Ковачека о Йоване Джорджевиче⁷, основателе Сербского национального театра в Новом Саде, а затем Национального театра в Белграде.

По своему характеру эти издания чрезвычайно разнообразны. Здесь есть и общие работы по истории театра, и сборники статей, посвященные отдельным театрам, и монографии о ведущих деятелях театрального искусства. Это — исследования, юбилейные материалы и научно-популярная литература. В них получили освещение в большей или мень-

¹ P. Cindrić. Hrvatski i srpski teatar. Zagreb, 1960, 325 s.

² «Hrvatsko narodno kazalište 1860—1960». Zagreb, 1960, 248 s.

³ «Споменица српског народног позоришта. 1861—1961». Нови Сад, 1961, 626 с.

⁴ «Зборник прилога историји југословенских позоришта». Нови Сад, 1961, 382 с.

⁵ «Зборник музеја позоришне уметности». Београд, 1962, 304 + 74 с.

⁶ P. Cindrić. 80 godina školovanja glumaca u Zagrebu (1881—1961). Zagreb, 1963, 112 s.

⁷ Б. Ковачек. Јован Ђорђевић. Нови Сад, 1964, 363 с.

шей степени все стороны развития театрального искусства в Югославии: появление различных передвижных и любительских групп, а затем и постоянных театров, национальная драматургия и репертуар, актерское мастерство и организация театрального дела, деятельность выдающихся представителей югославского театрального искусства, развитие специального театрального образования, связи югославских театров между собой и с театрами других народов.

Надо сказать, что до сих пор проблемы развития национального театра разрабатывались в Югославии мало⁸. В основном это были статьи по частным вопросам. В некоторой степени история театра, главным образом драматургия, затрагивалась в общих трудах по истории югославской литературы. Поэтому появление ряда книг, в которых поднимаются многие важные темы истории югославского театра и собран обильный фактический материал, — это большой шаг в развитии современного югославского театроведения.

Книга П. Цинцрича «Хорватский и сербский театр» — первая попытка создания общей истории хорватского и сербского театра. Правда, автор неставил перед собой задачи написать научную историю хорватского и сербского театра с исследованием специфики театрального искусства. Книга задумана как справочник и, следовательно, носит в первую очередь информационный характер. Читатель найдет в ней многочисленные сведения о событиях театральной жизни в Хорватии и Сербии с древнейших времен до наших дней. Достоинство книги в том, что автор не ограничивается фиксированием отдельных фактов истории хорватского и сербского театра, а стремится в ряде случаев показать процесс развития этих театров.

Если работа П. Цинцрича представляет собой обзор общей истории хорватского и сербского театра, то в книгах «Хорватский национальный театр», «Памятная книга Сербского национального театра», «Сборник материалов по истории югославских театров» и «Сборник музея театрального искусства» детально исследуются отдельные вопросы развития хорватского и сербского театрального искусства в наиболее важный период его истории — с середины прошлого века до настоящего времени. С начала этого периода театр приобретает новую общественную роль, складываются новые формы театральной жизни, создается драматургия повсейшего типа, появляются и

⁸ Из работ последнего времени отметим М. Томандл. Српско позориште у Војводини, књ. I. 1736—1868, књ. II. 1868—1919. Нови Сад, 1953; В. Гавелла. Hrvatsko glijmište. Zagreb, 1953.

быстро развиваются постоянные профессиональные театры, формируются кадры мастеров сцены, отвечающие требованиям современного состояния театрального искусства. Театр стал за это время полноправной и неотделимой частью общей художественной культуры хорватского и сербского народов.

В разбираемых изданиях большое внимание уделяется начальному этапу развития сербского и хорватского театра. В ряде статей⁹ подробно освещена история его возникновения: когда были поставлены первые спектакли на народном языке, что именно привело к созданию постоянных театров; даны творческие портреты их руководителей и актеров.

В статьях общего характера на первый план выдвигаются проблемы историко-культурные, а не специально искусствоведческие. Так, оценивая деятельность этих театров до начала первой мировой войны, авторы прежде всего подчеркивают их значение как национальных институтов, призванных решать большие общественные задачи: не только развлекать публику, а быть средством воспитания в ней национального самосознания, быть хранителем национальных традиций и национальной культуры.

Особенно полно раскрывается в сборниках роль Хорватского и Сербского национальных театров в общественной и культурной жизни этих народов в середине XIX в. — в период национального возрождения. Театральная деятельность того времени дается на фоне общественно-политической и культурной жизни Сербии и Хорватии. Она рассматривается как одна из существенных форм процесса национального возрождения этих народов, явившегося в свою очередь следствием появления буржуазии на арене общественной и политической жизни. Д. Роксанович («Роль и значение Хорватского национального театра в общественной и культурной жизни наших народов» в сборнике «Хорватский национальный театр») Н. Петрович («Общественная и политическая обстановка в период возникновения Сербского национального театра» в «Памятной книге»), Т. Манойлович («Политическая роль старого новосадского национального театра» в «Памятной книге») на конкретном материале показывают роль этих театров в передовом общественно-политическом

⁹ S. Batušić. 24. studenoga 1860; J. Hogaš. Kako je nastao zakonski članak LXXVII 1861 o kazalištu jugoslavenskom trojedne kraljevine. В сб.: «Hrvatsko narodno kazalište 1860—1960»; Т. Манойлович. Политичка улога старог новосадског народног позоришта. В сб.: «Споменица...»; С. Бајић. Дуги пут до стварања сталног професионалног позоришта у Београду. В сб.: «Зборник прилога...».

и культурном движении того времени (иллиризм — в Хорватии, движение сербской либеральной буржуазии во главе со Светозаром Милетичем — в Воеводине), в борьбе за национальное освобождение и национальную культуру против германизации и мадьяризации, а также против внутренней реакции.

Последующая история этих театров в межвоенный период и после освобождения освещена с меньшей полнотой, особенно в сборниках, посвященных сербскому театру. Процесс развития Хорватского национального театра вплоть до последнего времени показан, хотя и кратко, в вышеупомянутой статье Д. Роксандича. Проблеме новых форм организации театров в послевоенные годы посвящены статьи С. Аралицы «Общественное управление в театрах» и В. Павлетича «Демократизация театра». Интересный материал по истории хорватского театра периода народно-освободительной войны содержится в статье «Воспоминания о Театре народного освобождения» члена труппы этого театра В. Африча и в очерке Й. Грекорина «О театральной деятельности на освобожденной территории» (*Hrvatsko narodno kazalište...*). Правда, общих работ по современному хорватскому театру в этом сборнике нет. Об истории сербских театров XX в. имеется по одному очерку о межвоенном периоде и несколько материалов о современности в «Памятной книге» и «Сборнике музея».

Значительный интерес представляют сербские сборники: в них помещены материалы о театральной жизни на остальной территории Югославии — в Боснии и Герцеговине, Черногории, Македонии¹⁰.

Эти работы представляют собой большой вклад в далеко еще не полную историю югославского театра. Широко освещены в рецензируемых сборниках вопросы репертуара. Статьи об отечественном и зарубежном репертуаре неоднородны по своему уровню. В некоторых из них дана в основном хронология постановок пьес тех или иных авторов с краткими замечаниями о пьесах и отзывах критики. В других работах преобладает исследовательский подход к проблемам репертуара. Так, в статье В. Маджаревича «Современная отечественная драматургия на сценах Загреба (1945—

1960)» в сборнике «Хорватский национальный театр» дан анализ содержания современной хорватской драматургии. Кроме того, в сборниках опубликован репертуар театров с указанием дат постановок: в сборнике «Хорватский национальный театр» — югославский репертуар театра с 1840 по 1960 год, в «Памятной книге» — полный репертуар Сербского национального театра в 1861—1961 гг., в «Сборнике музея» — репертуар белградских театров в 1945—1962 гг. Опубликованный материал имеет большую документальную ценность и является необходимой основой для изучения югославского театра и драматургии.

Надо отметить, что в сербских изданиях больше внимания уделено зарубежному репертуару. О сербской же драматургии в них есть лишь несколько небольших статей по частным вопросам. Правда, во многих статьях специально или попутно затрагиваются литературные проблемы, главным образом, вопросы переводов и литературных связей¹¹, и тогда авторам в ряде случаев удается проследить, как работа над переводами отразилась на собственном творчестве переводчиков, которые сами были драматургами. Однако отсутствие в этих изданиях исследовательских работ о национальной драматургии, ее роли в становлении и развитии национального театра, конечно, является большим про-блемом.

Очень разнообразны опубликованные в сборниках очерки о выдающихся югославских актерах, творчество которых во многом определяло лицо крупнейших югославских театров. Полнее всего освещен в этом отношении сербский и хорватский театр второй половины XIX—начала XX в. На примере творчества видных его представителей (Д.м. и Др. Ружичи, А. Фиян, семья Строцци) мы можем судить о стиле и общих тенденциях развития сербского и хорватского актерского искусства того времени. К сожалению, в этих изданиях отсутствует материал о современных югославских актерах.

Проблемы режиссуры почти не затрагиваются в сборниках. О режиссерском искусстве, собственно, нет ни одной специальной работы. Так же мало освещены в них вопросы декорационного оформления спектаклей.

¹⁰ Ј. Башковски. Две епизоде из позоришне прошлости Македоније; Х. Дијдар. Српско дилетантско позориште за Босну и Херцеговину. В сб.: «Зборник прилога...»; Н. Мартиновић. Позориште «Зетски дом» на Цетињу; Х. Дијдар. Турске власти у Босни и српска путуја позоришта; И. Миличић. Позоришни покушаји Ј. Хаџи Константинова-Цина. В сб.: «Зборник музеја...».

¹¹ М. Кијовић. Позоришни рад Јоакима Вујића; Б. Недић. Неки трагови Шекспировог утицаја у Костићевој трагедији «Максим Црнојевић». В сб.: «Зборник прилога...»; Т. Милић и та. Антоније Хаџић и српско народно позориште. В сб.: «Споменица...»; Т. Стровци. Obradbe i dramatizacije. В сб.: «Hrvatsko narodno kazalište 1860—1960».

Ряд статей в сборнике «Хорватский национальный театр» посвящен вопросам музыкального театра. Это прежде всего статьи о музыкально-сценическом творчестве хорватских композиторов¹² и репертуаре оперного театра. О сербском музыкальном театре имеется лишь одна специальная статья: о деятельности Сербского национального театра в послевоенный период (в «Памятной книге»).

Подавляющее число статей и материалов в этих изданиях относится к театру XIX и XX вв. Работы по истории хорватского и сербского театра более раннего времени очень немногочисленны¹³. Среди них особого внимания заслуживает статья С. Радоичча «От Дионисия до литургической драмы» («Сборник музея»), в которой делается попытка проанализировать развитие югославского театра в русле общего театрального процесса. История театральных представлений на территории всей Югославии в течение 15 веков нашей эры дана в рамках общего развития театральной культуры того времени в Западной Европе и Византии.

Отличительной чертой всех этих изданий, особенно сербских сборников, является широкое использование архивных материалов: рукописных сборников пьес, писем, воспоминаний, театральных афиш, документов, а также периодической печати второй половины XIX — начала XX в.

Авторами были внимательно изучены богатые и пока еще мало исследованные архивы Сербского национального театра и Матицы сербской в Новом Саде, Хорватского национального театра и Университетской библиотеки в Загребе, Музея театрального искусства в Белграде, Исторического архива в Сремских Карловцах, Государственного архива в Сараеве и др. Архивные материалы использованы чрезвычайно разнообразно. В сборниках помещены интересные публикации, например, письма Б. Нушича и Т. Остоича, известного театрального деятеля и многолетнего сотрудника новосадского театра, в которых содержится критический анализ положения в Сербском национальном театре в начале XX в. («Памятная книга»). Эти письма представляют немалый интерес для историка сербского театра. Те вопросы истории сербского и хорватского театра, которые считаются в основном разработанными (например, пребывание труппы из Нового Сада в Загребе в 1840—1842 гг. и др.), благодаря привлече-

¹² К. Ковачевич. Opera i baletno stvaralaštvo u Hrvatskoj. В сб.: «Hrvatsko narodno kazalište...».

¹³ Б. Глишић. Стогодињица — у оквиру 800 година српскохрватског позоришта; М. Фотез. О преради Дунда Мароја. В сб.: «Зборник прилога...».

нию новых фактов, освещены намного полнее и точнее. Наконец, в двух небольших заметках дано описание архива Хорватского национального театра (в сборнике этого театра). В 1964 г. появилась монография Б. Ковачека о Йоване Джорджевиче — многостороннем сербском общественном, литературном и театральном деятеле второй половины XIX в. Автор подробно излагает биографию И. Джорджевича, уделяя большое внимание формированию его общественных и художественных взглядов. На основании архивных и печатных материалов Б. Ковачек воссоздает картину общественной деятельности И. Джорджевича, описывает его участие в Омладине. Литературные произведения И. Джорджевича (стихи, переводы, статьи) сопровождены серьезным анализом их идеиного содержания и формы.

Треть книги посвящена важнейшему периоду жизни и деятельности И. Джорджевича — его работе в театре, а именно в Сербском национальном театре в Новом Саде и Национальном театре в Белграде. В этой области общественной жизни заслуги И. Джорджевича особенно велики, с его именем связано возникновение первых сербских постоянных профессиональных театров и первые десятилетия их существования. Поэтому эта часть книги Б. Ковачека особенно важна для историка сербского театра. Сквозь призму деятельности И. Джорджевича в этих театрах в качестве директора, драматурга, режиссера, рецензента автор показывает общее состояние сербского театрального искусства этого периода: национальный репертуар, актерское мастерство, организацию театрального дела. Помимо материалов, относящихся непосредственно к И. Джорджевичу, он использует и другие данные, характеризующие сербский театр того времени, дает оценку как деятельности И. Джорджевича, так и вообще явлениям сербской театральной жизни в его время.

Книга Б. Ковачека отличается полнотой фактического материала и высоким уровнем обобщения. Исследование деятельности И. Джорджевича сочетается в ней с анализом общественной и культурной жизни сербского народа второй половины XIX в. Значение этой книги тем более велико, что это пока первая большая монография по истории югославского театра.

В 1963 г. появилась еще одна книга П. Циндрicha «80 лет обучения актеров в Загребе», посвященная вопросам развития актерского образования в Хорватии. В ней собраны сведения, большей частью уже известные, о появлении и деятельности учебных заведений для подготовки актеров при Хорватском национальном театре, об их руководителях и учениках, приложен обширный комментарий и список литературы, включая

статьи. Книга издана в серии научно-популярной литературы.

По истории словенского театра за последние годы не появилось значительных работ. Помимо двух статей в вышеуказанных изданиях¹⁴, воспоминаний¹⁵ и сб. никя рецензий¹⁶, вышла в свет книга Д. Моравца «Связи между словенской и чешской драмой»¹⁷. Автор собрал большой фактический материал о постановках словенских пьес в чешских театрах и чешских пьес в Словении, включая и любительский театр, о пребывании словенских драматургов в Праге и чешских актеров и режиссеров в Любляне, привлек многочисленные данные словенской и чешской печати того времени обо всем, что касается словенско-чешских связей в области театра и драматургии. Вводная глава о чешско-словенских культурных связях, хотя и отличается информационным характером, создает хороший фон для исследования театральных связей. Однако этот обильный материал подан несколько односторонне. В книге почти отсутствуют обобщения. Так, говоря о чешских пьесах в репертуаре словенских театров, например, о чешских комедиях второй половины XIX — начала XX века, автор не определяет их места в репертуаре словенского театра, их влияния на развитие этого же жанра в словенской драматургии, не затрагивает вопросов их интерпретации. Подобным же образом написана и последняя глава, которую автор считает наиболее важной,— о чешских актерах и режиссерах в Слове-

нии в конце XIX — начале XX века. В это время в словенском театре происходил процесс освобождения от дилетантизма в актерской игре и режиссуре, совершенствовался профессиональный уровень исполнения. И большую роль в этом процессе сыграли чешские актеры и режиссеры. Автор книги ограничивается в основном констатацией фактов пребывания отдельных чешских актеров и режиссеров в Любляне и некоторыми общими замечаниями об их творчестве, не анализируя художественного состояния словенского театра того времени и роли чехов в становлении его новых форм.

Рассмотренные работы показывают, что югославское искусствоведение последних лет уделяет большое внимание разработке истории национального театра. Однако преобладает интерес к частным темам: рассматриваются отдельные периоды в истории театра, причем основное внимание уделяется театру XIX в., в том числе любительскому, деятельности отдельных личностей, возникновению или судьбе какого-либо драматического произведения. Фактически ни одна работа не ставит своей целью проследить в целом исторический процесс развития национального театра. Книга П. Циндрicha освещает его очень бегло. Здесь, вероятно, сказывается отчасти и разобщенность усилий театролов различных республик Югославии, а также слабый интерес к теоретическим вопросам и общей истории театрального искусства.

Вышедшие издания, несомненно, представляют большую ценность благодаря как содержащемуся в них фактическому материалу, так и довольно полному освещению отдельных вопросов истории югославского театра. Они послужат хорошим источником для историков культуры Югославии и необходимой основой для создания обобщающих трудов по истории югославского театра.

А. В. Каллош

¹⁴ M. Perković. Slovenski autori na zagrebačkoj pozornici. В сб.: «Hrvatsko narodno kazalište...»; Ф. Калан. Мирица Данилова. В сб.: «Зборник прилога...».

¹⁵ M. Skrbinek. Gledališki mozaik, knj. I—II. Ljubljana, 1963.

¹⁶ J. Vidmar. Dramaturški listki. Ljubljana, 1962.

¹⁷ D. Moravec. Vezi med slovensko in česko dramo. Ljubljana, 1963.

A. X. КЛЕВАНСКИЙ. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., «Наука», 1965, 395 стр.

25 мая 1918 г. захватом железнодорожной станции Мариуполь, в Западной Сибири, начался вооруженный мятеж чехословацкого корпуса против Советской власти, а 26 мая 1918 г. в Москве, в Доме Союзов, произошло открытие съезда, 79 делегатов которого, представляя 7450 человек, образовали Чехословацкую коммунистическую секцию (группу) РКП(б). В этих двух, совпавших по времени, но в корне противоположных по своему характеру событиях, нашел свое проявление длительный и сложный про-

цесс политического размежевания среди чехословацких военнопленных и эмигрантов, находившихся в России.

А их было немало: в России перед началом первой мировой войны проживало свыше 50 тысяч чехов и словаков, эмигрировавших в разное время из империи Габсбургов. Во время войны в русском плену оказалось свыше 200 тысяч чехов и словаков, солдат и офицеров австро-венгерской армии.

Судьбы этих людей и история чехословацких политических организаций и

воинских формирований, действовавших в России, и составляют предмет исследования А. Х. Клеванского.

В межвоенные годы в буржуазной историографии,— как чехословацкой, так и западноевропейской и американской,— появились десятки работ, авторы которых, расходясь в частностях, были едины в стремлении подкрепить измышления военных и политических руководителей Антанты, лидеров буржуазных чехословацких партий и деятелей чехословацкой контрреволюции в России будто антисоветский мятеж являлся актом самообороны. Одновременно они утверждали, будто этот мятеж обеспечил упрочение независимости Чехословакии и либо замалчивали, либо превратно интерпретировали деятельность революционных чехов и словаков в России.

В немногих работах, вышедших в буржуазной Чехословакии из-под пера демократических и марксистских историков, доказывалось, что мятеж, поднятый в Советской России, являлся преступлением не только по отношению к Советской власти и международному революционному движению, но и носил антинациональный, антинародный характер. Он был направлен на уничтожение Советского государства, появление которого только и создало благоприятную международную политическую обстановку для восстановления независимости Чехословакии; превращая чехословацкий корпус в ударную силу международного империализма; облегчая западным правительствам и правящим кругам Чехословакии игру коренными интересами народов Чехословакии, конечным результатом которой явились Мюнхен и гитлеровское иго; вносил существенные осложнения в отношения между буржуазной Чехословакией и Советским Союзом. Эти и связанные с ними положения получили дальнейшее развитие и глубокое обоснование в трудах историков народно-демократической Чехословакии. Труды современных историков Чехословакии¹, частично известные советскому читателю в русских переводах, равно как и соответствующие работы советских историков²,

¹ V. Vávra. Klamná cesta. Praha, 1959; B. Kral. O kontrorevoluční a antisovětské politice Masaryka a Benše. M., 1955; Я. Кржижек. Пенза. Славные боевые традиции чехословацких красноармейцев. Пенза, 1958; J. Kvásník. Československé legie v Rusku 1917—1920. Bratislava, 1963.

² Н. Е. Каурина. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М.—Л., 1928; В. В. Хрулев. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; П. А. Голуб. Братство, скрепленное кровью. М., 1958, и др.

хотя в какой-то мере облегчили задачу А. Х. Клеванского, но в то же время не избавили его от необходимости тщательного исследования источников. Изучение советских государственных и партийных архивов, в том числе не только центральных, но и тех мест, где разворачивались события (Омска, Новосибирска, Томска, Иркутска), а также архивов Чехословакии, обстоятельное знакомство с периодической печатью позволили А. Х. Клеванскому существенно обогатить и расширить картину политической борьбы среди чехов и словаков в России, пополнить ее рассказом о связях их передовых кругов с русским революционным движением, воссоздать картину большой политической работы, проводившейся большевиками среди чехов и словаков, как и среди других зарубежных трудящихся, оказавшихся в России во время Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции.

Свое исследование А. Х. Клеванский начинает с истории чешского и словацкого национального движения в России накануне и в первые годы войны. Здесь заслуживает особого внимания стремление автора показать, что вопреки утверждениям буржуазных историков о том, что переселившиеся в Россию чехи были «верные подданные и образцовые граждане русского царя», из них среди выходили самоотверженные революционеры. В качестве примера автор знакомит с именами Ивана Вацека и Вячеслава Зоффа. Первый из них, сын эмигранта, с 1903 г. состоял в РСДРП. В течение многих лет он был одним из руководителей бакинского пролетариата, участвовал в борьбе за установление Советской власти в Азербайджане и Грузии, был депутатом Верховного Совета СССР. Второй — член большевистской партии с 1913 г., участник Октябрьской революции, стал затем членом Реввоенсовета Советского Союза, начальником и комиссаром советских Военно-морских сил (стр. 17). Однако руководящую роль в политической жизни чехословацкой колонии в России до 1917 г., в работе среди многочисленных перебежчиков и военноопленных играли процаристские элементы. Кстати сказать, изложение в книге деятельности этих кругов представляется растянутым и лишенным того динамики, с каким написаны последующие главы.

В главе второй, посвященной событиям от февраля до октября 1917 г., выделяются страницы о деятельности большевистской партии в защиту военноопленных, о первых значительных совместных выступлениях военноопленных и русских трудящихся против гнета капиталистов и политики Временного правительства, об активизации буржуазно-либерального крыла чехословацкого национального

движения в России, о возникновении социал-демократических кружков и ячеек в местах сосредоточения чехословацких военнопленных. Эти кружки и ячейки в августе сложились в «Чешско-славянскую социал-демократическую рабочую партию при РСДРП», идеино и организационно находившуюся под влиянием меньшевиков. Хотя социал-демократическое движение среди чехов и словаков в России в основном развивалось под знаком поддержки лозунга мира без аннексии и контрибуций на основе права на самоопределение и требования создания самостоятельной Чехословацкой республики, оно поддерживало созданный чешскими либерально-буржуазными кругами Чехословацкий национальный совет во главе с Т. Масариком (стр. 77). Последний, опираясь на поддержку правительства Англии и Франции, сумел в сентябре 1917 г. склонить Временное правительство к расширению существовавших добровольческих чехословацких формирований русской армии и сведению их в Отдельный чехословацкий корпус. Части корпуса довольно широко использовались при подавлении «агарных беспорядков» и т. п. карательных действиях.

Естественно, что такое использование частей корпуса, происходившее при полном согласии Русского отделения Чехословацкого национального совета, вызывало растущее возмущение значительной части чехов и словаков, в первую очередь — социал-демократов. В своих заявлениях, опубликованных в ноябре и декабре 1917 г. в «Правде», группа чехословацких социал-демократов указала, что легионерское движение носит контрреволюционный характер. Кстати, автору следовало бы отметить, что, встретив затруднения в опубликовании одного из своих документов, петроградская группа чехословацких социал-демократов обратилась за помощью к В. И. Ленину³. Развитие процесса активизации и роста интернационалистского крыла чехословацкой социал-демократии резко усилилось под влиянием Октябрьской революции и в ходе борьбы за установление Советской власти на местах, рассматривается в третьей главе монографии.

Автор тщательно, по крупицам собрал разрозненные, разбросанные по различным источникам сведения об участии чехословацких интернационалистов в отрядах Красной гвардии, боровшейся против Украинской Центральной рады, против германского нашествия на Советскую Украину. Одновременно он раскрывает маневры, при помощи которых Масарик и другие чехословацкие буржуазные деятели стремились оградить

чехословацкий корпус от революционных влияний и воспрепятствовать участию его в борьбе против вторгшихся на Украину немецких и австро-венгерских войск. В свете приводимых в книге фактов бои между чехословаками частями и австро-германскими войсками в районе Бахмача в марте 1913 г. предстают в качестве эпизода, лишенного даже тени того значения, которое им приписала буржуазная историография. При этом положение советских отрядов под Бахмачем, по словам В. А. Антонова-Овсеенко, стало критическим в значительной степени вследствие предательского поведения чехословацкого командования⁴.

Анализ действий буржуазных политиков весной 1918 г., их участие в грандиозном антисоветском заговоре антантовских империалистов, начавших вооруженную интервенцию против Советского государства и инспирировавших антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, занимает центральное место во всей работе А. Х. Клеванского. Заговорщикам во главе с так называемой военной партией и оказавшемуся их слепым орудием большинству солдат корпуса, автор противопоставляет растущее единство левых элементов, все более сближавшихся с большевиками. Эти элементы, как и передовые круги других зарубежных трудящихся, находившихся в России, окрепнув в борьбе против буржуазных националистов и реформистов, при братской поддержке большевиков организационно и идеино сплотились на почве защиты Советской власти и борьбы за социалистическую Чехословакию. Их сплочением в Чехословацкую коммунистическую группу и деятельностью этой группы по вовлечению чехословацких интернационалистов в вооруженную борьбу против контрреволюционеров и интервентов заканчивается четвертая глава работы.

В следующей главе речь идет о кризисе националистической контрреволюции. Весьма выразительно автор сумел показать, что все большее число не только чехословацких солдат, но и офицеров постепенно начинало понимать, что они стали орудием «чуждой им и чуждой России политики». Это было началом величайшей моральной трагедии тысяч простых людей, постепенно осознавших, что они обмануты, что из «божьих воинов, гуситов XX века», они превратились в простых наемников» (стр. 265).

После колчаковского переворота и в связи с сообщениями о капитуляции Австро-Венгрии и провозглашении Чехословацкой республики, корпус совер-

³ См. ЦГАОР, ф. 130, оп. I, д. 47, л. 184—190.

⁴ См. В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. II. М.—Л., 1928, стр. 55.

шенно потерял боеспособность. Из его состава в значительной мере в результате агитации большевиков и чехословакских коммунистов, находившихся как на фронте, так и в колчаковском тылу, дезертировали многие сотни солдат, за короткий срок его состав уменьшился на 5600 человек (стр. 279), а в частях происходило брожение, вылившееся в восстание, охватившее 11—14 июня 1919 г. чехословакские подразделения, находившиеся в районе Иркутска.

Крушению колчаковщины, участию чехословакских интернационалистов в борьбе за освобождение Сибири отведена седьмая, последняя глава книги.

Политический опыт, приобретенный в революционной России как чехословакскими интернационалистами, так и многими солдатами и офицерами чехословакского корпуса, сыграл значительную роль в борьбе чехословакского пролетариата за подлинные свободу и независимость, за социализм. Пройдя револю-

ционную школу в Стране Советов, Ю. Хораз, Ф. Коза, Ф. Кацлан, Я. Водичка и сотни и тысячи других чехословакских интернационалистов, вернувшихся на родину, заняли достойное место в рядах Коммунистической партии Чехословакии. Автор воздает должное Славоячу Частеку, Ярославу Штромбаху, Эриству Кужело, Владимиру Почандо и всем другим чехословакским интернационалистам, прославившим себя беззаботной борьбой за власть Советов в рядах Красной Армии.

Книга А. Х. Клеванского вносит многое существенно нового в историю чехословакского интернационалистского движения, в историю народов Чехословакии и Советского Союза. Она написана на высоком идеино-политическом уровне и с несомненным профессиональным мастерством.

А. Я. Манусевич

МОНОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В ГАЛИЧИНЕ¹

Г. Ю. Гербильский (под псевдонимом) обратился к изучению необычайно интересной, актуальной и малоисследованной проблемы — развитию прогрессивных идей на землях западной Украины (Галичина)². Новая монография, вышедшая недавно в издательстве Львовского университета, как бы подводит итоги многолетних изысканий автора в этой области.

Своему исследованию Г. Ю. Гербильский предпосыпает обширное введение, в котором освещает экономические и политические особенности развития Галичины в первой половине XIX в., подчеркивая при этом стремление западноукраинских трудящихся к объединению с основной массой украинского народа, живущего в СССР, и дает основательное изложение историографии вопроса.

Автор поставил своей целью осветить развитие прогрессивной общественной мысли в Галичине, пробивавшей себе путь в сложной борьбе против реакционных сил в период, предшествовавший революции 1848 г. В крае, где капиталистические отношения еще только зарождались, главным носителем прогрессивных, освободительных идей были угнетенное крестьянство и его идеологии. Не случайно монография открывается разделом, посвященным общественно-поли-

тическим взглядам галицийского крестьянства, настроения, чаяния и надежды которого отразились в трудах прогрессивных ученых, публицистов и писателей.

Нелегко было в условиях габсбургской монархии, метко названной Иваном Франко «гнилым болотом меж стран Европы», в условиях косности, произвола власти имущих, национального гнета и церковного мракобесия пробиться новым свежим силам украинского народа. Вот почему автор изучает творчество не только видных деятелей так называемой «Русской троицы», поэта Маркиана Шашкевича, ученого и публициста Ивана Вагилевича, общественного деятеля и ученого Якова Головацкого, но и скрупулезно собирает по крупицам все прогрессивное в творчестве таких деятелей культуры, как Иван Лавровский, Иосиф Левицкий и др.

Однако в центре его внимания все же находится «Русская троица». Деятельность этих людей, как справедливо отмечает автор, была направлена на то, чтобы пробудить у галицийских украинцев «сознание своего единства со всем украинским народом, близость к великому русскому народу, показать тяжелое положение украинских крестьян и необходимость борьбы за лучшее будущее» (стр. 134).

Много внимания автор уделил знаменитому альманаху, изданному «Русской троицей» в Будапеште в 1837 г. под названием «Русалка Днестровая». Примечательно, что его издатели рассматривали свой труд как продолжение работ

¹ Г. Ю. Гербильский. Розвиток прогресивних ідей в Галичині у першій половині XIX ст. (до 1848 р.). Львів, 1964.

² Г. Ю. Гербильський. Передова успільна думка в Галичині. Львів, 1959.

ученых Харькова, Москвы и Петербурга («Русалка Дністровая», стр. III—IV).

Следует отметить, что Г. Ю. Гербильский не ограничивается лишь освещением взглядов украинских деятелей культуры, но и широко привлекает материалы, свидетельствующие о тесных творческих контактах Украины с другими славянскими народами, в частности — чехами, словаками и поляками. В поисках решений назревших социальных, политических и национальных проблем украинские прогрессивные деятели нашли в лице прогрессивных деятелей братских славянских народов единомышленников и соратников. На богатейшем документальном материале Г. Ю. Гербильский показал сотрудничество М. Шашкевича, И. Вагилевича и Я. Головацкого с польскими учеными и литераторами: Августом Белевским, Люцианом Семенским, Жеготой Паули, а также с выдающимися деятелями чешского возрождения Павлом Шафариком, Яном Колларом и др. С интересом читаются страсти, посвященные творческой дружбе Головацкого и Вагилевича с виднейшим чешским поэтом и общественным деятелем Карелом Гавличеком Боровским, который в 1842 г. по пути в Москву около двух месяцев жил во Львове.

Большой интерес представляют главы монографии, посвященные деятельности польских публицистов и ученых,

ирождавших в Галичине (например, Зориан Доленга-Ходаковский). Автор убедительно показал, что передовые деятели польской культуры сыграли видную роль в развитии галицийской общественной мысли.

В интересной в целом книге Г. Ю. Гербильского есть и некоторые недочеты. На наш взгляд, можно было бы безболезненно объединить третий и пятый разделы книги, близкие не только по постановке вопроса, но и по содержанию.

При исследовании контактов между украинскими и чешскими, а также украинскими и словацкими деятелями науки и культуры нужно было бы привлечь некоторые новые труды чехословакских ученых, например, сборники, посвященные межславянским связям, изданные в последние годы Словацкой академией наук в Братиславе, и другие издания.

В монографии Г. Ю. Гербильского читатель найдет много новых фактов и оценок общественного и культурного развития Галичины в первой половине XIX в. Книга эта, безусловно, заинтересует как историков, изучающих прошлое нашей родины, так и специалистов в области истории и филологии славянских народов.

В. А. Моторный,
В. Я. Гордиенко

НОВАЯ КНИГА О СЛОВАЦКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ¹

Книга известного словацкого медевиалиста П. Хорвата является по существу единственным монографическим исследованием о положении словацкого крестьянства в первой половине XVIII в.

Положение словацкого крестьянства автор рассматривает на общем фоне экономической жизни Словакии в этот период; говорит о росте товарно-денежных отношений и развитии внутреннего и внешнего рынка, о переходе феодального поместья к товарному производству, образовании крупных магнатских поместий, росте барщины, усилившей зависимости и обезземеливания крестьян. Касаясь положения городов, автор отмечает господство немецкого патрициата и венгерских магнатов и, вместе с тем, быстрый рост их словакизации за счет переселенцев из деревень.

В первой, вводной главе, посвященной состоянию производства и техники в хозяйствах крепостных крестьян, П. Хорват характеризует основные отрасли сельского хозяйства: растениеводство и животноводство. Автор отмечает

появление новых видов технических культур (табака, кукурузы) и более интенсивное разведение скота (особенно овец). В книге говорится о низком уровне сельскохозяйственной техники. Подводя итоги, автор приходит к выводу, что в первой половине XVIII в. имелись известные сдвиги в экономическом развитии Словакии.

Во второй главе автор вскрывает причины тяжелого положения крепостного крестьянства. П. Хорват отмечает, что к началу XVIII в. значительно уменьшилось общее число крестьянского населения, углубился процесс его внутренней дифференциации. Развитие капиталистического рынка в Западной Европе и рост внутреннего рынка в габсбургской монархии (прежде всего в Австрии и чешских землях) способствовали переходу папского хозяйства к товарному производству, захвату феодалами крестьянской земли и росту отработочной ренты. По сравнению с началом XVI в. барщина возросла в 2—3 раза (стр. 150). Нередко она доходила до 6 дней в неделю (стр. 152—156). Размеры барщины не были одинаковы по всей территории Словакии. В равнинных областях, где уже возникли крупные малярские хозяйства,

¹ P. Horváth. *Poddaný ľud na Slovensku v prvej polovici XVIII. storočia*. Bratislava, 1963, 326 s.

она возросла в большей степени, чем в горных (стр. 151).

Наряду с ростом барщины шел значительный рост денежной ренты, денежного оброка; только чинш, который составлял важную часть денежных платежей крестьян, в некоторых местах (особенно в Северной и Восточной Словакии) вырос к началу XVIII в. в 10 раз. Денежные платежи еще более возросли в связи с переводом натуральных податей на денежные (стр. 161—165). Кроме этого, П. Хорват отмечает, что на ухудшение положения крестьян повлияло ограничение, а часто и утеря права пользования общинными угодьями (леса, настбища), особенно права корчевки.

Следующим обстоятельством, по мнению П. Хорвата, ухудшившим экономическое положение крестьян, был рост государственных налогов² и других общественных повинностей, которые увеличивались в связи с продолжительными феодальными войнами. Население Словакии платило более половины общевенгерских налогов, хотя ее территория составляла лишь 20% всей территории Венгрии (стр. 178—180)³. Кроме государственного налога крестьяне платили столичный налог, составлявший $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ государственного налога (стр. 182). В эксплуатации крестьян участвовала и церковь, в ее пользу крестьяне отчисляли десятину и содержали местных священников.

Характеризуя социально-экономическое положение словацких крестьян в первой половине XVIII в., автор указывает на различные формы связи крестьянского хозяйства с рынком: продажу продуктов собственного хозяйства (скот, вино, зерно), торговлю изделиями домашних промыслов (полотно, сукно, льняная пряжа, кружева) и т. д. (стр. 188—205). Автор считает, что в начале века из-за разорения крестьянского хозяйства связь с рынком была значительно слабей, чем в середине века, когда в стране в результате прекращения войн наступил период некоторой стабилизации.

П. Хорват отмечает тенденцию к упадку цехового ремесла в городах, развитие домашнего производства и крестьянских промыслов. В малоземельных и малоплодородных горных областях широкое

² Основной государственный налог контрибуция составлял в 1711 г. 1 млн. 650 тыс. золотых. К 1731 г. он возрос до 3 млн. 267 тыс. золотых (стр. 178).

³ Крестьяне словацких столиц несли основную тяжесть государственных налогов, так как крестьяне освобожденных южновенгерских областей имели льготы. Например, 54 общины из Братиславской столицы платили больше контрибуции, чем 10 южновенгерских столиц вместе (стр. 180).

распространение получили все формы домашнего производства. Наибольшее значение имело производство полотна и сукна, особенно в Спишской, Шаришской, Оравской и частично в Липтовской столицах. Здесь около половины жителей деревень занималось ремеслом. В Оравской столице торговля полотном была в руках местных зажиточных крепостных крестьян, которые скупали полотно у своих односельчан и везли в другие страны. Некоторые из них уже имели мастерские по дальнейшей обработке полотна — катки, красильни и т. д. В Турчанской столице было широко распространено производство лечебных масел. Турчанские олейкаржи⁴ торговали в южных частях Венгрии, в Чехии, Саксонии, Пруссии, Польше и даже в России. В Средней Словакии наряду с выработкой полотна развивалось домашнее производство кружев, в Оравской, Липтовской и Тренчинской столицах — производство изделий из дерева, которые также продавались на окрестных и отдаленных рынках.

Автор приходит к выводу, что тяжелое социально-экономическое и общественное положение крестьян, приводившее подчас их к разорению, объяснялось ростом майерских хозяйств и усилением всех форм феодальной зависимости.

Заключительная, третья глава посвящена основным формам антифеодальной борьбы. Буржуазные историки единственным проявлением антифеодальной борьбы крепостных признавали вооруженные восстания. Словацкие историки марксисты в своих работах указывают на ряд скрытых и открытых форм антикрепостной борьбы крестьян. Основной и самой характерной формой, по мнению автора, было бегство, которое приобрело массовый характер. В главе приведен большой статистический материал, свидетельствующий о том, что крестьяне бежали не только семьями, но и целыми деревнями. В результате число крестьян в деревнях уменьшилось вдвое, а некоторые деревни вообще перестали существовать (стр. 214—254). Из Шаришской, Липтовской и Оравской столиц ушло более 6 тыс. крестьянских семей. Общее число бежавших из всех столиц Словакии в этот период составляло около 15 тыс. крестьянских семей. Большая часть из них бежала в венгерские области, освобожденные от турецких завоевателей, меньшая — осела в Средней и Южной Словакии.

Значительная часть крепостных крестьян не могла на новых местах самостоятельно вести хозяйство и поступала на работу в рудники восточно- и среднесловацких городов, промысловые предприятия — мельницы, стекольные и

⁴ Крепостные крестьяне, занимавшиеся торговлей лечебными маслами.

кирпичные мастерские или шахматные майстеры. Бегство крестьян содействовало на землях Южной и Средней Словакии стягиванию языковых и этнических различий, способствовало созданию общего языка и пробуждению национального сознания.

С большим интересом читается раздел, посвященный збойницству. Оно имело в Словакии старую революционную традицию, однако, массовый характер приобрело лишь после подавления восстания Ф. Ракоци и в 30-е годы XVIII в. Этому способствовало то обстоятельство, что крепостные крестьяне после подавления восстания боялись или не могли вернуться в родные места. Часть их уходила небольшими группами в горы и превращалась в народных мстителей. Материалы, приведенные в главе о вооруженных выступлениях крепостных крестьян, подчеркивают их местный характер.

Работа П. Хорвата не свободна и от некоторых недостатков. Широкие хронологические рамки и множество поставленных проблем не дали возможности автору осветить все их с достаточной полнотой и глубиной. Попытка совместить подробное изложение большого фактического материала с анализом процессов, происходивших в крестьянском хозяйстве в пору его приспособления к новым условиям развития товарно-денежных отношений, не совсем ему удалась.

Глубокий интерес автора к изучаемым вопросам, привлечение большого круга источников и литературы, яркость и красочность изложения делают книгу вполне доступной и интересной не только для специалистов-историков, но и для широкого круга читателей.

А. Виноградова

ВИЛЕМ МРШТИК В БОРЬБЕ ЗА ЧЕШСКОЕ РЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

За последние годы появилось много работ о связях русской литературы с зарубежными славянскими литературами. К ним относится и книга Радегаста Паролека «Вилем Мрштик и русская литература»¹. Она состоит из четырех глав: I — «Вилем Мрштик как художник»; II — «За русскую драму»; III — «За русскую критику»; IV — «За русский роман».

Особенность и достоинство исследования состоят в том, что интенсивная тяга Мрштика к русской реалистической литературе показана в связи со всей его деятельностью прозаика, драматурга, критика и публициста, активно участвовавшего в чешской культурной жизни на рубеже XIX и XX вв. Книга обогащает читателя новыми сведениями о русско-чешских связях и о литературной биографии Мрштика, более полными и точными знаниями о развитии реализма в Чехии 1890—1900-х годов и различиях позиций в борьбе за него Мрштика и «частистов» — писателей, группировавшихся вокруг журнала «Час», которых возглавлял Масарик. Автор монографии знает и любит не только Мрштика, но и русскую литературу, что во многом и позволило ему написать серьезную, пусть в чем-то и небесспорную книгу.

В первой главе, пересматривая традиционные представления о Мрштике как чешском приверженце натурализма Золя или «плохом ученике» русского реализма, автор убедительно, как нам кажется, доказывает, что писатель по существу стоял на позициях критического реализма, специфически чешского, возник-

шего в результате потребностей национальной литературы. В 90-е годы в Чехии не всегда отличали реализм от натурализма, путали эти термины. Само понятие реализм связывалось не только с литературой, но и с философией, политикой («реалистами» называли себя масариковцы). Однако, как показывает анализ художественного творчества, критических статей и эпистолярного наследия Мрштика, и в 90-е годы и позже он отстаивал принципы именно реалистического, в современном понимании этого слова, искусства. Писатель опирался на опыт чешских классиков — Немцовой и Неруды, а также близких ему по духу русских реалистов, творчески использовал эстетические идеи Белинского, которого считал «королем всех критиков», и Добролюбова. Рассматривая стиль художественных произведений В. Мрштика и его суждения о стиле в искусстве, автор приходит к заключению, что в отличие от других чешских писателей (Голечек, Баар, Свистлая, Райс, А. Мрштик, Гербен, Новакова) его реализм имеет не региональный, а «осознанно общенациональный характер» (стр. 26). Хотелось бы отметить известную спорность разделения писателей по такому принципу, да и в книге сказано, что противопоставленные Мрштику писатели приобретали «общенациональное художественное значение» (стр. 26). Известные различия между творчеством В. Мрштика и писателей, которые «вышли из региональных представлений» (стр. 26), есть, но искать их, по-видимому, надо не в количественных отличиях (большая или меньшая широта тематики, отраженной действительности), а в качественных.

¹ Radegast Parolek. Vilem Mrštík a ruska literatura. Praha, 1964, s. 183.

Такое отличие, возможно, следует видеть в индуктивном или дедуктивном подходе к художественному воспроизведению жизни, а также в несходстве путей, приводивших к созданию литературных типов (их иногда можно находить в жизни и чуть ли не писать с натуры, но можно и создавать посредством фантазии и воображения, наделяя чертами ряда людей).

Во второй главе рассмотрена борьба Мрштика за реалистическую национальную драматургию, в которой его поддерживал опыт Гоголя, Льва Толстого, а также Островского.

Одно из ярких свидетельств этой борьбы — статья молодого Мрштика «О реализме в драматическом искусстве» («Ческа Талиа», 1887), большая часть которой посвящена разбору «Ревизора» в духе статьи Белинского «„Горе от ума“», сочинение А. С. Грибоедова». В статье Мрштика ставился вопрос о типизации. «Реализм, — говорилось в ней, — состоит в изображении повседневной жизни, отдельных ее представителей-типов...». Считая «Ревизора» «вечным образцом» для драматургов, в заметке «Театр» («Люмир», 1904) Мрштик писал, что в этом произведении «нет карикатур, но есть в нем занимающие весь мир типы...». Чешский писатель переводил отрывки из сочинений Гоголя, отражавшие его взгляды на театр.

Величайшим русским писателем-современником для Мрштика был Толстой. В 1887 г. он переводит «Власть тьмы». Вскоре появились две его статьи о Толстом: «Граф Лев Толстой и его „Власть тьмы“» («Ческа Талиа», 1888) и «Граф Лев Толстой как мыслитель» («Ческа ревю», 1889). «В Толстом, — пишет Р. Паролек о Мрштике, — он видел одного из главных пионеров нового реализма в театре, достойного продолжателя пушкинских и гоголевских традиций, великого революционера в искусстве и самого большого драматурга современности. Его личность писатель ставил в первые ряды мировой литературы, а во „Власти тьмы“ увидел смелую атаку, направленную против современной буржуазной цивилизации» (стр. 41). Особенно привлекало Мрштика в Толстом стремление русского писателя служить своим творчеством народу. Слова «искусство для народа» стали для чешского писателя боевым девизом.

Наряду с Гоголем и Толстым высоко ценил Мрштик и Островского, видя в нем, как отмечает автор книги, продолжателя «реалистической традиции Пушкина».

Пропагандируя русскую драматургию, Мрштик тем самым боролся за реалистический чешский театр. Это хорошо показано Р. Паролеком. Так, в статье о постановке в Национальном театре одной из пьес Сарду («Рух», 1888) Мрштик резко

выступил против легковесной, развлекательной драматургии, уводившей от настоящей жизни. «Это не жизнь — то, что нам показывает г. Сарду», — говорилось в этой статье. Пустоте плохих переводных пьес Мрштик противопоставлял драматургию содержательную. «Именно поэтому русские вещи, — писал он, — живут значительно дольше французских... Достаточно вспомнить „Ревизора“ и „Горе от ума“... Сарду: хочет быть любой ценой интересным. Русский: хочет быть любой ценой художником». Писатель призывал драматургов изображать и наблюдать чешскую жизнь так, как «свою жизнь наблюдают и изображают русские...» (статья «О театре», «Рух», 1887).

В 80—90-е годы остро стоял вопрос о том, какой должна быть форма молодой чешской драматургии, искавшей пути национального развития. Мрштик и тут оставался реалистом. В рецензии на брошюру Шуберта «Пятый год Национального театра» («Ческа ревю», 1889) он писал: «Надо быть благодарными русской драме за то, что она исправила наши представления о драматической форме и предостерегла от увлечения изживающими себя формами... Форма французской драмы не может быть кабинетным вопросом, поскольку наш театр поставил себе цель развивать чешскую драму, с чешским содержанием, чешскими характерами, конфликтами, действием — всем чешским».

Родству взглядов Мрштика и русских критиков (Белинского, Добролюбова) посвящена третья глава книги. Особенно много общего у чешского писателя было с Белинским, у которого он брал то, что ему нужно было в «борьбе за чешское реалистическое искусство» (стр. 72). «Я опираюсь, — писал Мрштик, — главным образом на Белинского, которому каждый может доверять больше всего». Писателя, как это видно из статьи «О реализме в драматическом искусстве», привлекали у Белинского его высказывания о правдивости художественных произведений и типичности образов как необходимом условии правдивости.

Другая область, сближавшая Мрштика с русским критиком, — решение вопроса о национальном и интернациональном в литературе. Об этом позволяет судить статья Мрштика «О художественности в литературе» («Недельни листы Гласу народа», 1888), где читаем: «У чужих народов мы должны искать самые сильные образы и равняться по ним. Нет лучше совета для искусства, нежели тот, что высказал Белинский: ученик никогда не превзойдет учителя, если видит в нем только образец, а не соперника...» Мрштик выступал за творческое осмысливание чужого опыта. «Только в национальном духе данная характеристика всегда привлекала всеобщее внимание...», —

утверждал он в статье «О живописи нового времени» (1887). Заметим, что Мрштик был первым чешским переводчиком сочинений Белинского и Добролюбова.

Очень важно убедительное, на наш взгляд, раскрытие автором коренных различий в отношении к русской реалистической литературе и критике «частистов» и Мрштика, полемики между ними. Последняя возникла в связи со спекулятивной трактовкой масариковцами вопросов тенденциозности искусства, которую они признавали постольку, поскольку это не противоречило их взглядам, против чего Мрштик и протестовал, иронически замечая, что у «реалистическо-схоластической критики» (т. е. «частистской») «не в жизни система, а в системе жизнь». Из этого Р. Паролек делает вывод: «В литературоведении прошлого частистскую критику часто сближали с русской. Мрштик был одним из первых, кто доказал, что действительное отношение частистов к искусству было в прямом противоречии с принципами русской революционно-демократической критики» (стр. 86).

Справедливо видя в Мрштике одного из крупнейших теоретиков и практиков чешского реализма, последователя Неруды и Гостиńskiego, автор книги замечает, что в своих критических работах он был «непосредственным предшественником поколения Шальды», а во многом и его учителем» (стр. 90). Здесь неясно, кто отнесен к «поколению Шальды», непонятно, кто именно учился у Мрштика. Что же касается критической деятельности самого Шальды, то, как нам кажется, она мало связана с борьбой Мрштика за реализм, в которой последний опирался на опыт русской литературы. Вряд ли можно, например, отнести к Шальде справедливую, на наш взгляд, характеристику Мрштика: «Его критические статьи являются собой пример того, как поистине плодотворно можно было использовать в наших условиях принципы русской критики, доказывают их жизненность и возможность использования в ином литературном контексте» (стр. 90).

Как видно из последней главы, главной притягательной силой в произведениях русских романистов для Мрштика были гуманизм и народность их творчества, тревога о судьбах простых людей, угнетенных и униженных. В книге конкретно показаны различия в отношении к русской литературе Масарика и Мрштика. Вот что говорится, например, об их подходе к Толстому: «Первого занимает Толстой — религиозный философ и идеалист, второго — Толстой художник и критик общества. Поэтому взгляд Масарика на Толстого оказывался для Мрштика совершенно чуждым и неприемлемым» (стр. 117). Так же расходились они и в оценке Достоевского. И еще: Масарик и близкие ему критики считали лучшими романами Тургенева «Дым» и «Новь», а

Мрштик относил к таковым произведениям, написанные до 1861 г.

Одна из наиболее значительных работ Мрштика о русской литературе — статья «Русская библиотека» («Розгледы», 1896). Приветствуя в ней выход в издательстве Отто двадцати трех книг русских писателей, «двадцати трех... библей русского народа» (имелись в виду переводы произведений Толстого, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Гоголя, Достоевского, Писемского и др.), Мрштик высказывал мысль, что русская литература могла бы «революционизировать наше обычное представление об истинной основе искусства...». Большое значение переводов с русского, как отмечает Р. Паролек, он видел в том, что они «будут способствовать воспитанию у читателей реалистического вкуса и тем самым подготовят почву для дальнейшего расцвета чешской литературы» (стр. 105). Книги русских писателей представлялись Мрштику «действенным защитным средством» против «буржуазного преклонения перед всем чужеземным», против «влияния упадочной части западной культуры».

Мрштик перевел многие произведения Пушкина, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Толстого, Писемского, Гаршина, Чехова, Успенского — по существу все, что было актуально и интересно для чешских читателей. Более глубокому знакомству Мрштика с русской литературой способствовала его поездка на Нижегородскую ярмарку (1896).

В главе «За русский роман» приведены интересные высказывания Мрштика о писателях, произведения которых он переводил. Благодаря этому видны живые нити, связывавшие чешского писателя с русскими. Автор монографии не «выпрямляет» Мрштика, говорит о его ошибках и заблуждениях, в частности о непонимании им истинного смысла романа Писемского «Взбаламученное море», а также «Бесов» Достоевского. В связи с неверной оценкой Мрштиком «Взбаламученного моря» Р. Паролек замечает, что последняя доказывает, «какую разную роль может играть произведение в контексте разных национальных литератур» (стр. 132). Подобная мысль уже ранее высказывалась². Нам она представляется дискуссионной³. Жаль, что в книге это положение не развернуто. В известном противоречии с ним находятся слова автора о том, что в ошибочной оценке Писемского «тотично незнание подлинной функции произведения в русском контексте» (стр. 143).

² См. «Čtvero setkaní s ruským realitem», 1958, s. 94, 112.

³ См. об этом нашу рецепцию «Новая книга о русско-чешских связях». Кр. сообщ. Ин-та славяновед. АН СССР, вып. 32, 1961, стр. 110.

Принципиально важен выдвинутый в главе вопрос об истинном месте Мрштика в литературной борьбе. В прошлом некоторые критики, например Арне Новак, писали, что вначале Мрштик боролся за «новое (moderní) искусство», а потом не раз выступал с позиций «национальных и традиционных». Шальда называл Мрштика самым хаотичным представителем Модерны. «В действительности,— замечает Р. Паролек,— дело обстояло наоборот. Да, он боролся за новое искусство. Однако под словом новое подразумевал искусство в своей основе самобытное и реалистическое» (стр. 95). Как видим, «Чешская Модерна» не была единой, неточны представления о «поколении 90-х годов» как поколении писателей, которых объединяла в какой-то мере общая эстетическая платформа. В лице Мрштика чешская литература имела последовательного борца за реализм. И не его вина, что само слово «реализм» было во многом скомпрометировано в Чехии его противниками. Это сказалось и на дальнейшем развитии литературы.

Обобщая свои наблюдения, Р. Паролек пишет о том, что нельзя проходить с закрытыми глазами мимо фактов, «в свете которых Мрштик предстает перед нами, как одна из интереснейших личностей чешской литературной жизни на склоне столетия, как один из самых заслуженных поборников нового реалистического искусства и братской русско-чешской культурной взаимности» (стр. 143). С таким выводом нельзя не согласиться.

В заключении книги особое внимание уделено специфике развития реализма в чешской литературе.

Характеризуя сборник критико-публицистических статей Мрштика «Мои мечты» (1902—1903), автор пишет: «Достижения книжки значительно превышали ее отдельные ошибки, в которых проявилось непонимание Мрштиком одной из главных закономерностей литературного процесса, а именно того, что

развитие литературы и искусства может идти и достигать подлинных успехов в рамках нереалистических направлений. Мрштик их, однако, отмечал так категорически, что порой от него ускользало и то, что можно было бы взять из них для последующего реалистического синтеза» (стр. 146—147). Эта мысль не совсем понятна и, как нам кажется, несколько противоречит другому высказыванию автора: «факты доказывают, что он (Мрштик.— Л. К.), исходя из чисто чешских условий, был вынужден обратиться к русским образцам. Этого требовала тогда ситуация. Его значение прежде всего в том, что эту необходимость он вовремя понял и свободно, по собственной воле шел за тем, что было нужно с точки зрения потребностей развития отечественной литературной структуры» (стр. 159). Так или иначе замечание об ошибках Мрштика и «последующем реалистическом синтезе» следовало бы пояснить.

Нельзя не пожалеть, что в книге нет главы о творческом освоении опыта русских писателей в художественных произведениях Мрштика.

Недостает в ней и перечня всех работ Мрштика о русской литературе, библиографии его переводов. Но это частности. А в целом после книги Ю. Доланского «Мастера русского реализма у нас» (1960) исследование Р. Паролека — еще один шаг вперед в научном изучении двух линий восприятия русской литературы в Чехии (демократической и либерально-буржуазной). Положительная черта работы — ее актуальность. Она имеет непосредственное отношение к оживленным литературоведческим спорам о традициях и новаторстве.

Книга интересна не только для богемистов и литературоведов, занимающихся русско-чешскими связями, но и для историков русской литературы.

Л. С. Кишкун

ДВЕ КНИГИ О СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

За последнее время болгарские литературоведы и критики все больше внимания уделяют систематическому изучению современной болгарской литературы, проблемам, связанным с живым литературным процессом. К 20-летию победы социалистической революции в Болгарии вышли два сборника статей: «Проблемы современной болгарской литературы» — издание, подготовленное Институтом литературы Болгарской академии наук¹, и «Проблемы», авторы,

книги — работа секции критиков Союза болгарских писателей².

Первый сборник, как отмечается во введении, открывает серию подобных изданий, вызванных к жизни как задачами болгарской литературоведческой науки, так и нуждами национальной творческой практики. Книга весьма разнообразна по содержанию. Здесь представ-

С. Каролов, Е. Каран필ов, К. Куюмджиев. София, 1964, 414 стр.

² «Проблеми, автори, книги». Из съвременната българска литература. Съставителство и редакция В. Йосифов и Е. Петров. София, 1964, 614 стр.

¹ «Проблеми на съвременната българска литература». Сборник статии. Ред.

лены статьи обзорно-проблемного характера: о героическом в жизни и его отражении в литературе (Е. Карапилов), о развитии и особенностях болгарской драмы в последние два десятилетия (В. Каракашев, И. Бояджиева). Рассматриваются некоторые вопросы современного болгарского романа и поэзии, главным образом с точки зрения коммунистической партийности, проблемы положительного героя, художественного мастерства (А. Тодоров, В. Колевский, Х. Дудевский). Выясняются некоторые особенности мемуарной литературы об антифашистском сопротивлении (К. Генов), отношение современных писателей к народной сказке (В. Вылчев). В статьях в той или иной степени затрагивается творчество многих авторов — Георгия Караславова, Людмила Стоянова, Орлина Василева, Камена Зидарова, Лозана Стрелкова, Андрея Гуляшки, Георгия Джагарова, Ивана Радоева, ряда молодых прозаиков, поэтов и драматургов. В сборник включены очерки о творчестве Елизаветы Багряны (М. Цанева), Димитра Талева (Т. Жечев), Николы Фурнаджиева (Г. Цанев), Веселина Ханчева (П. Зарев), Стефана Дичева (Г. Димов), Пеньо Пенева (Л. Георгиев).

Авторы статей стремились раскрыть не только идеино-тематические, но и эстетические достоинства рассматриваемых произведений, сосредоточить внимание на особенностях их метода, стиля и т. д. В обзорных статьях отмечены тенденции литературного процесса, обращено внимание на верные и ошибочные новаторские поиски в тех или других произведениях. С большей или меньшей удачей сделаны попытки по-новому толковать и оценивать разбираемые произведения.

Не стремясь к подробному разбору книги, мы ограничиваемся самой общей ее оценкой. В ней есть и недостатки, есть ряд положений, по которым можно было бы спорить. Но не они определяют облик сборника, его научную ценность. «Проблемы современной болгарской литературы» — это хорошо задуманная и в основном удачно выполненная литературно-критическая работа.

Что же касается сборника «Проблемы, авторы, книги», он продолжает хорошую традицию в деятельности секции критики Союза болгарских писателей. Даже при самом беглом сравнении нетрудно установить, что этот новый том превосходит предыдущие по разнообразию проблематики, а в значительной степени и в методологическом отношении. Тут представлены статьи общетеоретического характера, статьи о развитии некоторых жанров, о творчестве видных современных писателей или об их произведениях, не оставлена без внимания и детская литература. Сборник рассчитан на широкий круг читателей, в том числе и на учащихся средних

школ. Этим оправдан и преобладающий в статьях научно-популярный аспект, не вытесняющий, разумеется, литературоведческих проблем.

В сборнике рассматриваются вопросы коммунистической партийности и политики партии в области литературы и искусства (Т. Павлов, Г. Гошкин, П. Понdev), проблемы метода социалистического реализма и те творческие горизонты, которые раскрывает этот метод перед художниками слова (П. Зарев, С. Каролов), вопросы, касающиеся развития и особенностей болгарской драматургии двух последних десятилетий (С. Каракостов, Л. Тенев, Г. Гочев), литературы для детей и юношества (Н. Янков). Рассмотрено творчество Людмила Стоянова (Б. Делчев), Георгия Караславова (В. Иосифов), Багряны (П. Динсков), Димитра Талева, Андрея Гуляшки (Е. Карапилов), Николы Фурнаджиева (Г. Цанев), Димитра Димова (Я. Молхов), Святослава Мишкова, Веселина Ханчева (Э. Петров), Эмилиана Стапева (Б. Нонев), Илии Волена (С. Султанов), Павла Вежинова (М. Николаев), Пеньо Пенева, Валерия Петрова (П. Данчев).

Статьи, составляющие сборник «Проблемы, авторы, книги» (написанные за последние 5–10 лет), свидетельствуют о стремлении болгарских критиков постоянно находиться на уровне современных достижений марксистско-ленинской теории литературы. Чувствуется желание авторов преодолеть схематизм и догматизм, выйти на широкую творческую дорогу. Вообще сборник дает весьма правдивую (хотя, конечно, и неполную) картину состояния современной болгарской литературы и вместе с тем отражает, как в зеркале, сегодняшнее положение болгарской критики.

Что касается характеристики и оценок, даваемых писателям или отдельным произведениям, то и здесь при более пристальном рассмотрении литературного процесса и общественной действительности можно было бы сделать некоторые критические замечания и оговорки. Можно не согласиться, например, с несколько узким, импрессионистическим подходом к литературным фактам и явлениям в некоторых статьях.

В связи с выходом обоих сборников можно высказать и некоторые пожелания общетеоретического и методологического характера. Например, категорию коммунистической партийности необходимо было бы рассмотреть в развитии, в процессе ее сближения с народностью. Наши наблюдения, рассуждения, выводы могли бы быть более убедительными, если бы, например, мы оперировали содержанием категории эстетического идеала более определенно, если бы более четко разграничивали понятия: социалистическая романтика, романтический стиль, романтический тип худо-

жественного обобщения и т. д. Необходимо развернуть дискуссии по этим вопросам. Ведь только при таком конкретном анализе наиболее ясно вырисовывается направление, в котором нужно искать решения спорных вопросов.

Впрочем, какие бы критические замечания не вызвало появление обоих сборников, необходимо подчеркнуть, что они являются книгами, отвечающими своему прямому назначению — обогатить, по возможности, литературную науку и способствовать углублению творческой

практики писателей. В ряде статей содержатся конкретные и принципиально важные обобщения особенностей современного литературного процесса. Эти сборники, вместе с другими подобными исследованиями, несомненно облегчают и задачу тех, кто сейчас работает над очерками о современных болгарских писателях для четырехтомной истории болгарской литературы, готовящейся к изданию Институтом литературы БАН.

К. Генов

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ЧЕШСКОЙ ПОЭЗИИ¹

Иржи Брабец известен работами как по современной литературе, так и по литературе межвоенного периода. На протяжении ряда лет он занимался также изучением чешской поэзии конца прошлого века. В 1964 г. появилась монография «Поэзия на рубеже эпохи», являющаяся результатом долгой и кропотливой работы и посвященная анализу чешской поэзии конца 80-х — начала 90-х годов.

Этот период изобиловал противоречивыми тенденциями, разобраться в которых важно и для понимания последующего литературного процесса; там — начало многих явлений, вокруг которых сегодня идет спор. Книга Брабца стала выступлением в дискуссии о связи поэзии и общественной борьбы, об исторической прогрессивности и ограниченности писателя, о возможностях реализма. Не случаен тот интерес, с которым она была встречена чехословацкими литературоведами.²

Монография основана на самом тщательном изучении материала. Автор исследует творчество не только ведущих поэтов того времени (Я. Неруды, С. Чеха, Я. Врхлицкого), но и второстепенных авторов. Он привлекает материалы из журналов и газет, переписку, архивы.

По своему характеру эта книга сугубо аналитическая. Главное внимание автора привлекает отклик поэзии на изменения в общественной жизни, поэтому освещение «переходного периода» в ее развитии оп начинает с поэзии политической. Методологическую актуальность работы Брабца высоко оценил рецензент «Руде

право» Ф. Бурнанек. Ф. Водичка особо отмечал в «Литерарных новинах» последовательный историзм И. Брабца.

Книга состоит из трех разделов. Первый из них («Метаморфозы чешской поэзии в период политического кризиса») посвящен отражению в поэзии глубокого кризиса национальной политики чешской буржуазии. Брабец предлагает здесь новое прочтение «Песен страстной пятницы» Неруды, подчеркивает упадок поэзии, пропагандировавшей идеалии младочешской партии (А. Гайдук, Э. Красногорская), подробно освещает удивительную судьбу поэмы С. Чеха «Песни раба», которую пытались представить как выражение своих идей враждующие партии: и младочехи, и старочехи, и социал-демократы. Особую главу Брабец посвятил рабочей поэзии того вре- мени.

Во втором разделе («Литература и жизнь народа») автор рассматривает различные варианты программы реализма, которые существовали в чешской литературе конца 80-х — начала 90-х годов («моравская школа», О. Гостинский, Т. Масарик, Х. Шауэр, В. Мрштик), и их ограниченность. На очень широком материале Брабец показывает необычайную распространенность жанровой поэзии, в которой преобладали сентиментальные тона и идеалы классовой гармонии. Интересен анализ развития поэтики в период широкого наступления реализма, наблюдения над активизацией сатирических жанров и указание на их связь с злободневными популярными «куплетами».

Последний раздел («Поэзия начинает ниспровергать ценности и идеалы общества девятнадцатого века») намечает перспективу выхода из кризиса и пути дальнейшего развития поэзии. Здесь большое место занимает анализ противоречий творческого облика Врхлицкого. Отмечая его эпигонов, Брабец видит основу будущего прогресса чешской поэзии в творчестве Й. Махара и А. Совы.

¹ J. Brabec. Poetie na předělu doby. Vývojové tendenze české poezie koncem osmdesátých a na počátku devadesátých let. Nakladatelství Československé akademie věd. Praha, 1964, 213 s.

² В 1965 г. книга И. Брабца была удостоена общереспубликанской премии в связи с 20-летием освобождения Чехословакии.

Книгу И. Брабца отличает строгая целинаправленность, подчиненность конкретного анализа главнейшей задаче — выявлению общих закономерностей литературного процесса.

При чтении монографии не раз опущаешь подчеркнутый «рационализм» подхода И. Брабца к поэзии. Автор не всегда в полной мере учитывает эмоциональную сторону разбираемых произведений (*«Песни раба»*). Однако это интересное и ценное исследование вызывает желание поспорить не о смысле отдельных стихотворений, а именно об общих закономерностях развития поэзии.

Брабец детально показывает, как губительно для поэзии служение «идеалам» обанкротившихся буржуазных партий. Однако, переходя к обобщениям, автор порой начинает оперировать абстрактным понятием «политики». На стр. 18 читаем: «В период, который мы анализируем, возникает парадоксальная ситуация, свидетельствующая о том, что великое достоинство чешской литературы — ее слитность с политической демократической борьбой — было, вследствие своей односторонности и пренебрежения другими функциями искусства, и ее слабостью». Это утверждение верно лишь отчасти и нуждается в существенном уточнении. Политическая борьба буржуазных партий (а именно о ней идет речь) с течением времени все больше утрачивала прогрессивность и демократичность, и вполне естественно слитность с ней переставала быть «великим достоинством» поэзии, вне зависимости от того, «пренебрегала» литература или нет другими своими «функциями».

Возникает впечатление, что И. Брабец общественную жизнь почти целиком отожествляет с политикой и борьбой существовавших тогда партий. Может быть, более плодотворной для анализа была бы постановка вопроса не только о конкретной «политичности», но и о гражданственности поэзии, об объективном классовом, общественно-историческом смысле позиций того или иного литератора.

Хотелось бы поспорить и с трактовкой реализма, которую предлагает автор. «Реализм — историческая категория, и именно так мы ее изучаем», — справедливо пишет И. Брабец (стр. 102). Анализируя программы реализма, он констатирует, что «реалистическая критика и чешский реализм вообще акцентируют вместо реализма критического скорее реализм этический...» (стр. 101). Но исследователя по существу не интересует реализм как категория типологическая. Реализм в поэзии ассоциируется у Брабца лишь с жанровостью, описательностью, верностью деталей. Он тонко показывает, что за видимостью жизненной правды у таких консервативных поэтов, как М. Шимачек или А. Клаштерский, скры-

вается тенденциозное искажение и приукрашивание действительности, однако это не мешает ему спокойно относить их произведения к реализму, поскольку они себя за реалистов почитали, и т. д. Справедливости ради следует признать, что с большинством конкретных оценок в монографии можно согласиться, сделав лишь поправку на специфику трактовки автором того или иного понятия. Труднее принять общую концепцию сущности изменений в литературном процессе.

С неизбежной долей огрубления эту концепцию можно было бы выразить так. В конце 80-х — начале 90-х годов приходит в упадок поэзия, утверждающая политические идеалы и отличающаяся возвышенной патетикой и отвлеченной образностью. Новым потребностям литературы отвечала реалистическая поэтика, демократизация языка и стиля, обращение к конкретной современной жизни, но в чешских условиях реализм большими и смелыми искусством не стал. Не пришло еще время и для пролетарской литературы. Что же в этих условиях было наиболее плодотворно для поэзии? И. Брабец отвечает на этот вопрос однозначно: отрицание буржуазного общества с позиций отдельной личности, с позиций «субъекта». При этом на «субъект» падает главное ударение.

Высшим достижением чешской поэзии рассматриваемого периода И. Брабец совершенно справедливо считает *«Песни страстной пятницы»* Неруды, творчество Махара и Совы. Но их успех он объясняет тем, что, не будучи связаны какой-либо коллективной идеей, они выступали лишь со своих субъективных позиций. «Тем самым, — пишет исследователь о Неруде, — предопределена специфичность этой политической поэзии, в которой главная роль отведена субъекту — субъект предохраняет ее от общих мест и фразерства» (стр. 27). На стр. 193 читаем: «Поэт, который уже не чувствует слитности с коллективом, потому что не верит в его единство, будет создавать свои произведения лишь как выражение ничем не корректируемых субъективных ощущений и личных переживаний. Таким поэтом „искренности“ в 80-е годы стал Й. С. Махар».

Безусловно, в стихах Неруды, Совы, особенно подчеркнуто — у Махара, выражено личное, субъективное отношение к действительности. Но только ли личное и субъективное? Не смешивает ли исследователь форму явления и его сущность? Разве выраженные в форме сугубо личных переживаний настроения молодого Махара, бунтующего против установленной буржуазного общества, не отражали объективно настроений передовых слоев общества, не соответствовали в конечном счете интересам широких масс? С другой стороны, тот же Гайдук мог быть сколь

угодно субъективно-искренним (да вернее всего и был) в своей политической лирике, но это не спасало ее от консервативности, ибо его субъективность в данном случае объективно отражала консервативные идеалы... Да и существует ли вообще столь дистиллированный «субъект», каким он выступает в формулировках И. Брабеца?

Весьма умозрительным выглядит противопоставление таких разнородных понятий, как служение политическим идеалам и субъективность. И характерно, что в разделе, посвященном политической поэзии, мы не встречаем даже упоминания о выдающемся произведении чешской политической поэзии — сборнике Махара *«Tristium Vindobona»*. По времени своего появления (1892 г.; стихи 1889—1892) он должен быть здесь цепременно — ведь И. Брабецставил перед собой задачу всестороннего исследования поэзии строго определенного отрезка времени, границу которого обозначали «Песни раба» (1895).

Вот что пишет по поводу сборника *«Tristium Vindobona»* исследователь творчества Махара З. Пешат, с работой которого соглашается и И. Брабец: *«Tristium Vindobona I—XX»* представляет по своему размаху и содержанию небывалую в чешской поэзии критику господствующей политики. В то же время Махар создал здесь и новый тип патристической лирики, по сравнению с предыдущим периодом — лирику в высшей степени политическую, необычайно конкретную по своей исходной позиции и целенаправленности, лирику сугубо однозначную, не допускающую многообразных интерпретаций, равно как и вневременную актуализацию³. Без этого сборника облик политической поэзии начала 90-х годов явно неполон. И вряд ли может удовлетворить сделанная в заключении I раздела оговорка (единственная) по поводу Махара и Сoves: «Общественное значение и эстетическая ценность их протеста выходят за рамки эпохи, в которой заключена подавляющая часть чешской политической поэзии» (стр. 83). «Выходит за рамки» — действительно так! Но можно ли, определяя общий характер литературного процесса данного периода, исключать из поля зрения как раз важнейшие и значительнейшие произведения на том основании, что они уже представляли тенденции более высокого этапа? Ведь так игнорируется та самая диалектика развития, проследить которую стремится исследователь.

Говоря о середине 90-х годов, С. К. Нейман писал в своих воспоминаниях: «*«Tristium Vindobona»!* Это было нечто

совсем иное, чем любимый мною в гимназии Св. Чех, которого я, впрочем, предательски покинул еще раньше в „Новых Проудах“ ради „Магдалины“. Здесь наше кредо было выражено намного яснее, чем в аллегорических „Песнях раба“, которые я читал позже на Борах и которые оставили меня равнодушным...»⁴. Итак, равнодушие юного поэта к «Песням раба» было порождено тем, что его уже «испортил» Махар. И не объясняется ли секрет «приемлемости» «Песен раба» для некоторых буржуазно-националистических кругов тем, что отвлеченный радикализм Чеха уже не казался им столь опасным по сравнению с безжалостно-конкретными и гневно-реалистическими стихами Махара? Что же касается вопроса об идеале, то ведь и в *«Tristium Vindobona»* было несомненное «служение идеалу» — и очень ревностное, очень страстное. Но только это уже был совсем иной идеал: письровержене обетвленых и ложных «идеалов» — идеал в высшей степени позитивный!

Умозрительно и противопоставление «субъективности» реализму. Разумеется, для реализма не приемлем субъективизм как произвол художника, попирающего объективные закономерности действительности. Но реализм — в данном случае речь идет о поэзии — дает необычайный простор для всестороннего и непосредственного выражения личности художника. Однако «я» поэта-реалиста всегда выражает нечто большее, чем только субъективные переживания, — в этом сила, притягательность, жизненность этой поэзии.

Отожествив реализм с описательностью, жанровостью, политической умеренностью, И. Брабец во II разделе по существу опять же лишь упоминает о Махаре, а в III разделе разбирает только его книги лирики, которые укладываются в концепцию «субъективизма», а о *«Tristium Vindobona»* и романе в стихах «Магдалина» говорит вскользь, как о разных формах «объективизации» субъективных настроений. Между тем анализ этих произведений мог бы, как мне кажется, изменить мнение И. Брабеца о чешском реализме как о реализме только «этическом» и «смиренном». В чешской поэзии проектировал себе путь и реализм критический: *«Tristium Vindobona»*, «Магдалина», книги лирики Махара представляли его вершину в XIX в. И это все — во временных рамках того периода, которому посвятил И. Брабец свою монографию. Ну а «субъективность» (в самом хорошем смысле этого слова) существовала в чешской литературе, конечно, и до Махара, и до Неруды — они выступали здесь наследниками, к примеру, гневно-иронических «Ти-

³ Z. Pešat. J. S. Machar básník. Praha, 1959, s. 66.

⁴ S t. K. Neumann. Vzpomínky. Praha, 1948, s. 51.

рольских элегий» К. Гавличка-Боровского.

Книга вызывает горячее желание спорить, потому что несет в себе большой полемический заряд. Она дает богатый материал для размышлений, во многом убеждает, многие явления представляет

в новом свете, и, даже не соглашаясь с автором, нельзя не уважать той четкости, с которой он выражает свою позицию. При спорности общей концепции монография И. Брабца — серьезный шаг в изучении чешской поэзии.

C. Шерлаимова

СТОЙКО СТОЙКОВ. Българските народни говори. София, «Наука и познание», 1964, 100 стр.

СТОЙКО СТОЙКОВ. Болгарские народные говоры

Со времени возникновения болгарского языкоznания было создано немало серьезных трудов по проблемам описательной болгарской диалектологии, среди которых наибольшей известностью пользуются работы Б. Цонева, С. Младенова и Л. Милетича. В 1962 г. в Софии была издана «Болгарская диалектология» С. Стойкова¹ — первое в Болгарии обширное и систематическое описание в традиционном плане проблем болгарской и отчасти общей диалектологии с приложением большой библиографии. Эти интересные работы предназначены в основном для лингвистов. Однако еще не было книги, рассказывающей в доступной широкому кругу читателей форме о существующей диалектной дробности современного болгарского языка и специфических особенностях его диалектов. Этот пробел теперь отчасти восполнен. В 1964 г. в Софии вышла в свет небольшая по объему монография С. Стойкова «Болгарские народные говоры».

В самом начале книги С. Стойков говорит о составе современного болгарского языка. Разделяя распространенную в науке точку зрения о сложной структуре национального² (общенародного, по терминологии С. Стойкова) языка, он отмечает, что основными элементами современного болгарского языка являются литературный язык³, выступающий в письменной и устной формах и обязательный для всех, и местные народные говоры (или диалекты), выступающие только в устной форме. Единство языка заключается в наличии общих для всех родственных диалектов характерных черт грамматического строя, звуковой системы и основного словарного фонда. В существовании же в отдельных говорах

значительных различий, относящихся к любому из уровней системы данного языка (фонематическому, грамматическому, лексическому), состоит его диалектное многообразие. Подчеркивая, что диалект — это историческая категория, связанная с общественно-экономическим развитием общества, С. Стойков останавливается на неправильных, пенаучных взглядах на диалект как на «исковерканный литературный язык» или как на язык, не испорченный письменной формой, в котором проявляется так называемый «чистый народный дух».

В книге отмечается положительная роль, которую сыграла в развитии диалектологии лингвистическая география.

В следующих разделах книги С. Стойков перечисляет специфические черты современного болгарского языка, общие всему языку (эти общие элементы характеризуют в основном грамматический и лексический строй) и довольно подробно рассматривает диалектные различия болгарского языка, проявляющиеся наиболее ярко в области фонетики. При описании различий в системе вокализма автор обращается к диахронии, рассматривая в традиционном плане судьбу праславянских гласных. Более кратко и без привлечения данных истории языка говорится о диалектных различительных элементах в области консонантизма и ударения. Указывая на диалектные различия морфологического и синтаксического строя, С. Стойков в некоторых случаях приводит для сравнения староболгарские соответствия. Значительное место в книге уделено лексическим и семантическим диалектным различиям, а также иноязычным заимствованиям (турцизмам, румынизмам и т. п.).

Говоря о территории распространения болгарского языка, С. Стойков специально останавливается на вопросе о границе между сербско-хорватским и болгарским языками и выделяет особый переходный диалект, называемый сербскими диалектологами призренско-тимокским, или южным.

В книге рассматривается также и во-

¹ С. Стойков. Българска диалектология. София, 1962, 250 стр.

² См., например, книга «Русская диалектология». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964, стр. 7.

³ Для литературного языка С. Стойков употребляет еще термины *книжовен* и *национален език*.

прос о македонских говорах. По мнению автора, македонские говоры входят в состав болгарского языка и образуют с ним единую языковую целостность. Однако это обстоятельство не является препятствием для создания македонцами самостоятельного македонского языка, о чем и свидетельствует существующий ныне македонский литературный язык.

Далее С. Стойков в краткой форме дает основную классификацию современных болгарских диалектов, отмечая, что в становлении современных диалектов большое значение имели, наряду с другими виезыковыми факторами, и многочисленные переселения болгар как внутри страны, так и за пределы Болгарии.

В последних разделах книги приводится краткая характеристика основных диалектных групп современного болгарского языка. В восточноболгарской области выделяются мизийская, балканская и рупская диалектные группы. Западноболгарская область включает в себя северо-западную, юго-западную и переходную (пограничную) группу диалектов. С. Стойков рассматривает и основные языковые черты болгарских говоров на территории СССР и Румынии, определяя при этом, к каким основным диалектным группам метрополии относятся эти говоры.

К книге приложена карта Болгарии, на которой показано диалекточное членение современного болгарского языка.

Однако с рядом положений этой книги мы не можем согласиться. Укажем некоторые из них.

Так, автор полагает, что единство языка создается прежде всего общностью грамматического строя и словарного состава; различия же между диалектами зависят в первую очередь от «второстепенных» особенностей звуковой системы и лексики (стр. 5). К этому в общем-то справедливому высказыванию можно добавить, что единство языка основывается на наличии не только общих элементов грамматического строя и лексического состава, но и характерных для данного языка черт фонематической системы (ср., например, в болгарском языке корреляцию глухих и звонких согласных фонем, отсутствие противопоставления по твердости-мягкости перед фонемой [и] и т. п.). Такое «невнимание» автора к явлениям, относящимся к фонологической системе болгарского языка, объясняется, видимо, тем, что С. Стойков вполне сознательно исключил из своей книги фонологический аспект исследования: он отсутствует

также и в других работах С. Стойкова по болгарской диалектологии⁴.

Говоря о диалектных различиях в инвентаре согласных звуков, С. Стойков перечисляет согласные *x*, *f* и *ts* (*дж*), которые встречаются не во всех говорах (стр. 25). Здесь следовало бы упомянуть и об аффрикате *s* (*ձ*), также известной не всем болгарским диалектам.

На стр. 21 допущена неточность при описании современного болгарского гласного *ъ*, восходящего к древнеболгарскому *ѫ*. Автор отмечает, что «старый гласный *ъ* в большинстве говоров сохранил свое звучание» (например, *сън* из древнеболгарского *съնъ*). Однако известно, что современный *ъ* — это гласный полного образования, тогда как древнеболгарский *ѫ* был редуцированным гласным.

На стр. 40 С. Стойков говорит о наличии причастий женского и среднего рода единственного числа и причастий множественного числа с удвоенным суффиксом (типа *дошлъла*, *дошлъло*, *дошлъли*) в некоторых родопских говорах. Но в родопских говорах встречаются и формы мужского рода с удвоенным суффиксом (типа *билъл*, *дошлъл*).

В качестве иллюстрации словообразовательных диалектных различий приведен пример *въгъл* — *въгал* (стр. 51), тогда как в этом случае налицо фонетическое различие (диалектные замены древнеболгарского *ѫ*).

Можно отметить также, что не совсем ясен принцип подачи древнеболгарского материала: в одних случаях автор приводит в качестве сравнения древнеболгарские соответствия, в других аналогичных же случаях эти соответствия отсутствуют.

В заключение считаем уместным заметить, что в последнее время значительно возрос интерес к изучению отдельных диалектов с точки зрения типологии диалектных различий. В этом плане, по нашему мнению, с большим успехом могли бы быть рассмотрены такие многообразные и расчлененные в диалектном отношении языки, как, например, современный болгарский. Однако создание структурной диалектологии современного болгарского языка — дело будущего.

Указанные недостатки не снижают общей ценности книги С. Стойкова. Ее с интересом прочтут не только лингвисты, но и все, кого занимают вопросы, связанные с историей болгарского народа и болгарского языка.

Т. Попова

⁴ См., например, С. Стойков. Указ. соч.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ЧЕШСКОГО РЕФОРМИЗМА¹

Книга М. Никла состоит из вступления, шести глав и заключения. Вначале автор рассматривает экономические концепции Т. Масарика, которые использовались чешской буржуазией в борьбе против сильной и господствующей австро-немецкой буржуазии. Эти концепции пользовались большой популярностью у чешской и словацкой буржуазной интелигенции. Не прошли мимо них и правые деятели социал-демократической партии Чехии.

М. Никл подвергает научной критике принципы «чешского социализма», сформившиеся к противопоставлению марксизму «потребительских и производственных товариществ» (стр. 92). Активными пропагандистами этих утопических идей были идеологи мелкой буржуазии А. Веселый, Ф. Модрагек и др. Он показывает, что их взгляды были своеобразным перепевом идей прудонизма и лассальянства в условиях чешской действительности последней трети прошлого века.

В 4 и 5-й главах автор рассматривает экономические концепции чешских социал-демократов, распространенные в буржуазной Чехословакии. Он подвергает убедительной критике концепции «экономической демократии», «коопера-

тивного социализма» и теории так называемых «национальных социалистов».

Автор отмечает, что эклектизм экономических теорий правых социалистов довоенной Чехословакии проявился в использовании ими идей английского тред-юнионизма и кейнсианства.

Определяя взаимосвязь между теориями социал-реформизма и империалистической буржуазией, автор подчеркивает влияние социал-реформистов на буржуазных теоретиков и, наоборот, использование модных буржуазных теорий правыми социалистами.

Отдельная глава книги посвящена борьбе компартии Чехословакии против экономических концепций реформизма. В общих чертах показан процесс проникновения и распространения марксизма в чешских землях. Автор отмечает, что распространение произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, их популярное изложение в чешской литературе способствовали активизации революционной борьбы пролетариата, которая под руководством компартии Чехословакии привела трудящиеся массы к победе над капиталом и построению нового социалистического общества.

Книга Мирослава Никла является серьезным исследованием сложных проблем, связанных с критикой и опровержением теории чешского реформизма.

С. Н. Злупко,
Я. С. Хонигсман

Илия Конев. Българо-сръбски литературни взаимоотношения през XIX век (до освобождението). София, 1964, 233 стр.

Илия Конев. Болгаро-сербские литературные взаимоотношения в XIX веке (до освобождения)

Проблема сербо-болгарских литературных связей издавна привлекала внимание болгарских и сербских историков литературы. Однако изучение ее до сих пор было направлено на выяснение частных вопросов (прежде всего в плане влияния сербских писателей и сербской литературы на болгарскую), не были исследованы богатые фонды югославских и болгарских архивов.

В книге И. Конева литературные связи болгарского и сербского народов рассматриваются как «фактор, взаимооблегчавший литературный процесс» в Болгарии и Сербии (стр. 10). Опираясь на большой фактический материал, кропотливо собранный и тщательно систематизированный, болгарский исследователь впервые воссоздает целостную картину

творческого взаимодействия болгарской и сербской литературу в прошлом столетии (до 1878 г.) в его самых существенных проявлениях и результатах. Развитие литературных взаимоотношений рассматривается в книге в связи со спецификой и сходством социально-политических условий Болгарии и Сербии, с задачами национально-освободительной борьбы в этих странах, на основе научной периодизации литературного процесса.

Болгаро-сербские литературные взаимоотношения восходят к далекому средневековью. Деятельность сербских и болгарских просветителей, которые совершили поездки в славянские страны, открывали типографии и распространяли церковнославянские книги, земановала собою первые всеобщеславянской вза-

имности. Большое влияние на последующее развитие болгарской и сербской художественной литературы оказали историографические труды П. Хилендарского, И. Раича, А. Качича-Миопича, появившиеся во второй половине XVIII в., на заре национального возрождения. Проникнутые мыслями о братской солидарности болгарского и сербского народа в борьбе за национальное освобождение и культурный прогресс, они были важной страницей в истории болгаро-сербских литературных взаимоотношений.

В конце XVIII — первой половине XIX в., в пору развернувшегося на Балканах национально-освободительного движения против турецкого рабства, литературные взаимосвязи болгарского и сербского народа вступают в новую fazu своего развития. Этому периоду посвящена первая часть монографии И. Конева, озаглавленная «Большое начало». Она вводит в научный оборот большое количество новых фактов, документов, произведений; в ней содержится много интересных наблюдений, сопоставлений, выводов.

Единство целей и задач борьбы болгар и сербов за свободу и национальное возрождение, общность многих явлений литературного процесса (появление переводной литературы, зарождение романтической драмы и поэзии, литературной критики) определили интенсивность и многообразие форм связей в этот период. Архивные материалы, впервые использованные автором, свидетельствуют о широком книгообмене. Большая часть болгарских книг (70 из 260) издается в Сербии, а произведения сербской литературы широко используются в Болгарии для учебно-просветительских нужд. В первой половине XIX в. появляется также значительное число переводов сербских произведений на болгарский язык.

Автор раскрывает большое значение педагогической и просветительской деятельности сербских учителей и писателей в Болгарии (К. Огняновича, С. Милутиновича-Сарайлии, А. Майзнера) и болгарских (С. Доброплодного, Г. Раковского, Н. Пырванова) в Сербии и Воеводине. Он открывает ряд произведений, написанных сербскими авторами на болгарском языке (например, К. Огняновича, М. Давида Раича). Такие проявления литературных взаимоотношений характеризуются в книге как исторически возникшие факторы, ускорившие формирование национальных литератур и обогащавшие их в идейно-эстетическом и жанровом отношении.

Значительный интерес представляет раздел книги «Творческий путь П. Р. Славейкова и сербская литература». Приводимые в нем малоизвестные факты говорят о глубоком знакомстве болгарского писателя с сербской журналистикой, ли-

тературой, о его переводах произведений Д. Обрадовича, народной сербской литературы, поэзии И. Йовановича-Змая. И. Конев приходит к выводу, что эстетические и художественные воззрения Славейкова — просветителя и романиста — складывались под известным воздействием сербской литературы.

В обстановке подъема национально-освободительного движения, зарождения революционно-демократической мысли, материалистической философии, эстетики и углубления связей с передовой русской общественной мыслью и культурой в болгарской и сербской литературе 60—70-х годов XIX в. формируется реалистическое направление. Вторая часть книги посвящена новому этапу болгаро-сербских литературных связей — периоду реализма. Автор раскрывает качественно новые черты литературных взаимоотношений 60—70-х годов, их революционно-демократическое содержание, связанное с деятельностью С. Марковича, Л. Каравелова, Х. Ботева. В этот период не только крепнут личные контакты между писателями и критиками двух стран, но прежде всего вырастает взаимность литератур, способствуя выявлению как общих, так и национально самобытных черт.

Сильной стороной исследования И. Конева безусловно является стремление автора рассматривать характер и значение литературных взаимоотношений в тесной связи с развитием направлений, течений и стилей в болгарской и сербской литературе, с идеино-эстетической борьбой. Конев приходит к выводу, что не всегда те или иные формы взаимодействия являются выражением потребностей формирующихся или уже сложившихся течений и школ, очень часто они отстают от последних и даже превращаются в их тормоз. Так было, например, в 60—70-е годы с переводами житийной и сентиментальной литературы, которые мешали становлению реализма.

Обращаясь к зарождению болгарской реалистической драматургии и театра, к той роли, которую сыграла в этом процессе сербская драматургия и творчество И. Стерии-Поповича, исследователь отводит центральное место анализу наиболее ярких и плодотворных проявлений болгаро-сербской взаимности — связям Л. Каравелова и Х. Ботева с сербским освободительным движением, культурой и литературой.

Находясь два года (1867—1869) в Сербии и Воеводине, Каравелов сближается с левым крылом «Омладины», с единомышленниками С. Марковича, активно участвует в литературной жизни. В новосадском журнале «Матица» за 1868 г. он публикует несколько рецензий на произведения сербских писателей, пишет повести и рассказы на сербском языке — «Виновата ли судьба» (1868—

1869), «Наказал ее бог» (1870), «Соки» (1870), «Горькая судьба» (1869) — и мемуары «Из мертвого дома» (опубликованы в 1871). Новаторство Каравелова прозаика было связано с его революционно-демократическими убеждениями и влиянием на него идей Чернышевского. Справедливо отмечая, что повести и рассказы болгарского писателя «обогащают и развиваются сербский художественный реализм» (стр. 143), вносят в него новые темы, идеи, образы, Конев, однако, несколько завышает, на наш взгляд, роль болгарского писателя, невольно умаляя значение сербских зачинателей реалистического направления. Так на стр. 169 он пишет: «В сербской литературе до Каравелова мы не встречаем сербского писателя, который бы показал так полноценно и убедительно непримиримые социальные противоречия того времени». С этим утверждением нельзя согласиться. Еще до 1868 г., т. е. до появления повестей Каравелова, написаны стихотворения И. Йовановича-Змая («Конституционно-колыбельная песня», 1866; «Волк и ягненок», 1867; «Ютуунский народный гимн», 1865; «Народ», 1866, и др.), беспощадно обнажавшие социально-политические противоречия сербской действительности той поры. Первый в сербской литературе социальный роман Я. Игнатовича «Милан Наранджић» (1860—1863) поднял тему становления буржуазных отношений в Воеводине, раскрывал уродливость мира наживы, лжи и лицемерия. Прямолинейные формулировки, относящиеся в книге к творчеству Я. Игнатовича, приводят автора к одностороннему и неправильному выводам. «Его (Игнатовича.— Ю. Б.) реализм,— пишет И. Конев,— неполнценен и не связан прямо с актуальными проблемами общественного развития Сербии, с идеейной и эстетической программой реализма» (стр. 156). Исследователь прав, говоря об Игнатовиче, что «в беллетристику он не вносит идеалов борцов, подобных Светозару Марковичу» (стр. 137), ибо тяготеет к защите патриархальных устоев старины. Но бесспорно и то (чего не отмечает болгарский литературовед), что в творчестве этого писателя крайне противоречивых идеальных тенденций часто побеждала правда жизни, стремление отразить новые явления общественной действительности своего вре-

мени и прежде всего уродливость законов нарождающегося буржуазного общества. В своих произведениях Игнатович касался тех проблем, которые Маркович выдвигал в качестве первостепенных задач, стоящих перед писателями-реалистами: изображение «морального и материального упадка сербского народа в австро-венгерской монархии, распада задруги, проникновения чуждых мод и обычая». Творчество Игнатовича, как и других зачинателей сербского реализма, было выражением объективной необходимости, назревшей потребности в постановке различных социально-этических проблем, выдвигаемых революционным и общедемократическим движением в стране. Этого не удалось показать Коневу.

Несмотря на то, что с поэтическим творчеством Х. Ботева сербы знакомятся лишь после освобождения от турецкого ига, прославленный болгарский революционный демократ, редактор газеты «Знамя» хорошо известен на родине С. Марковича в 60—70-е годы. Ботев живо интересуется политической обстановкой в Сербии, горячо пропагандирует идею братского союза двух славянских племен. В книге раскрывается глубокое единство взглядов сербских и болгарских революционеров по ряду важных вопросов освободительного движения, балканской федерации, развития культуры и т. п. И. Конев убедительно доказывает, что «Христо Ботев, Светозар Маркович и их единомышленники развивали дальше положительные традиции в болгаро-сербской культурной и идеально-политической взаимности, которая обогащается новыми проявлениями революционной солидарности болгар и сербов» (стр. 201).

Монография И. Конева полемична. Автор часто вступает в спор с теми буржуазными исследователями, которые в угоду своим шовинистическим убеждениям замалчивали или вовсе отрицали прогрессивные контакты и связи двух славянских литератур.

Написанная увлеченно, с большой любовью к предмету исследования, книга болгарского литературоведа послужит благородной цели дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества братских славянских народов.

Ю. Д. Беляева

КНИГА ПО ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ¹

Книга Б. Ценкова содержит ряд очерков-портретов наиболее видных представителей болгарской эстетики XIX—XX вв.

¹ Б. Ценков. Из истории национал-романтизма в Болгарии. Очерки. Изд. БКП, София, 1964.

Раскрывая содержание и особенности эстетической системы каждого из них, Б. Ценков стремится показать общественно-исторические предпосылки, определившие их возникновение и развитие.

В небольшой вступительной главе «Предпосылки возникновения и развития

эстетической мысли в Болгарии после освобождения» Б. Ценков дает общую характеристику тенденций, существовавших в болгарской эстетике в конце XIX — начале XX в. Автор кратко упоминает об эстетике эпохи болгарского возрождения, отмечает преемственность между марксистской эстетикой и взглядами революционеров-демократов Болгарии.

Следующий раздел книги, которым начинается собственно исторический очерк, посвященный эстетической мысли Болгарии, содержит характеристику эстетических взглядов Димитра Благоева. Автор подчеркивает, что с Благоевым болгарская эстетика превратилась в науку, что именно Благоев, основатель марксистской партии болгарского пролетариата, заложил основы и марксистской эстетики в Болгарии. Убедительно показано формирование эстетических взглядов Д. Благоева в связи с его борьбой против буржуазного идеализма.

Второй раздел книги посвящен разбору философских и эстетических взглядов К. Крыстева — редактора журнала «Мысль», одного из главных защитников формалистической эстетики в Болгарии. Б. Ценков дает серьезный и обстоятельный анализ статей К. Крыстева, последовательно показывает их реакционную сущность. В главе также дан обзор статей современников К. Крыстева, полемизировавших с ним.

Интересна глава об Иване Д. Шипманове, выдающемся ученом и общественном деятеле Болгарии, принявшем актив-

ное участие в различных культурных начинаниях после освобождения Болгарии от турецкого ига в 1878 г. Б. Ценков критически рассматривает историко-литературные работы Шипманова и их методологию, отношение его к проблемам народности в литературе.

Раздел книги, посвященный творчеству Бояна Пенева, содержит анализ теоретико-методологических основ работ известного болгарского историка литературы. Б. Ценков стремится показать все наиболее ценное и интересное в трудах Б. Пенева, раскрыть его метод литературного исследования. Вместе с тем автор отмечает противоречивость его взглядов, наличие эклектизма в решении отдельных проблем.

Особое внимание Б. Ценков уделяет проблематике марксистско-ленинской эстетики. Автор обстоятельно анализирует труды Г. Бакалова, Т. Павлова и Д. Гаччева.

Значительное место в книге занимает анализ трудов выдающегося болгарского ученого Тодора Павлова. Подчеркивая большую роль Т. Павлова в борьбе за социалистическую культуру, Б. Ценков анализирует его произведения. В главе «Эстетика как наука» рассматривается вопрос о предмете эстетики как науки, обоснованный в трудах Т. Павлова, о соотношении между социологией, эстетикой, философией, психологией и т. д.

Книга снабжена библиографией и ссылками.

Е. Львова

К. МИРЧЕВ, Х. КОДОВ. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI в. Българска академия на науките, София, 1965, стр. 264

К. МИРЧЕВ, Х. КОДОВ. Енинский апостол. Староболгарский памятник XI в.

Летом 1965 г. в Софии был опубликован древнейший текст славянского апостола, подготовленный к печати известным болгарским лингвистом проф. К. Мирчевым в сотрудничестве с Х. Кодовым. Памятник издан Болгарской академией наук. На титульном листе указаны: Кирилло-Мефодиевская комиссия и Институт болгарского языка.

Апостол был случайно найден в конце 1960 г. во время ремонта и реставрации очень древней церкви св. Параскевы в селе Енина близ города Казанлыка. В свое время в этом селе были обнаружены три памятника древнеславянской письменности: Енинский стихиарий XIV в. и два евангелия XVI в. (одно болгарской, другое — сербской редакции). Обнаруженный памятник находился в плохом состоянии. Рукопись представляла со-

бой бесформенный и грязный клубок пергамента. Потребовалось много времени, опыта и знания, чтобы отделить листы пергамента, не повредив сохранившегося текста. Вся эта работа была проделана сотрудниками отдела реставрации Софийской народной библиотеки.

Уже первое беглое знакомство с найденным текстом показало, что обнаружен очень древний памятник болгарской письменности. Дальнейшее палеографическое и лингвистическое исследование подтвердило это. Оно дает основание датировать Енинский апостол XI веком (точнее, концом XI века). Таким образом, перед нами не известный прежде старославянский (древнеболгарский) памятник письменности конца XI века. Это второй старославянский памятник, найденный в самой Болгарии. Все остальные тек-

(за исключением Рыльских глаголических листков) были открыты за пределами Болгарии.

Среди новозаветных книг апостол («Деяния апостолов» и «Послания апостолов») играл важную роль в церковной службе. Неудивительно поэтому, что он одним из первых был переведен солунскими братьями в Моравию. Однако в числе сохранившихся до наших дней древних памятников письменности до обнаружения Енинского апостола не было известно ни одного апостола старше XII века. Наиболее древними были среднеболгарские тексты XII века: Слепченский апостол (издан Г. А. Ильинским) и Охридская рукопись апостола (издана С. М. Кульбакиной).

От Енинского апостола было найдено только 39 пергamentных листов, причем некоторые из них сохранились неполностью (например, листы 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19). На 13 листе можно прочитать всего несколько слов, а от 16 листа дожел маленький клочок пергамента, на котором нет текста совсем. Однако и сравнительно хорошо сохранившиеся листы имеют много дефектов. Вообще прочтение сохранившегося текста апостола во многих случаях потребовало от проф. К. Мирчева и Х. Кодова огромного труда, упорства и настойчивости. Опубликованные фотоснимки всего памятника дают возможность каждому проверить чтение издателей.

Енинский апостол написан кириллицей. В тексте встречаются отдельные глаголические буквы. Однако глубокая связь данного кириллического памятника с глаголической письменностью обнаруживается во многих элементах письма, во многих технических приемах написания букв и различных знаков. Писец апостола был еще очень тесно связан со всеми навыками и приемами глаголического письма. Все это дает основание издателям памятника утверждать, что в Болгарии существовало «кириллическое письмо, которое по палеографическим и стилистическим особенностям некоторых букв представляло как бы переход от глаголического письма к кириллическому» (стр. 188).

Орнамент рукописи очень беден. Издатели объясняют это тем, что «Енинский апостол был обыкновенной народной книгой, предназначенней для удовлетворения повседневных богослужебных нужд в какой-либо сельской церкви» (стр. 192). Орнамент апостола имеет много общего с орнаментом старославянских глаголических памятников. Одновременно в нем представлены элементы народного тера-

тологического стиля, который получил значительное развитие уже в среднеболгарскую эпоху.

В Енинском апостоле встречается мало слов, которые не были бы зарегистрированы другими старославянскими памятниками. И тем не менее в лексическом отношении апостол представляет большой интерес, так как содержит много народаенных элементов. Зарегистрированы в памятнике *кандакица*, *посста*, *полуночть* 'север' и *полоудъне* 'юг'. В ряде случаев апостол подтверждает новыми примерами единичные факты других памятников: *поконъ*, *ограда*, *трѣбница*, *ѹтѣхница*, *штати таѹкъ*, *оташълъцъ* и др. Однако наибольшую ценность представляют не отдельные редкие слова. Памятник содержит много новых случаев употребления хорошо известных старославянских слов, новые контексты, которые дают возможность полнее выявить семантику старославянских слов. Нет сомнения в том, что составители старославянского словаря должны полностью учесть данные Енинского апостола.

В рецензируемой книге находим описание фонетических, морфологических и синтаксических особенностей апостола. Нет ни одного примера вокализации ъ в сильной позиции, случаи вокализации ѿ единичны. Употребление ж и ѡ отвечает этимологии, что характерно для старославянских памятников. Однако в языке памятника много новообразований, отражающих ряд важных процессов в народных говорах древнеболгарского языка. Так, Енинский апостол свидетельствует, что в народном языке далеко зашел процесс стяжения в именах существительных, прилагательных, в причастиях, в имперфекте. «Здесь очевидно желание порвать с традицией и стремление использовать только обычные для болгарского языка XI в. стяженные формы» (стр. 208). Из области синтаксиса можно обратить внимание на широкое развитие приименного дательного в функции принадлежности. Нет сомнения, что новый памятник старославянской письменности даст много ценных фактов историку болгарского языка. Завершается труд «Словарем», который содержит все слова апостола.

Издание Енинского апостола выполнено на высоком техническом уровне. Шрифты, набор, рисунки и фотоснимки, бумага — все отвечает самым строгим эдиционным требованиям. Недосмотры встречаются очень редко (например, на стр. 223 пример *ограда* повторяется дважды).

С. Б. Бернштейн

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1965 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ**1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика**

Бродский С. Польша и Франция.— «Новое время», 1965, № 39, стр. 5—6.

Санаков Ш. Т. Основные этапы развития мировой социалистической системы.— «Новая и новейшая история», 1965, № 4, стр. 90—96.

Советский народ по-братьски приветствует чехословакских друзей. Речи Л. И. Брежнева и А. Новотного.— «Правда», 1965, 7 сентября.

Совместное советско-чехословацкое заявление.— «Правда», 1965, 16 сентября.

У народов Советского Союза и Чехословакии единые цели, общая судьба, общее будущее. Митинг в Кремлевском Дворце съездов. Речи Л. И. Брежнева и Антонина Новотного.— «Правда», 1965, 15 сентября.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

Бартошевич Ст., Звасс А. О совершенствовании методов управления промышленностью в Польской Народной Республике.— «Вопросы экономики», 1965, № 8, стр. 92—101.

Беляев Ю., Семенова Л. Социалистическое содружество и научно-технический прогресс.— «Международная жизнь», 1965, № 9, стр. 32—40.

Бережков В. В югославской деревне.— «Новое время», 1965, № 39, стр. 11—14.

Булаш М. На путях экономического подъема (Нар. хозяйство соц. стран Европы).— «Экономика Советской Украины», 1965, № 5, стр. 82—86.

Бутаков Д. Новый порядок финансирования промышленных предприятий в Чехословакии.— «Финансы СССР», 1965, № 8, стр. 75—81.

Васильев В. Линейное судоходство в польском морском флоте.— «Морской флот», 1965, № 7, стр. 41—42.

Гаврилов В. С. Развитие транспортных связей стран — членов СЭВ.— «Железнодорожный транспорт», 1965, № 7, стр. 12—16.

Голубева В., Дерябина М. Опыт осуществления платности фондов в социалистических странах Европы.— «Вопросы экономики», 1965, № 7, стр. 142—147.

Дмоковский М. Внешняя торговля Польши в 1964 году.— «Внешняя торговля», 1965, № 7, стр. 7—9.

Домдей К.-Х. Об экономических связях социалистических и капиталистических государств Европы.— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 9, стр. 15—22.

Ендржовский С. Новое в планировании народного хозяйства Польши.— «Проблемы мира и социализма», 1965, № 10, стр. 13—19.

Кангух Ш. Ф., Радзинская Р. А. Некоторые данные о производстве лекарственных средств в Польше.— «Медицинская промышленность СССР», 1965, № 5, стр. 58—59.

Коваленко И., Субботин К. Подготовка квалифицированных рабочих для сферы обслуживания в Югославии.— Проф.-техн. образование, 1965, № 5, стр. 30—31.

Менуловский Э. На землях, воссоединенных с родиной.— «Международная жизнь», 1965, № 8, стр. 70—75.

Новое в организации и методах управления (внешней торговли соц. стран).— «Внешняя торговля», 1965, № 6, стр. 16—18.

Рыбалкин В. Экономическое сотрудничество социалистических стран.— «Коммунист Узбекистана», 1965, № 7, стр. 81—87.

Сергеев В. Разделение труда и товарооборот между странами СЭВ.— «Научные доклады высшей школы. Экономические науки», 1965, № 5, стр. 3—10.

Сергеев В. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ.— «Вопросы экономики», 1965, № 8, стр. 139—146.

Совершенствовать систему планирования и управления. Решение пленума ЦК ПОРП.— «Правда», 1965, 3 августа.

Стронски Л. В тесном контакте. Научно-техническое сотрудничество Польши и СССР.— «Внешняя торговля», 1965, № 6, стр. 13—16.

Тейхма Ю. Ключевой вопрос (О производстве кормов в сельском хозяйстве ПНР).— «Правда», 1965, 26 августа.

Тодоров Ст. Большие возможности (Об успехах в развитии экономики НРБ).— «Правда», 1965, 19 августа.

Трофимова И. На землях Вармини и Мазур.— «Новое время», 1965, № 30, стр. 24—27.

Уяс М. Новая система планового руководства хозяйством и роль Государственного банка Чехословакии.— «Деньги

и кредит», 1965, № 8, стр. 73—78.

Фортунов Д. С помощью кооперации (О с.-х. кооперативах в НРБ).—«Советская потребительская кооперация», 1965, № 6, стр. 44—45.

Шагалов Г. Экономическая эффективность внешней торговли социалистических стран.—«Вопросы экономики», 1965, № 6, стр. 89—99.

Ящук Б. За дальнейший подъем экономики (ПНР).—«Правда», 1965, 11 августа.

3. Партийная жизнь

Бернов Ю., Петренко Ф. Возрастает роль партии в строительстве социализма (БКП).—«Партийная жизнь», 1965, № 18, стр. 74—78.

Гавелка Я. Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе за социалистическое переустройство сельского хозяйства ЧССР.—«Вопросы истории КПСС», 1965, № 9, стр. 40—51.

Красанов В. У коммунистов словацкого кооператива.—«Партийная жизнь», 1965, № 15, стр. 70—73.

Кожухин Б. И. Повышение руководящей роли коммунистических и рабочих партий европейских народно-демократических государств в развитии социалистической демократии.—«Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии и права», 1965, № 11, вып. 2, стр. 87—95.

Козель Я., Ковалчикова Я. Научный подход к политической работе (из опыта работы областной организации КПЧ).—«Проблемы мира и социализма», 1965, № 9, стр. 23—30.

4. Государственное строительство и право

Воровский Ст. Патентная защита (к организации рабочего изобретательства в Польше).—«Изобретатель и рационализатор», 1965, № 6, стр. 15.

Рыбickий М. Основные направления деятельности Министерства юстиции Польской Народной Республики.—«Социалистическая законность», 1965, № 7, стр. 70—73.

Старосцяк Е. Актуальные вопросы польской науки административного права.—«Вестник МГУ. Право», 1965, № 2, стр. 74—78.

Топорин Б. И. Основные направления развития Национального собрания ЧССР после принятия Конституции 1960 г.—«Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 3—13.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Гиленсен В. Дело ротмистра Сосновского (о польском разведчике в

Германии).—«Военно-исторический журнал», 1965, № 8, стр. 26—30.

Голуб П. Славная страница интернациональной солидарности (К истории 1-го Чехословацкого революционного полка Красной Армии).—«Военно-исторический журнал», 1965, № 6, стр. 93—100.

Горина Л. В. К вопросу о подлинности Виргинской грамоты.—«Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 60—68.

Горина Л. В. К истории болгарской монастырской вотчины XIII—XIV веков (по иммунитетным грамотам).—«Вестник МГУ. История», 1965, № 3, стр. 71—79.

Дойнерт Э. Данные немецких источников раннего средневековья о славянах и программа восточной экспансии у Титмара Мерзебургского.—«Средние века», 1965, вып. 27, стр. 26—39.

Ермолаева Р. А. К истории образования организаций социал-демократии Королевства Польского и Литвы на территории России в 1917 г.—«Вопросы истории КПСС», 1965, № 9, стр. 70—78.

Зеленин В. В. Советско-югославское боевое содружество в годы второй мировой войны.—«Вопросы истории», 1965, № 9, стр. 25—35.

Крымская и Потсдамская конференции руководителей трех великих держав. Заседание 9, 10 февраля 1945 г.—«Международная жизнь», 1965, № 8, стр. 153—160; заседание 11 февраля, коммюнике, № 9, стр. 185—192.

Ляпушкин И. И. Некоторые вопросы из предыстории восточных славян.—«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии», 1965, вып. 100, стр. 40—49.

Мерперт Н. Я. Археологические исследования в Южной Болгарии в 1963 г.—«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии», 1965, вып. 100, стр. 19—28.

Писарев Ю. А. Роль масс в освобождении Сербии и Черногории от оккупации в 1918 году.—«Новая и новейшая история», 1965, № 3, стр. 82—90.

Томашевский Д. Г. Борьба СССР за признание Польского народного государства (июль 1944—июль 1945 гг.).—«Вопросы истории», 1965, № 8, стр. 62—73.

Фрейдзон В. И. Буржуазные национал-радикалы и друзья Парижской коммуны в Хорватии.—«Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 14—25.

2. Культура

Ангелов К. Любомир Пипков (болгарский композитор).—«Советская музыка», 1965, № 8, стр. 131—135.

Балов Н. Образование взрослых в Югославии.—«Народное образование», 1965, № 8, стр. 105.

В у л е т и ч В. Чернышевский о сербской народной поэзии.— «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 53—59.

Д р а г о й ч е в а Ц. Плодотворное сотрудничество (О советско-болгарских культурных и экономических связях).— «Культура и жизнь», 1965, № 6, стр. 36.

Д р е в и н А. У чехословацких друзей.— «Искусство», 1965, № 5, стр. 59—61.

Д у х и н Л. Х., **Б е р е з и н** А. И. Подготовка врачей-стоматологов в Польской Народной Республике.— «Стоматология», 1965, № 4, стр. 73—75.

Е р и х о н о в Л. Павка Корчагин на Балканах (Об издании и распространении романа Н. А. Островского в Болгарии).— «Подъем», 1965, № 3, стр. 149—150.

Е с е н с к и й Я. О современном состоянии тифлопедагогики в Чехословакии.— «Спец. школа», 1965, вып. 1, стр. 110—115.

Ж а д о в а Л. Иозеф Чапек — художник-антифашист.— «Искусство», 1965, № 5, стр. 69—70.

З е л е н к о Н. «Три шага по земле» (о польском фильме).— «Искусство кино», 1965, № 9, стр. 114—116.

З л ы д н ы е В. Живой, творческий метод (Болгарские литературоведы о традиции и новаторстве).— «Вопросы литературы», 1965, № 9, стр. 97—100.

К а с в и н Г. В экспериментальных школах Чехословакии.— «Народное образование», 1965, № 5, стр. 96—97.

К а у ф м а н Н. Старинные русские песни в Болгарии.— «Музыкальная жизнь», 1965, № 12, стр. 22.

Л и б а П. Словацкая библиография на современном этапе.— «Советская библиография», 1965, № 3, стр. 93—99.

Л и п о в с к и й Я. Закон, продиктованный жизнью (Организация библиотечного дела в ЧССР).— «Библиотекарь», 1965, № 6, стр. 49—52.

М а к с и м о в и ч Б. Пейзаж, климат, жилище (О народном зодчестве Югославии).— «Декоративное искусство», 1965, № 7, стр. 20—22.

М а л е в и ч О. Карел Чапек и Россия.— «Вопросы литературы», 1965, № 7, стр. 86—96.

М а р к у л я н Я. Прерванный полет (о польском фильме).— «Искусство кино», 1965, № 8, стр. 109—110.

М а с ю к и н А. М. Достижения и перспективы.— Спец. школа, 1965, вып. 1, стр. 105—110.

М л о д з е ё в с к и й Е. 15 лет в пути (О большом польском передвижном симфон. оркестре).— «Музыкальная жизнь», 1965, № 10, стр. 3—5.

П а ж и т н о в Л. Магазин на главной улице (О чехословацком фильме).— «Искусство кино», 1965, № 9, стр. 119—121.

Р о м а н о в и ч И. Адам Ханушкевич и другие (К гастролям варшавского те-

атра «Повсюду» в Москве).— «Театральная жизнь», 1965, № 13, стр. 16—17.

С е л и м о в и ч М. Об искусстве, которое я люблю и ненавижу.— «Искусство кино», 1965, № 8, стр. 100—101.

С о л и ц е в а Л. Чапек в ИСТ (О постановке пьесы К. Чапека «Белая болезнь» в Интернациональном студенческом театре).— «Театральная жизнь», 1965, № 9, стр. 22.

С т р е з и к о з и н В. П., **Ш а х м а е в** Н. М. Учебное радио и телевидение в Польской Народной Республике.— «Советская педагогика», 1965, № 7, стр. 111—115.

Т о н ч е в Ст. Культурная революция в Болгарии.— «Новое время», 1965, № 37, стр. 6.

Ф е д о р М. М. Краеведческая библиография в Словакии.— «Советская библиография», 1965, № 2, стр. 114—120.

Ш е р л а и м о в а С. А. К спорам о концепции революционного искусства в чешской литературе 20-х годов.— «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 26—44.

Я к о в л е в М. Гастроли друзей (О концертах Гос. симфон. оркестра Чешской филармонии).— «Музыкальная жизнь», 1965, № 12, стр. 9—10.

3. Языкоzнание

Б е р н ш т е й н С. Б. О некоторых вопросах теории чередований.— «Советское славяноведение», 1965, № 5, стр. 45—52.

В е ч о р к е в и ч Б. Культура речи и обучение родному (польскому) языку.— «Русский язык в школе», 1965, № 3, стр. 72—80.

Е р м о л е н к о Г. В. Статистические правила употребления членных и общих имен в предложных сочетаниях (на материале современного болгарского языка).— «Филологический сборник», Алма-Ата, 1965, вып. 4, стр. 216—222.

Ж е л е з н я к І. М. Давні сербохорватські відженіонімічні антропоніми.— В кн.: «Територіальні діалекти і власні назви». Київ, 1965, стр. 247—260.

Ж е л е з н я к І. М. М. Козачинський і літературна мова сербів другої половини XVIII ст.— В кн.: «З історії української та інших слов'янських мов». Київ, 1965, с. 157—170. Резюме на рус. яз.

Ж у р а в л е в В. К. Генезис протезов в славянских языках.— «Вопросы языкоzнания», 1965, № 4, стр. 32—43.

К о в а л и к І. І. Порівняльна характеристика словотвору загальних назв живих істот жіночої статі в сучасних сербо-лузіцьких мовах.— В кн.: «З історії української та інших слов'янських мов». Київ, 1965, стр. 99—114. Резюме на рус. яз.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1965, № 3

М. И с у с о в. Связи между рабочим движением в Болгарии и Сербии в начале XX века; П. Х р. П е т р о в. Крещение болгар; Ас. К а л и н к о в. Движение за оказание помощи армии в период Отечественной войны 1944—1945 гг.; А. Н а к о в. Встреча Советской Армии в Болгарии; С. Д а м я н о в. Тайная миссия французского дипломата Проспера Бурре на Балканах (1853—1854 г.); П. К о л е д а р о в, К. К о с е в. Программное письмо д-ра Николы Пикколо по вопросам борьбы за независимость национальной церкви.

«Български език», 1965, № 1

Е. Б о е в. О дотурецком тюркском влиянии в болгарском языке (еще несколько протоболгарских слов); Г. К. В е н е д и к т о в. К семантической характеристики глаголов в болгарском литературном языке; Ц. в. М а к е д о н с к а. Лексико-фразеологические особенности «Христоитии» Райно Поповича; Й. П и н ч е в. О синтаксической характеристике некоторых случаев присоединения; К. М и р ч е в. К болгарской исторической лексикологии (о словах: «кашилия», «копиле», «урина», «белег»); К. Д и м ч е в. Наблюдения над управлением глагола «възпитавам»; М. В ы г л е н о в. Несколько новых иностранных слов в болгарском языке; Б. С и м е о н о в. «Соточино» — «Сточинъ», а не «Сотобчино».

№ 2

М. Д е я н о в а. Об отношении между аристотелем и перфектом в древнеболгарском языке; Э. П е т р о в и ч, Э. В р а б и е. Заметки о грамматическом строе и лексике болгарского говора в с. Попешт-Леорден (Бухарестская область); И. В а с е в а. О частоте употребления деепричастий в современном болгарском языке; Н. Г е о р г и е в. О сущности и значении одной гетерогенной конструкции в эпосе; Р. Б е р н а р. Гърбач'кнут из воловьей кожи'; Р. Б е р н а р. «Свят» или *свет* 'sanctus'?; Р. М у т а ф и ч е в. Частотный словарь (сущность и значение); Р. Р у с е в. Об иностранных словах в болгарском языке; М. В ы г л е н о в. О некоторых иностранных словах, употребляемых в неправильных формах в болгарском языке; Л. А н д� е ч и н. К вопросу о прилагательных на -ичен и -ически;

№ 3

В. С та н к о в. Имперфект в современном болгарском литературном языке —

презенс в прошедшем; М. С. л. М л а д е н о в. Заметки о синтаксисе идиманского говора; Ц. М л а д е н о в. К проблеме фонемного состава болгарского литературного языка; М. Л и л о в. Заметки о языке современной болгарской драмы; И. П е н ч е в. О классификации значений болгарских рефлексивных по форме глаголов; И. Д о б р е в, П. П е н ч е в. К вопросу о слоге в староболгарском языке; М. Р е м е н и - К р а л. Отражение праслав. Q в венгерских слоях славянского происхождения; И. К и н ч е в. Ответ на «Одну необходимую поправку».

«Език и литература», 1965, № 3

С. Р у с а к и е в. Советская художественная литература на переднем посту жизни; Б. Б л а ж е в. Предложения типа «Если бы не он» в русском языке и их соответствие в болгарском; Б. Ц е н к о в. Непреходящее в творчестве Теодора Траянова; М. М л а д е н о в. Особенности говора с. Корово, Велинградско; А. Л и т в и н е н к о. Церковнославянские в поэтическом языке Лермонтова; Л. Е р и х о н о в. Популярные издания Любена Каравелова; М. М а р т и н о в, П. Ш у б а, М. Я р м о ш. Опыт семантической классификации русского глагола; З. д. У р б а н. Никола Вапцаров и Иржи Волькер; Т. И в. Ж и в к о в. Песня Николая Хрелкова о Замфире Попове и ее распространение в Северо-западной Болгарии; М. О д р а н. О словацком глаголе *videt*; Н. Г е о р г и е в. О художественном методе Христо Ботева.

№ 4

И. Л е к о в. К моделированию истории славянской акцентологической системы; Н. Ш а м о т а. Свобода творчества и свобода восприятия; С. С т е ф а н о в. Личностноименные формы в функции несогласованных определений в современном болгарском языке; Ю. Л у к и н. Шолохов в советском искусстве; В. В е л ч е в. Существовали ли развитое славянское письмо и письменность до деятельности Константина-Кирилла и Мефодия в Моравии?; Д. Д о н ч е в а. О родительном падеже при переходных глаголах с отрицанием в русском языке; А. О п у ль с к и й. Лев Толстой на болгарской земле в 1854 г.; Х р. Н е д я л к о в. Елизавета Багрянина.

«Литературна мисъл», 1965, № 4

Л. С т о я н о в. Поэзия и правда; Х. И о р д а н о в. Лирика Веселина Андреева; В. А к ъ о в. Сопротивление таланта; И. П а с и. Энциклопедия

гуманизма эпохи ренессанса; М. Цанева. Пoэмы Ивана Вазова; В. Иванов. Воспоминания о Николае Хрелкове; Ю. Крыстева. Арагон, лирическая эпопея и судьбы лирического; Л. Степанова. Направление «тематического анализа» в современном французском литературоведении; М. Гургулева. В. М. Гаршин в Болгарии.

«Zeitschrift für Slavistik», 1965, № 3

Г. Х. Билфельдт. Опосредованные заимствования с польского в немецком; Р. Ружичка. К синтаксису глагольной конструкции в современном русском литературном языке; Д. Крайджалов. Румынские влияния в славянской поастушеской терминологии и топономастике в Карпатах; А. Г. Татаринцев. Изменения, сделанные Радищевым в тексте «Путешествия из Петербурга в Москву» после разрешения цензуры, и их идеологико-композиционное значение; Г. Юнгер. А. Н. Толстой — один из основоположников фантастической и антифашистской советской литературы; Р. Леницер. Проблема конфликта в романах Галины Николаевой «Битва в пути» и Эриха Нейча «След на камне»; Р. Тоборский. Из связей Станислава Пшибышевского с немецкими друзьями.

№ 4

Г. Юнгер. Основные методологические вопросы истории славянских литератур (Русская советская литература 30-х годов); Г. Шаумян. Методологические аспекты изучения драмы в истории русской советской литературы; Ф.-Ю. Шаршу. Проблема жанра в «стихотворениях в прозе» Тургенева; Е. Шредер. К изменению представлений о Чехове в Англии; Г. Х. Билфельдт. Русская сырьт, немецкое *Zärte*, польское *certa*; Г. Беккер. К понятию и названию «языковый союз»; И. Дитус. Жизнь и труды Августа Шлейхера в свете его писем Миклошичу; Н. Грегор. Ян Блахослав как чешский филолог.

«Kwartalnik historyczny», 1965, № 3

Б. Леснодорский. История и общественность. Проблемы информации и взаимопознания; Г. Батовский. 1945 год и его всемирное значение (факты и литература); В. Томкевич. Варшава XVII века; М. Г. Серейский, Ю. Дуткевич. История — наука — идеология; К. Гжебowski. Государство на «военном положении».

«Pamiętnik literacki», 1965, № 1

Посвящение проф. Леону Плашевскому; Р. Поляк. Элементы романса в

старопольском переводе «Неистового Роланда»; Ч. Згожельский. Историко-литературные перспективы генеалогии в исследованиях лирики; Ю. Масльянка. Народное творчество в польской литературной критике 1831—1954 гг.; Э. Коженевская. Мириам и Норвид; А. Окопень-Славинская. Авангардистская поэзия межвоенного двадцатилетия (Основы, границы, возможности); А. Вежбицкая. Русская школа лингвистической поэтики и структурное языкоизнание; Р. Волошинский. Снова о вопросе о начале Просвещения в Польше; В. Вайнтрауб. Снова о «Разлуке» и ее адресате; Ч. Згожельский. Мария или мать (Снова об адресате «Разлуки»); К. Гурский. Ответ профессорам Вайнтраубу и Згожельскому; Неизвестный автограф Мицкевича — «Godzina». Подг. З. Маркевич; Д. С. Прокофьев. Ю. И. Крашевский в русской печати второй половины XIX века; Ф. Арашкевич. Рукопись Б. Пруса «Житейский расчет».

«Slavia orientalis», 1965, № 2

Ф. Селицкий. Польские летописцы в русском летописании и историографии; Б. Бялокозович. Польские мотивы в «Воскресении» и «Хаджи-Мурате» Л. Н. Толстого; Т. Позняк. Драматургия М. Горького в польской критике начала XX века; С. Лагитт. Личность Чехова; Я. Салайчик. Символы в драматургии Л. Леонова; П. Зволинский. Подражание псалмам П. Гулак-Артемовского и их первообраз; Я. Ригер. К истории диалекта лемков.

«Język polski», 1965, № 3

С. Урабанчик. Памяти Тадеуша Лера-Славинского; С. Пигонь. Заметки о словаре языка Мицкевича; А. Заремба. О некоторых языковых польско-чешско-словацких связях в Силезии; Я. Рейхман. Турецкие заимствования в польском воровском жаргоне; К. Писаркова. Функции и способы языковой стилизации у Славомира Мроцка; Ю. Бечек. Введение фонемы (ł) в польский язык; Б. Линдер. К вопросу о распространении польских форм прошедшего времени *robilech*, *robilichmy*; М. Палюшевич. «Interferencja» значит «вмешательство»; М. Урабаняк. Еще о языке Лема.

«Die Welt der Slaven», 1965, № 1

Р. Айтцетмюллер. Отношение é : ô в восточнославянских языках; Х. Реллинг. «Крымские сонаты» и Западно-Восточный диван; Л. Деже.

К истории закарпатского украинского наречия; Г. Вольф. Германо-славянские языковые контакты периода реформации; их отражение у Иоганнеса Матезиуса; В. Геземан. Добавление к понятию «русский бог».

«Československý časopis historický», 1965, № 4

В. Оливова. Чехословацко-советское соглашение 1935 года; Эд. Дейл. Наш путь к социализму и экономические проблемы мелкой городской буржуазии в 1945—1948 гг.; Ф. Граус. Всемирная история и задачи чехословацкой историографии; П. Ратокиш. Возникновение города и замка Кежмарок; Б. Бадюра. Несколько информаций о предпосылках и развитии изучения истории Латинской Америки в Испании.

«Historický časopis», 1965, № 3

Л. Липтак. Подготовка и ход зальцбургских переговоров 1940 г. между представителями Германии и словацкого государства; А. Гачова. О социальной структуре городов восточной Словакии в первой половине XVI столетия; Я. Валента. Политика Польши и Словакия в 1919 г.; Ю. Крамер. Я. Млынарик. Революционное движение и национальный вопрос в Словакии в 20-х годах.

«Prispěvky k dějinám KSČ», 1965, № 3

В. Менул. Революционная группа «Авангард»; З. Рихтова. О некоторых условиях перехода к кооперированию чехословацкой деревни; Ю. Звара. Венгерский вопрос в ЧСР в 1948—1954 гг.; И. Флек, И. Гольдман. О двухлетке и первой пятилетке; Воспоминание Чапека Грушки о Пальмиро Тольятти; Г. Мазур. Результаты, концепция и организация разработки региональной истории рабочего движения в ГДР; О плане подготовки основных публикаций по истории КПЧ и международного коммунистического и рабочего движения; М. Рейман. О некоторых вопросах марксистской истории историографии.

№ 4

Я. Кладива. Культурно-идеологическая работа КПЧ в период ее восьмого съезда; Я. Менцлова. Перед расколом в Международной федерации профсоюзов; Я. Проказка. Первые месяцы строительства чехословацкой народно-демократической армии; Ян Шверма в Югославии; И. В. Журналист-революционер; Ф. Мысливичек, А. Вацлаву. Некоторые методические проблемы по изучению истории коллективизации в СССР; Ю. Альберты, Е. Гайко-

ва, О. Каня. Состояние и проблемы местной истории и истории заводов в свете книжной продукции 1964 г.; Ф. Свatek. Сто лет со дня основания I Интернационала и международная историография.

«Slavia», 1965, № 3

В. Ф. Мареш. Проложные жития чешских святых в рукописях Пушкинского Дома; И. А. Еринова. Заимствования в русском языке; Д. Кшицова. Участие Ф. Таборского в неославянском движении; А. В. Исаченко. К вопросу о специфике структурного изучения грамматического строя славянских языков; Р. Ружичка. К специфике славянских языков в структурном анализе; В. Скаличка. Типология и грамматика; А. С. Мельничук. Проблема строения и содержания синтаксической части общей описательной грамматики отдельного славянского литературного языка; Т. П. Ломтев. Описание структуры предложения на основе его функционального представления; И. Леков. К вопросу о сущности и проявлениях синтаксической структуры (на славянском материале); М. Ивич. О некоторых проблемах структуры славянского простого предложения; Д. Брозович. О сравнительном изучении морфологической и синтаксической структур славянских стандартных языков; Я. Бауэр. Актуальные вопросы сравнительно-исторического исследования синтаксиса славянских языков; Я. Полякова. Материалы о развитии дуалистических народных сказок у славян; М. Бидлас. Неизвестные русские переводы прозы Яна Неруды; В. Витковский. «Чешские письма» доктора Габлера в варшавском «Атенеуме».

«Slovenská literatúra», 1965, № 4

В. Марчок. Значение идеи словацкой взаимности в деле развития словацкой прозы предромантического периода; Ц. Краус. К развитию поэзии «по случаю» в первой половине XIX века; Я.-В. Ормис. Кубани и Ёсика; И. Левый. Стихи и язык; Е. Хуцкова. Эпиграммы Оуэна, служившие образцом И. И. Байзе; А. Матёвчик. Из взаимосвязей П. И. Шафарика с Мартином Хамуляком.

№ 5

Д. Рапант. Штур и птуровцы на службе народа и прогресса; Ю. Месароп. К некоторым проблемам оценки Людовита Штура; Ц. Краус. Людовит Штур и проблемы народной литературы; М. Дзубакова. Обретение эстетической самостоятельности народной поэзией и жанровая дифференциация

фольклора в период доромантизма и романтизма; Д. Рапант. К вопросу о попытках создания новой историко-философской концепции словацкого национального возрождения; Б. Бртань. Основная линия газеты «Нитра», издававшейся в 1843 г. Гурбаном.

«Slovenská reč», 1965, № 4

Ш. Пецайр. К двадцатой годовщине освобождения; Л. Двону. К дискуссии о правописании; Я. Фидра. Использование внутреннего монолога в рассказе Минача «Ненависть»; И. Млакек. О некоторых синтаксических конструкциях в словацком языке; Я. Сабол. О произношении и правописании прилагательного «rád» и местоимения «on»; Я. Кацала. Имеются ли в словацком языке дополнительные придаточные предложения; Л. Двонч. К написанию дефиса и тире.

№ 5

Й. Шмрафович. Школа и рационализация словацкого правописания; Й. Ружичка. О композиции новеллы Елены Чепчековой «Марцелла, не плачь»; К. Палкович. Ян Матей Корабинский как лексикограф; Ю. Рыбак. О переводе русского слова «черемуха» на словацкий язык; Я. Горицкий. Названия научно-исследовательских учреждений; Л. Двонч. По поводу написания с большой буквы имен людей и живых существ.

«Jugoslovenski istorijski časopis», 1965,
№ 2

Ж. Арамовский. Влияние югославо-болгарского пакта от 24 января 1937 года на отношения между членами Балканского соглашения; А. Христов. Подготовка к созданию Антифашистского собрания народного освобождения Македонии; А. Хадри. Система оккупации в Косове и Метохии в 1941—1944 гг.; Б. Графенауэр. Проблема истории югославских народов в итальянских школьных учебниках.

«Историјски записи», 1965, № 1

С. Мишкович. Борьба за сербский язык в Которе в период австро-венгерского владычества; Г. Станоевич. Изучению истории Боки Которской в первой половине XVII века; Б. Бабич. Отряд черногорцев в рядах европейских вооруженных сил на Крите в 1897—1899 гг.; Б. Пейович. О личности и деятельности Душана Вуксана; Г. Станоевич. Случай ограбления венецианской почты в 1619 г.; Д. Вуйович. Стремление князя Данилы к установлению непосредственных дипломатических связей между Черногорией и Турцией; Н. Ражнатович. О деятельности даборобоснийского митрополита Савы Кошановича в Черногории в конце XIX века; В. Винавер. Об интересе английской общественности к черногорским проблемам после первой мировой войны; И. Бойович. «Радник» о праздновании 1 мая 1924 г. в Черногории.

№ 2

Н. Ражнатович. Роль правительства Черногории и Сербии в поставлении сербских митрополитов в Призрене и Скопле в 1890—1902 гг.; Р. Пайович. Ликвидация черногорского четнического руководства в Остроге в октябре 1943 г. и обзор состояния четнического движения в Черногории после битвы при Неретве; И. Бойович. Участие Коммунистической партии Югославии в общих выборах 1926 г. в Черногории; Б. Башкович. Формирование косово-метохийского ударного партизанского батальона и его действия в районе Андриевицы в 1944 г.; Д. Вуйович. Французские документы о черногорско-болгарских отношениях в 1879—1912 гг.; Г. Станоевич. Землетрясение в Боке Которской в первой половине XVIII в.; С. Мишкович. Подлинное письмо владыки Василия на латинском языке; П. Шерович. Роль митрополита Савы Петровича в решении тяжбы Папитровичей в связи с назначением игуменов в монастыри Прасквице и Градишты в 1777 и 1778 гг.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА XII МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИКОВ В ВЕНЕ

На XII Международном конгрессе историков присутствовало 2400 делегатов. Его работа проходила по следующим секциям: I — секция истории континентов (Дальний Восток, история Африки и т. д.), II — секция, на заседаниях которой рассматривались так называемые «большие темы» (правящие классы — *les classes dirigeantes* — от античности до нового времени; национализм и интернационализм в XIX — XX вв. и др.), III — секция методологии, состоявшая из четырех подсекций: методологии, античности, средних веков, новой и новейшей истории. Кроме того, работали комиссии по различным проблемам. История зарубежных славянских стран специально рассматривалась в Международной славянской комиссии и в подсекции новой и новейшей истории.

Международная славянская комиссия, являющаяся специальным органом в системе организаций Конгресса, заседала 30 и 31 августа под председательством Г. Гуннарсона. На заседаниях обсуждались как научные, так и организационные вопросы. Было заслушано три доклада. О. Халецкий (США) начало своего сообщения посвятил памяти австрийского слависта, одного из деятелей международной организации историков К. Г. Шмидта, а затем перешел к некоторым общим вопросам изучения истории славян. Й. Мацурек (Чехословакия) обстоятельно изложил свой взгляд на принципы изучения истории славянских народов. Докладчик говорил о важности исследования истории отдельных областей, отдельных народов, о связи местной истории с общей. Й. Мацурек говорил о невозможности понять историю Европы без основательного исследования истории славян и подчеркивал, что это в равной степени относится как к Восточной, так и к Западной Европе. Он указывал на важность изучения межславянских отношений, а также взаимоотношений славянских и неславянских народов.

В прениях по этим докладам выступали: Й. Матль (Австрия), И. Рудницкий (США), Л. Коши (Великобритания), О. Халецкий (США), Я. Прохазка (Чехословакия), Г. Батовский (Польша), П. Феденко (ФРГ), В. Цветкова (Болгария), В. Паскалев (Болгария), Й. Переини (Венгрия), Г. А. Новицкий (СССР).

В некоторых выступлениях подчеркивалась важность применения сравнительно-исторического метода, сопоставления исторического развития славян с развитием неславянских народов. Так, Г. Батовский показал особое значение сравнительного изучения возрождения и национального развития славян, греков, румын и венгров. В своем выступлении Б. Цветкова отметила тот важный вклад, который сделали славянские народы в культурное и политическое развитие Европы. Эта мысль была подтверждена убедительными примерами. Четкое выступление В. Паскалевой доказывало особую важность изучения социально-экономических процессов. Ряд ораторов (О. Халецкий, И. Рудницкий, Й. Переини) касался вопроса об изложении истории славян в университетских курсах. Отмечалась невозможность сколько-нибудь полного освещения в них истории отдельных славянских стран и выдвигалась необходимость группировки их по тому или иному признаку. В то время как одни ораторы предлагали группировать страны по районам (Балканский район и др.), другие — по сходству в политическом положении, религиозному признаку и социальной структуре, выделяя, например, народы с преобладанием крестьянства, мелкой буржуазии и т. п. В прениях по названным докладам с путанным и ненаучным заявлением выступил П. Феденко, сделавший ряд клеветнических выпадов в адрес советской исторической науки. Убедительный отпор этой клеветы был дан Г. А. Новицким, чье выступление было тепло встречено аудиторией.

Доклад А. Мишеля (Франция) был посвящен чешско-русским экономическим связям накануне первой мировой войны. Опираясь на новые документы, докладчик рассказал о стремлении представителей чешской буржуазии неославистского направления получить финансово-поддержку у царского правительства и переговорах их представителей с министром финансов В. Н. Коковцем. С некоторыми соображениями по докладу выступили Э. Доннерт (ГДР) и Г. Батовский (Польша).

Последующие заседания Комиссии были посвящены организационным вопросам. Был избран новый состав Комиссии, в которую вошли представители 22 стран: Австрии, Бельгии, Болгарии, Ватикана, Великобритании, Венгрии, ГДР, Голландии, Греции, Дании, Италии, Канады, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, США, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Чехословакии, Югославии. От Советского Союза туда вошли Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепинин, И. А. Хренов, Г. А. Новицкий, Е. И. Дружинина, К. К. Дубина, С. А. Никитин. Был избран состав нового руководства Комиссией. Президентом ее на срок до следующего конгресса (1970 г.) избран Р. Порталь (Франция), вице-президентами: Бирнс (США), А. Гейштор (Польша), С. А. Никитин (СССР).

В 1967 г. в Париже предполагается создать коллоквиум по проблемам: а) итоги исследований, б) проблемы научной терминологии, в) корни национального сознания у народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, г) городское развитие в XIX—XX вв.—применительно к тем же географическим предметам.

В подсекции новой и новейшей истории III секции предметом обсуждения был доклад Д. Джорджевича (Югославия) «Движение за национальную и экономическую независимость на Балканах в XIX—XX вв. (до 1914 г.)». Доклад опубликован в IV томе Материалов конгресса. Он содержит краткое изложение основных моментов освободительной борьбы народов Балканского полуострова.

По докладу развернулись оживленные прения, затронувшие широкий круг вопросов. В них выступили: А. Отетя (Румыния), П. Тодорова (Болгария), Д. Ранки (Венгрия), М. Живанович (Югославия), Г. Батовский (Польша), Н. Тодоров (Болгария), Н. Петрович (Югославия), А. Буда (Албания), В. Мачу (Румыния), Л. Панайотов (Болгария), И. Митев (Болгария), О. Даукеску (Румыния), Л. Алексич (Югославия), Г. Холлгарден (США), Бридж (Великобритания), Д. Зографский (Югославия), А. Вакало-пулос (Греция), И. Катарджиев (Югославия). Большинство подчеркивало широкое международное значение греческого восстания 1821 г., отмечая, что в нем участвовали не только греки, но и другие национальные элементы; одним из результатов восстания было освобождение Молдавии от турецкого ига. В связи с докладом произошел обмен мнениями по оценке характера освободительного движения в Македонии. Указывалось также на необходимость изучения связей албанского национального движения с национальным движением соседних славянских народов. Сравнительно слабо и несколько односторонне в прениях была отражена международная обстановка, в которой развивалось национально-освободительное движение. Некоторыми учеными были сделаны специальные дополнения к докладу Д. Джорджевича, в которых они подробно останавливались на освободительной борьбе Болгарии, Македонии, Албании и др. Обсуждение доклада Д. Джорджевича привлекло многочисленную аудиторию и вызвало большой интерес.

В заключительном слове председательствующий Д. Косев отметил прогрессивную роль России в национально-освободительном движении на Балканах. Отмечая свое несогласие с некоторыми выступлениями в прениях, Д. Косев подчеркнул необходимость создания специальной организации по истории Юго-Восточной Европы, в которой смогли бы сотрудничать все специалисты.

С. Н.

СИМПОЗИУМ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С 16 по 21 сентября 1965 г. в помещении исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова проходила работа VIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. На пленарных и секционных заседаниях, в которых участвовало около 150 специалистов из разных городов (преподаватели университетов и других высших учебных заведений, научные со-

трудники институтов АН СССР и Академий наук союзных республик, работники библиотек, архивов, исторических музеев), было заслушано свыше 70 докладов и сообщений по различным проблемам аграрной истории народов СССР и европейских социалистических стран (Польши, Чехословакии, Венгрии, Югославии) с древнейших времен по XX век включительно.

В частности, в первой секции, которая

рассматривала проблемы аграрной истории с древнейших времен до середины XVII в., были сделаны доклады М. Я. Лойберга (Киевский институт народного хозяйства) «К вопросу о становлении феодального хозяйства в Польше» и М. М. Фрейденберга (Великолукский педагогический институт) «Далматинская деревня в сфере влияния города в XIII—XIV вв.». Проблемам аграрной историографии западославянских стран в эпоху позднего феодализма были посвящены доклады В. В. Доронченко (Институт истории АН Латвийской ССР) «Модель аграрного строя Речи Посполитой XVI—XVIII вв. (Споры польских историков вокруг книги Витольда Кули)» и Д. Л. Похилевича (Львовский университет) «Аграрные отношения в Польше и Чехии XVI—XVIII вв. в советской историографии».

В числе докладов второй секции был доклад Л. П. Лаптевой (Московский университет) «Восстание крестьян в Чехии и Моравии в 1775 г.».

Третья секция симпозиума заслушала и обсудила доклады Е. П. Наумова (Институт славяноведения АН ССР) «Аграрный переворот в Сербии в 30-х годах XIX в.» и Н. П. Даниловой (Институт славяноведения) «Аграрные реформы 40—50-х гг. XIX в. и зарождение элементов капиталистических отношений в сельском хозяйстве Боснии и Герцеговины в 40—70-х гг. XIX в.».

На пленарном заседании симпозиума славянская аграрная тематика была затронута в докладе В. К. Яцунского «Семь лет работы симпозиума по аграрной исто-

рии Восточной Европы (Итоги и перспективы)» и в выступлениях Д. Л. Похилевича, Ю. М. Гроссмана и др. Следует отметить, что для исследователей аграрной истории зарубежных славянских стран представляют значительный интерес доклады, освещавшие отдельные вопросы развития сельского хозяйства, структуры деревни, крупных земельных владений, крестьянского движения и источниковедения аграрной истории Украины, Белоруссии и Литвы. К их числу относятся доклады М. А. Ючаса и Л. П. Мулявичуса «Безземельные крестьяне в Литве в XVI—XIX вв.», В. И. Исупокова «Крестьянское движение Литвы в период люстрации (1839—1857)», Н. Х. Широкенко «Первые поземельные кадастры Галиции (посифинские и францисканские метрики 1785—1820 гг.) как исторический источник», И. А. Анцупова «Изменения в соотношении земледелия и животноводства на юге Бессарабии в дореформенный период», Ю. М. Гроссмана «Развитие фольварочного производства в Русском и Белзском воеводствах во второй половине XVI — первой половине XVII в.», В. Ф. Илкпина «Дворище и лан в Галиции XVI—XVIII вв.» и др.

Очередную сессию симпозиума (1966 г.) по приглашению АН Эстонской ССР намечено провести в Таллине.

Е. П. Наумов

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО УКРАИНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Каждые три года украинские диалектологи созывают республиканские совещания, на которых подводят итоги своей деятельности за предыдущий период и намечают перспективы развития диалектологической науки на Украине на ближайшее будущее. На этих совещаниях, кроме сугубо научных, решаются также организационные и координационные вопросы: о сборе материала для Атласа украинского языка, в последнее время — для Общеславянского лингвистического атласа, о создании специальных и региональных лингвистических атласов, а также диалектологических словарей, о координации исследований отдельных диалектных массивов, выработке единой научной транскрипции и т. п. Состоявшееся 21—23 апреля 1965 г. XII Республиканское диалектологическое совещание было посвящено различным проблемам украинской диалектологии.

Большое внимание на совещании было уделено проблемам лингвистической

географии. Важнейшей задачей в этой области является, как известно, создание Атласа украинского языка. Первый том этого атласа сдан в печать, в скором времени будет подготовлен второй том. Начата работа над третьим томом, который охватывает восточные и южные вновь сформировавшиеся говоры (на дозаселенной и новозаселенной территории). Специфику картографирования этих говоров был посвящен отдельный доклад (Ф. Т. Жилко, Киев). На совещании было охарактеризовано также отображение лексики в Атласе украинского языка (И. Г. Матвияс, Киев), изложены принципы создания специального лексического лингвистического атласа (И. А. Дзендеревский, Ужгород), освещены некоторые теоретические и практические аспекты работы над Общеславянским лингвистическим атласом (В. Ф. Коннова, С. К. Пожарцкая, Москва).

Большое внимание уделено вопросам исторической диалектологии — области

украинистики, в которой до недавнего времени наблюдалось отставание. В докладах были изложены интересные сведения о диалектных особенностях языка XVI в., содержащиеся в описаниях замков 1552 г. (П. Д. Тимошенко, Киев), наблюдения над диалектным синтаксисом начала XVII в. по материалам выдающегося памятника полемической литературы — «Перстороги» (Л. П. Бова-Ковалчук, Сумы), охарактеризованы особенности карпатских бойковских и лемковских говоров в языке памятников XVI—XVII в. (И. М. Керницкий, Львов). Изучение закарпатских антропонимов свидетельствует о том, что миграция населения в украинских Карпатах в историческую эпоху проходила в трех основных направлениях: с севера на юг, с запада на восток и с юга на север (П. П. Чучка, Ужгород). Особенности закарпатского диалекта заметны в языке «Урбара» — юридического документа XVIII в. (В. В. Нимчук, Киев).

Генезис современных украинских говоров и проблеме их классификации были посвящены два доклада. Г. Ф. Шило (Дрогобыч) перемещает к югу принятый рубеж между северными и юго-западными украинскими говорами, а Б. А. Шарпило (Луганск) отставляет мысль о генетическом единстве северных и юго-восточных говоров. Обе гипотезы были восприняты как дискуссионные.

Проблема межъязыковых и междиалектных контактов освещалась на материале восточнославянских, болгарского и молдавского языков. В частности, характеризовались фразеологизмы в переходных украинско-белорусских говорах (Г. С. Янкова, Гомель), отражение белорусско-украинских языковых связей в лексике рыболовства, пчеловодства и охоты (В. А. Куприенко, Мозырь) и украинско-русских контактов в лексике и фразеологии кубанских говоров (Е. Ф. Тарасенкова, Краснодар), рассматривались задачи изучения украинских говоров на Кубани (И. Г. Чередиченко, Краснодар). В плане исследования важной проблемы древнейших связей между украинскими карпатскими говорами и языками южных славян интересным был доклад Б. В. Кобылянского (Львов) о лексических параллелизмах в украинских и болгарских говорах. Фонетические, грамматические и лексические украинизмы в молдавских говорах характеризовались в докладе Р. Я. Удлера (Кишинев) «Украинизмы в комментариях к картам Молдавского лингвистического атласа». На совещании рассматривался также вопрос об отражении межъязыковых контактов в области акцентуации (И. А. Варченко, Киев).

В большинстве докладов, посвященных характеристике звуковой системы, рассматривались явления на фонологическом уровне, в частности система гласных

фонем покутских говоров (А. Н. Залесский, Львов) и одного гуцульского говора (Т. В. Попова, Москва), определялся состав гласных и согласных фонем в украинских говорах Румынии (М. Павлюк, И. Робчук, Румыния), были отмечены некоторые тенденции в становлении системы безударного вокализма в диалектах восточнославянских языков (С. М. Шур, Москва). На звуковом уровне рассматривался безударный вокализм брестско-пинских говоров (Н. Т. Войтович, Минск), а также озвончение глухих согласных в интервокальной позиции (А. А. Бурячок, Киев).

В области исторической акцентологии были освещены два вопроса: проблема происхождения смешанной акцентуационной парадигмы *a*-основ на материале закарпатских и бойковских говоров украинского языка (В. М. Иллич-Свитыч, Москва) и история украинских диалектных форм именительного-винительного падежа двойственного числа существительных первого склонения с подвижным ударением (В. Г. Скляренко, Киев).

Цикл докладов на темы морфологии охватывал довольно широкий круг вопросов. Так, были охарактеризованы закономерности взаимодействия на фонетическом уровне диалектных флексий бывших *a*-, *ja*-основ (Т. В. Назарова, Киев), возникновение окончания *-e* в существительных среднего рода типа *зілля* в юго-западных украинских говорах (С. Ф. Бевзенко, Одесса), становление системы склонения существительных в бойковском говоре (И. И. Ошицко, Львов), распространение некоторых форм родительного падежа существительных *гости*, *коñi*, *люди* в юго-западных говорах (Л. М. Коць, Львов), взаимодействие форм дательного и творительного падежей множественного числа в украинских говорах (И. Т. Вальченко, Глухов), склонение существительных среднего рода с бывшими основами на согласный в закарпатских говорах (М. И. Сюсько, Ужгород), явления аналогии в системе склонения и спряжения в говорах Одесской области (В. П. Дроздовский, Одесса), распространение форм именительного падежа единственного числа прилагательных мужского рода (Н. П. Прилишко, Киев), генезис некоторых числительных в юго-западных говорах (М. М. Онышкевич, Львов), словообразование сложных прилагательных в южнокарпатских говорах (З. Т. Николаенко, Ужгород), особенности системы словоизменения украинских говоров Воронежчины (Г. Т. Солоянская, Харьков), система личных форм глагола в говорах украинского языка (Н. И. Марчук, Киев), семантико-словообразовательная структура глаголов в бойковском говоре (Ф. М. Возняй, Львов).

Вопросам синтаксиса в украинской диалектологии уделяется еще мало вни-

мания. Недостаточно были представлены синтаксические исследования и на совещании. В докладах были охарактеризованы особенности простого предложения (З. И. Иваненко, Черновцы), управление в простом предложении (И. И. Слынко, Черновцы), сложное предложение в буковинских говорах (К. Ф. Герман, Черновцы) и некоторые особенности простого предложения в кубанских говорах (Н. П. Федоренко, Краснодар).

Большая группа докладов была посвящена вопросам диалектной лексикологии. Характеризовались архаическая лексика в говорах Поднепровья (В. С. Ващенко, Днепропетровск), названия ветров в диалектах славянских языков (М. В. Павлюк, Одесса), лексика некоторых западноукраинских художественных промыслов (И. М. Малявская, Львов), названия бытовых реалий в западноукраинских говорах (К. С. Баценко, Каменец-Подольский). Освещались также лексические особенности говоров Брестской области (А. П. Груцо, Минск). Отдельные доклады были посвящены венгерским лексическим заимствованиям в украинских говорах Закарпатья (П. Н. Лизанец, Ужгород) и генетически разнородной скотоводческой терминологии Прикарпатья (Г. П. Клепикова, Москва).

Часть докладов и сообщений освещала проблемы диалектной лексикографии. Анализировались украинские, русские и белорусские диалектные словари (А. А. Москаленко, Одесса), программа

записи материалов для областных и общеукраинского диалектных словарей (П. И. Пристуна, Львов). Характеризовались неопубликованные словари Закарпатья (Н. А. Грицак, Ужгород), Винницкой области (М. Т. Доленко, Винница), нижнего Поднепровья (Я. Д. Нагин, Херсон). Диалектной топонимике посвятили свои доклады В. Т. Горбачук (Винница), В. А. Горпинич (Глухов), О. Г. Лепешкова (Донецк). Проблеме языка и речи в диалектологии был посвящен доклад И. И. Ковалика (Львов).

Совещание свидетельствует о значительном размахе и о повышении научно-теоретического уровня диалектологических исследований на Украине. В настоящее время в отделе диалектологии Института языковедения АН УССР в основном работают над Атласом украинского языка. В создании специальных и региональных диалектологических атласов, диалектологических словарей, а также монографических описаний диалектных массивов большое участие принимают кафедры университетов и педагогических институтов. Однако публикация диалектологических исследований связана с известными затруднениями. Совещание показало, что отсутствие необходимых экспериментально-фонетических и других лабораторий при многих вузовских кафедрах часто обуславливает отставание в методах изучения народных говоров.

И. Г. Матвияс

В СЕКТОРЕ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР

В последнее время в работе сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР заметно усилилось внимание к проблемам славянского фольклора и его историко-сравнительного изучения. Работа марксистских принципов историко-сравнительной методики сочеталась с острой критикой традиционного компаративизма в фольклористике. Особое значение в этом отношении имел IV Международный съезд славистов в Москве (1958 г.). В докладе В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса» получили подробное обоснование современные научные принципы историко-сравнительной методики; в частности, была доказана решающая роль типологических сходств в эпосе. На всесоюзном совещании фольклористов, организованном сектором ИРЛИ в 1958 г., была подчеркнута важность расширения и совершенствования методики историко-сравнительного изучения фольклора.

Эти принципы были применены в секторе и к исследованию современного народного творчества. В. Е. Гусев посвятил ряд своих работ сравнительному изучению славянского фольклора периода войны с фашизмом. Свои разыскания он обобщил в докладах для V Международного съезда славистов в Софии («Партизанская народная поэзия у славян в годы второй мировой войны») и для VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве («Типизация действительности в партизанском фольклоре»), а также в нескольких статьях. В. Е. Гусеву удалось выявить значительную общность в содержании, в мотивах и образах, в условиях бытования партизанского фольклора русских, украинцев, белорусов, народов Югославии, Чехословакии, Болгарии, Польши, показать единство в способах художественного отражения действительности и обосновать типологический характер этой общности. Исследователь установил некоторые существенные закономерности, характерные

для славянского фольклора периода войны, и указал на значение полученных им выводов для изучения процессов, происходящих в современном народном творчестве. Исследования В. Е. Гусева весьма выразительно продемонстрировали плодотворность изучения в сравнительном плане живых явлений фольклора.

Автор этих строк последние годы специальными занималась изучением песен балладного типа о борьбе славянских народов с монголо-татарским и турецким игом. Итоги этой работы отражены в публикациях для Софийского съезда славистов («Типологическая общность и исторические связи в славянских песнях-балладах о борьбе с татарским и турецким игом»), для Московского конгресса антропологов и этнографов («Исторические корни и генезис славянских баллад об иществе»), в ряде статей и в монографии «Славянская историческая баллада» (изд-во «Наука», 1965).

Исследования эти, в частности, помогли установить общность в балладном творчестве всех славянских народов, относящемся к названной теме, и обнаружить свойственные этому творчеству такие закономерности, которые могут явиться лишь результатом типологического развития. Особое внимание в работах обращается на роль общих фольклорных традиций и на единство их развития в творчестве разных народов.

К V съезду славистов сектор подготовил специальный том трудов («Русский фольклор. VIII. Народная поэзия славян»). Изд-во АН СССР, 1963), в котором пришли участие советские и зарубежные слависты. В книге опубликованы, в частности, статьи по истории фольклорных жанров западных и южных славян; некоторые из них выполнены в историко-сравнительном плане. Недавно сектор совместно с группой фольклора Института этнографии АН СССР выпустил сборник статей «Славянский фольклор и историческая действительность» (изд-во «Наука», 1965).

Центральными для обоих сборников являются проблемы специфики и истории жанров, отношения фольклорных жанров к действительности. Здесь могут быть названы статьи П. Г. Богатырева «Образ народного героя в славянских преданиях и сказочная традиция», В. К. Соколовой «Антифеодальные предания и песни у славянских народов», К. В. Чистова «Легенды об избавителях и проблема повторяемости фольклорных сюжетов», В. В. Митрофановой «О сходстве русских и болгарских загадок», И. И. Земцовского «Баллада о дочке-пташке (к вопросу о взаимосвязях славянской народной песенности)» и другие.

Статьи сравнительного плана, опубликованные в названных сборниках, содержат ряд новых существенных наблюдений и выводов, необходимых для понимания

истории и межславянских отношений жанров, связанных с исторической действительностью.

Другая важная тема — межславянские связи в области фольклористики. После выхода двухтомного труда М. К. Азадовского «Методология русской фольклористики» (главы которого, посвященные славистике, были недвусмысленно встречены в славянских странах) всталась задача дальнейшей конкретной и детальной разработки этой темы. В названном выше томе VIII «Русского фольклора» напечатаны статьи о связях русских и зарубежных славистов и о вкладе их в славянскую фольклористику: И. М. Колесницкая «И. К. Срезневский как фольклорист (1840—1850-е годы)», К. И. Ровда «Русские связи чешского фольклориста» (о К. Эрбене), М. Я. Гольберг «Проблемы народно-песенной стилистики в работах А. А. Потебни», М. Я. Мельц «А. Н. Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян» и другие.

Специальное заседание сектора было посвящено 100-летию со дня смерти Вука Караджича (основной доклад, сделанный В. Е. Гусевым, «Вук Караджич и русская фольклористика» напечатан в журнале «Русская литература» № 2 за 1964 г., а фрагменты на сербско-хорватском языке — в югославском журнале «Народно-стваралаштво», св. 11, 1964).

В последние годы получили развитие творческие связи сектора с фольклористическими учреждениями славянских стран. Ученые Югославии, Болгарии, Чехословакии, Польши выступили со статьями в «Русском фольклоре», сотрудники сектора опубликовали свои работы в изданиях этих стран. За последнее время сектор посетили и работали в его библиотеке и фонограммархиве проф. Т. Чубелич (Загреб), Ц. Органджиева (Скопле), Н. Кауфман, Е. Огнянова, Т. Живков (София), В. Карабусицкий (Прага), Мариан и Йдвара Собеские, Ванда Помяловская (Варшава).

Сотрудники сектора В. Е. Гусев и Б. Н. Путилов в прошлом году приняли участие в заседаниях в Белграде по случаю 100-летия со дня смерти Вука Караджича, выступили с докладами на Международном симпозиуме и на XI Конгрессе фольклористов Югославии.

В секторе систематически заслушиваются доклады и сообщения о фольклористической деятельности в отдельных славянских странах и научных учреждениях, ведется библиография работ по славянскому фольклору. За последнее время стал более интенсивным обмен изданиями. Библиотека сектора пополнилась значительным количеством новых книг и журналов по славянскому фольклору. В частности, мы получили в дар от наших коллег выходящее новое фототипическое многотомное издание «Песен люду» Кольбера, двенадцатитомное собрание «Бол-

гарского народного творчества», ряд томов «Грудов» конгрессов фольклористов Югославии и др. В течение ближайших лет в секторе планируется сравнительное изучение русского и южнославянского геройического эпоса, исследование современных процессов в славянском народном творчестве, а также создание работ об

исторических отношениях между различными жанрами славянского фольклора.

К VI Международному съезду славистов предполагается подготовить специальный сборник трудов.

Б. Н. Путилов

В СЕКТОРЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АИ СССР

Одной из важнейших проблем, разрабатываемых сотрудниками сектора византиноведения Института истории АИ СССР, являются русско-византийские и славяно-византийские отношения. Известно, что именно эти вопросы передко грубо искаются буржуазной историографией. Поэтому разработка указанных проблем была и остается впереди одной из главнейших задач советского византиноведения.

Накопленный за последние годы новый фактический, археологический, нумизматический и эпиграфический материал по истории взаимоотношений Византии с Русью и другими славянскими народами был подвергнут всестороннему изучению (ко лекционный трехтомный труд «История Византии», первый и второй тома уже сданы в издательство).

В первом томе этого издания в главе «Вторжение славян и их расселение на территории Византийской империи», написанной Р. А. Наследовой, обобщены данные источников и новейшие достижения советских ученых и ученых стран народной демократии (как историков, так и археологов) по вопросу о расселении славян на территории Византии и их роли в формировании новых общественных отношений в империи.

Большое внимание уделено изучению роли славянской общины в процессе становления феодального способа производства в Византии и во втором томе в главе об аграрном строе Византии в конце VII — середине IX в., написанной К. А. Осиповой.

По-новому освещается история русско-византийских связей IX—XII вв. в главах этого же тома, написанных Г. Г. Литавриным. В отличие от работ зарубежных исследователей, русско-византийские и славяно-византийские отношения рассматриваются им в тесной связи с внутренним социально-экономическим и политическим развитием этих стран. Автор скрупулезно исследует малоизученный вопрос о Руси и Византии в XI—XII вв. Используя еще не опубликованные источники, Г. Г. Литаврин приходит к выводу о существовании тесных экономических, политических и культурных связей между

ду Византией и Русью в указанный период. В третьем томе «Истории Византии» главы по истории взаимоотношений Византии с Русью и славянами в XIII—XV вв. будут написаны также Г. Г. Литавриным.

Следует отметить, что русско-византийской и славяно-византийской тематике впервые в истории международных византиноведческих конгрессов будет посвящен один из основных докладов очередного XIII конгресса византинистов в Оксфорде в 1966 г. В настоящее время сотрудники сектора готовят по этой теме коллективный доклад.

Кроме того, для бельгийского журнала «Byzantion» З. В. Удальцова, А. П. Каждана, Г. Г. Литаврина написали ряд статей по проблемам отношений Византии, Руси и других славянских стран. З. В. Удальцова в статье «Хроника Иоанна Малала в Киевской Руси» на основании изучения славянского текста хроники дала анализ мировоззрения переводчика и вскрыла причины широкого распространения ее на Руси.

В статье А. П. Каждана «Дата разрыва Петра и Асеня» затрагивается очень важный вопрос из истории борьбы болгарского народа за освобождение от византийского господства в XI в. В статье «К вопросу о Тмуторокань» Г. Г. Литаврин, используя еще неизданное сочинение Матуила Страворомана, византийского вельможи при дворе Алексея I Комнина (1081—1118 гг.), осветил неясные стороны взаимоотношений Византии с Тмутороканским княжеством на рубеже XI—XII вв. Тщательно изучив этот памятник, содержащий из известных ранее сведений по истории нашей родины, автор приходит к выводу о том, что в XI—XII вв. Византией были сделаны новые претензии на Босфоре. Г. Г. Литаврин высказывает предположение, что именно тогда Тмуторокань была присоединена к византийским владениям. Этим обстоятельством он и объясняет причины исчезновения упоминаний в источниках о Тмуторокань.

Следует отметить, что русско-византийская и славяно-византийская тематика

занимает одно из главных мест на страницах «Византийского временника». Крупнейшие специалисты Советского Союза и социалистических стран неоднократно печатали в «Византийском врем-

енинике» свои исследования по вопросам взаимоотношений Византии с Русью и другими славянскими странами.

Н. М. Меньшова, З. Г. Самодурова

ЗАЩИТА ДИПЛОМНЫХ РАБОТ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН МГУ

В мае-июне 1965 г. студентами дневного, вечернего и заочного отделений исторического факультета МГУ, специализировавшимися по истории славянских стран, было успешно защищено 30 дипломных работ. 16 из них касаются развития Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии в послевоенный период, 5 работ посвящены героической борьбе югославских народов против фашистских захватчиков, 4 — затрагивают проблемы межвоенной истории Польши и Болгарии и, наконец, 5 работ посвящены истории Польши, Болгарии и Югославии в XVII—XIX вв. Если взять распределение работ по отдельным славянским странам, то окажется, что по истории Польши специализировалось 10 студентов, Югославии и Чехословакии — по 7, остальные выпускники писали работы по истории Болгарии. Среди работ, проблематика которых связана с историей Польши, выделяются прежде всего работы, подготовленные в семинаре доцента И. М. Белявой. В них рассматриваются различные аспекты развития ПНР в первые годы после VIII Пленума ЦК ПОРП, освещается не только современное состояние экономики и, в частности, сельского хозяйства (С. Н. Фролова), но и картина сложной политической жизни страны, в том числе отношений между народным государством и католической церковью (Н. И. Молодцова), споры о социалистическом реализме в польской литературе и их общественно-политическая сущность (Э. Н. Жук).

Значительный интерес представляют работы А. Г. Королева «Развитие рабочего самоуправления в Польской Народной Республике (1956—1959 гг.)» и К. В. Большаковой — «Вопросы польско-советских отношений в освещении польской прессы 1956—1959 годов». В первой,— основываясь главным образом на документах ПОРП, законодательных актах и материалах периодической печати, автор раскрыл историю появления рабочих советов в 1956 г., выделил этапы в развитии рабочего самоуправления в связи с укреплением руководящей роли ПОРП и созданием в 1958 г. конференций рабочего самоуправления, в состав которых вошли и члены рабочих советов. К. В. Большакова, анализируя материалы польской прессы 1956—1959 гг., показала, как по мере восстановления нарушившихся в

прошлом ленинских норм в отношениях между социалистическими государствами и разгрома поднявших было голову в Польше ревизионистско-националистических элементов, укрепляясь польско-советская дружба. В том же семинаре были написаны работы по истории партий польского рабочего класса после переворота 1926 года — И. А. Тарабантовой «Деятельность Коммунистической партии Польши в первые годы режима сапации (1926—1929 гг.)» и И. М. Дементьевской «Возникновение и программная платформа ППС-левицы (1926—1931 гг.)».

Под руководством заведующего кафедрой доцента И. А. Воронкова были подготовлены работы о положении частновладельческих крестьян в Королевстве Польском в 1815—1830 гг. (Ю. Н. Пронская), о программе и характере восстания 1830—1831 гг. (В. И. Баев), а также о состоянии сельского хозяйства и положении крестьян во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. (Л. В. Шестопалова). Используя такой трудоемкий источник, как инвентари, Л. В. Шестопалова выявила эволюцию феодальной ренты за полтора столетия, изучила основные категории сельского населения на примере имений хелминских епископов.

Все дипломные работы по истории Чехословакии, подготовленные в семинаре доцента Б. М. Руколь, касаются послевоенной проблематики: развития тяжелой промышленности в 1956—1960 гг. (М. И. Спиридонова), борьбы КПЧ за завершение кооперирования деревни (Р. Д. Мещерякова), развития социалистического соревнования в 1958—1960 гг. (В. Ф. Михайлова), деятельности Союза чехословацко-советской дружбы в 1949—1954 гг. (Л. Б. Свердлова), роли Чехословакии в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи (З. В. Иванова). Студентка того же семинара Н. А. Ефимова, в соответствии с планом культурного обмена находившаяся весь учебный год в Чехословакии и занимавшаяся там под руководством профессора Я. Кладивы, получила возможность использовать в своей работе о демократизации народного образования в Чехословакии в 1945—1948 гг. материалы из архива Министерства школ и культуры. Указанная дипломная работа была предварительно защищена на кафедре истории международного рабочего движения философского фа-

кульпета Карлова университета в Праге. Дипломная работа В. М. Кордоса («Освещение в современной историографии ЧССР проблем развития чехословацкого рабочего и коммунистического движения в 1917—1923 годах») — первый удачный опыт постановки и решения историографической темы в дипломной работе. Наряду с монографиями, статьями и рецензиями автор изучил также значительный документальный материал (в том числе материалы КПЧ и Коминтерна).

Более разнообразна тематика дипломных работ по истории Болгарии, написанных под руководством доцента И. Н. Частухина. Современности посвящены работы о политике БКП по индустриализации страны (А. И. Мищенко), развитии сельского хозяйства в 1958—1962 гг. (Т. А. Санькова) и о национализации промышленности и банков в Болгарии (Ю. Ф. Зудинов). В двух работах рассматриваются некоторые вопросы истории Болгарии в годы подъема революционного движения после первой мировой войны и, в частности, политическая борьба, которую вели БЗНС в конце 1918 — начале 1920 гг. (Л. В. Ревякина). Студентка Н. И. Митрофанова, базируясь прежде всего на стенографических отчетах о заседаниях Народного собрания, показала, что путь развития страны, о котором говорили лидеры БЗНС и который они пытались осуществить на практике, был в эпоху перехода от капитализма к социализму с самого начала обречен на неудачу. Из того же семинара вышла работа об аграрных отношениях в Болгарии в 80—90-х годах XIX в. (Н. П. Лапшичев).

Дипломные работы по истории Югославии хронологически охватывают довольно значительный отрезок времени с середины XVIII в. до первых послевоенных лет. Из семинара доцента В. Г. Карасева выпи-

ли работы по истории национально-освободительного движения в Хорватии и Словении, в том числе работы об образовании и деятельности Освободительного фронта Словении в 1941—1943 гг. (Л. Ф. Борисова), национальном вопросе в Словении в период второй мировой войны (Р. Г. Шаниор), образовании и деятельности Антифашистского фронта жепинян Хорватии (Ю. Б. Макарова), национально-освободительном движении в Люблянской провинции в апреле 1941 — мае 1942 г. (А. А. Макаров).

Под руководством доцента И. Д. Очака были подготовлены основанные в значительной части на архивных материалах работы о советско-югославских культурных связях в 1945—1947 гг. (З. К. Шишова) и об одном из первых массовых переселений югославян из Австро-Венгерской империи в пределы России в 50—60-х годах XVIII в. (Л. Н. Куренкова). Особо следует выделить написанную студенткой того же семинара Т. В. Брюхачевой работу «Советско-югославские отношения в 1941—1945 гг.». Изучив некоторые не опубликовавшиеся до сих пор материалы, а также прессу, она осветила различные аспекты дипломатических связей между СССР и Югославией в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, подавляющее большинство защищенных дипломных работ касается новейшей истории (25 из 30), в остальных работах затрагиваются вопросы истории нового времени. Учитывая это, кафедра истории западных и южных славян исторического факультета МГУ пересматривает планы подготовки специалистов по истории славянских стран в сторону некоторого расширения проблематики дипломных работ за счет более ранних периодов.

И. В.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

- Издательство «Минтис» (гор. Вильнюс) выпустило в свет «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г.», содержащий материалы Международного симпозиума по аграрной истории, состоявшегося в Вильнюсе в сентябре 1963 г. В «Ежегоднике» среди прочих материалов опубликованы доклады и сообщения В. А. Дьякова, И. И. Костюшко, И. С. Миллера «Роль крестьянства в восстании 1863—1864 гг.», Ю. И. Жюгжды «Отражение аграрного вопроса в восстании 1863—1864 гг. в Литве», С. М. Байковой «Аграрный вопрос в восстании 1863 г. в Белоруссии», Н. Н. Лещенко «Аграрный вопрос в восстании 1863 г. на Правобережной Украине», М. М. Фрейденберга «Поземельные отношения гор. Трогира в XIII в.», Е. П. Наумова «К ис-

- тории категорий крестьянства в Сербии, Македонии и Зете в XIV в.», А. И. Озолина «Спор об одумтри в Чехии конца XIV в.», И. Р. Фишер «Формы феодальной ренты в Словакии XVII в.», В. А. Якубского «О методике исследования структуры землевладения в феодальной Польше», Л. П. Лаптевой «К вопросу о восстаниях зависимых крестьян в Чехии и Моравии в XVII в.», Н. П. Даниловой «Аграрный вопрос и национально-освободительное движение в Боснии и Герцеговине в конце XVIII — 70-х годах XIX в.».
- Институт мировой литературы им. А. М. Горького выпустил сборник «Пути реализма в литературах стран народной демократии (20—30-е годы)». Содержание сборника: Предисловие; А. Г. Пиотровская. Польский роман 20—30-х годов

XX века; А. Г. Пиотровская. Прогрессивная литературия критика в буржуазной Польше (1918—1939 гг.); Г. Б. Рабинович. Становление реализма в творчестве Л. Страффа, Ю. Тувима, А. Слонимского и Я. Ивашкевича (30-е годы); И. Д. Бернштейн. Утопии Карела Чапека и проблемы современного критического реализма; Р. Л. Филиппчикова.

Путь Бедрикиха Вацлавска к социалистическому реализму; Н. Б. Яковлева. М. Крлецка и возникновение революционно-пролетарской литературы в Хорватии; О. К. Россиянов. Борьба вокруг наследия Э. Ади в венгерской литературе между двумя войнами; Е. М. Двойченко-Маркова. Социальная тематика в румынском романе 30-х годов.

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

● 2 июня 1965 г. в Институте славяноведения АН СССР состоялась защита докторской диссертации Щенкной Марфой Вячеславовной. К защите была представлена вышедшая в 1963 г. в издательстве «Искусство» книга «Болгарская миниатюра XIV в.». Официальными оппонентами были акад. Б. А. Рыбаков, акад. М. Н. Тихомиров, д-р ист. наук З. В. Удальцова, д-р искусствоведения М. А. Ильин. Выступавшие дали высокую оценку труду М. В. Щенкной, посвященному изучению одного из наиболее выдающихся памятников славянского средневекового искусства и культуры — иллюстрированной псалтыри Томича. Они отмечали, что подобное исследование рукописи явилось для автора отправной точкой для рассмотрения проблем изобразительного искусства народов Восточной и Юго-Восточной Европы в эпоху расцвета средневековой славянской культуры. По мнению оппонентов, особое достоинство книги в том, что в ней уделяется большое внимание вопросам культурного общения славянских народов. В силу ряда причин межславянское общение в эпоху средневековья было наиболее интенсивным именно в области книжной культуры, памятники которой и являются материалом исследования М. В. Щенкной.

Но автор не ограничивается этими широкими рамками исследования. Большую научную ценность представляют страници монографии, где рассматривается проблема формирования молдавского и валашского книжного искусства под влиянием более развитых в художественном отношении произведений болгарского искусства. Выступавшими были сделаны также и критические замечания. Ученый совет постановил присудить М. В. Щенкной степень доктора исторических наук.

● Вышел XXIX том Ученых записок Института славяноведения, посвященный освободительному движению западных и южных славян в XIX — XX вв. Том содержит статьи: Н. П. Мигляна. Революционно-демократическое движение в Сибири в канун восстания польских ссыльных на Кругобайкальской дороге; Т. Ф. Федосова. Польское студенческое общество в Московском университете (1855—1863 гг.); З. Я. Тальварская. Создание

Ошмянской революционной организации и общество «Пентковичей» в 1861—1862 гг.; В. П. Сторожук. Польская эмиграция в Румынию и восстание 1863 года (по материалам донесений дипломатических представителей России); Л. А. Обушевская. Архивные комплексы по истории восстания 1863 г. (документальные материалы административных органов управления территориями, охваченными восстанием); Ю. И. Штакельберг. Финансовые проскты повстанческого Национального правительства; В. Д. Конобеев. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853—1854 гг.; В. П. Грачев. Из истории изучения славянских средневековых институтов (вопрос о жупах и жупанах в историографии).

● В издательстве «Мысль» вышел сборник статей и материалов «Интернационалисты в борьбе за власть советов», подготовленный Институтом славяноведения АН СССР и Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская революция». В сборнике помещены следующие статьи и материалы: А. Клеванский. Военно-пленные центральных держав в царской и революционной России (1914—1918 гг.); В. Копылов. Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов интернационалистов (апрель 1918 г.); С. Штрангниц (ГДР). Из истории революционного движения среди немецких военнопленных в России накануне Октябрьской революции; А. Жилак (ВНР). Великий Октябрь и революционное движение военнопленных венгров в России (1917—1918 гг.); А. Манусевич. Из истории деятельности Польского комисариата (зима—весна 1918 г.); В. Рожко. Румынские революционные отряды на Юге Советской России (январь—апрель 1918 г.); М. Бирман. К истории возникновения Болгарской коммунистической группы в Петрограде (1918 г.); И. Очак. Югославские коммунистические группы РКП(б) в 1918 г.; А. Матвеев. Выявление иностранных интернационалистов в Средней Азии и революция в Австро-Венгрии и Германии (1917—1918 гг.); Ю. Щербаков. Иностранные интернационалисты в Татарии (1917—1920 гг.); А. Стрижкова. Печать иностранных интернационалистов в Советской России (1917—1920 гг.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ПЯТЫЙ СЪЕЗД СЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ

С 16 по 18 июня 1965 г. в г. Банска Быстрица проходил V съезд словацких историков, созданный Словацким историческим обществом при Словацкой академии наук. В работе съезда приняло участие более 150 работников научных исторических институтов, высших учебных заведений, архивов, музеев и учителей средних школ. На съезде присутствовали делегация Чехословацкого исторического общества, а также представители исторической науки Венгрии и Польши.

В центре внимания словацких историков стояли следующие проблемы. Во-первых, критический анализ достигнутых результатов за период, прошедший с IV съезда, который состоялся в 1962 г. в г. Кошице, и обсуждение актуальных задач словацкой историографии. Были заслушаны вступительный доклад директора Института истории САН, чл.-корр. ЧСАН Л. Голотика, а также содоклады, посвященные отдельным областям работы словацких историков: всеобщей истории (Л. Липтак), истории науки и техники (Я. Тибеский), истории права (Л. Бианки), истории искусства (Л. Саучин), истории школьного дела (Ф. Бокес), архивному делу (М. Кушник) и музейному делу (Я. Гузи). Участники съезда обсудили ряд важных методологических и научно-организационных вопросов, показали, что за истекшие три года словацкая историография достигла значительных успехов, оказала действенную помощь Коммунистической партии Чехословакии в преодолении последствий культа личности, имевших место в разных областях науки, культуры, политики и экономики. В этом прежде всего заслуга словацких специалистов, работающих в области новейшей истории. На съезде правильно отмечалось, что словацкая историческая наука за последние годы установила тесные и живые контакты с широкой общественностью. Как бесспорно прогрессивное явление подчеркивался и тот факт, что в своих исследованиях историки стали пользоваться новыми приемами, дающими возможность всесторонне и комплексно анализировать общественно-политические явления и процессы, изучаемые на основе демографических и социологических методов, которые в прошлом считались ненужными и бесполезными. Основной задачей словацких историков и в ближайшем будущем остается, как отметил Л. Голотик, систематическое и целенаправленное расширение исторических исследований, усовершенствование методов и повышение теоретического уровня работы.

Большое внимание участники V съезда словацких историков уделили вопросу преподавания истории в школе. После

вступительного доклада О. Стойка развернулась оживленная и плодотворная дискуссия, в которой приняли участие как историки-педагоги, так и историки—научные работники. Интересными и цennymi были выступления многих преподавателей истории (Л. Шустрова, А. Говорова, И. Житнянский, А. Ковач, К. Моропьва и др.), которые, опираясь на свой практический опыт и специальные педагогическо-социологические исследования, подвергли детальному анализу методику преподавания истории, качество учебников и обратили внимание на существенные недостатки в этой области. Основные итоги дискуссии по этим вопросам, уже давно волнующим словацких историков и педагогов, участники съезда сформулировали в принятой резолюции, адресованной ответственным органам просвещения. Эта резолюция содержит следующие рекомендации: установить правильные соотношения количества часов в преподавании новой истории и других разделов исторической науки; увеличить в средних общеобразовательных школах количество уроков по истории с 2-х до 3-х часов в неделю; в учебниках по истории отводить должное внимание освещению истории Словакии, а также уделять внимание основным событиям из истории национальных меньшинств, проживающих в социалистической Чехословакии; преподавать историю ЧССР в рамках всеобщей истории, уделяя должное внимание отечественной истории; более тщательно готовить к изданию учебники и учебные планы, изучать их воспитательные результаты. Можно ожидать, что педагогическая секция Словацкого исторического общества внесет немалый вклад в улучшение преподавания истории в школе, станет активным помощником при воспитании чувства патриотизма и пролетарского интернационализма у подрастающего поколения.

Однако, хотя на большое внимание, которое было уделено двум упомянутым проблемам, центральное место в работе съезда занимала третья тема: «Словаки и их национальное развитие». Ставя ее на обсуждение широкого пленума специалистов, словацкие историки хотели не только проверить, какой суммой новых знаний об истории своего народа располагает сегодня словацкая марксистская историография, но прежде всего задуматься над смыслом этой истории, над историческими судьбами народа, понять его стремление изгнать национальную независимость, а также преодолеть внутренние и внешние препятствия, которые мешали этому стремлению. В этом заключается основной смысл и основная идея

всех 11 докладов, в которых рассматривались события большого исторического периода с XI в. вплоть до освобождения в 1945 г. Это были следующие доклады: П. Раткош. Положение и формирование словацкой национальности в средние века (до 1530 г.); Б. Варсик. К вопросу о социальной и национальной борьбе в средневековых городах Словакии (XIII — XV вв.); И. Влахович. Национальная борьба в городах Словакии в XVI — XVII вв.; А. Шпис. Словацкое бургество в XVIII веке; Я. Тибенский. Добернолаковское национальное движение; И. Бутвиш. Словацкое национальное возрождение 1790—1848 гг.; Л. Гараксим. Словацкое национальное движение и положение в австрийской монархии в 1848—1849 гг.; К. Ребро. Государственно-правовые требования словаков в 1848—1849 гг.; Ю. Месаропш. Государственно-правовые устремления в словацком национальном движении с шестидесятых годов XIX в. до 1918 г.; З. Голотикова. Национальный вопрос в Словакии в годы первой Чехословацкой республики; И. Яблоницкий. Словацкий вопрос в период народно-демократической революции. К сожалению, в краткой информации нет возможности подробно остановиться на отдельных докладах. Отметим

лишь, что больше всего привлекли внимание участников съезда и вызвали самые горячие обсуждения три группы вопросов, освещаемых в перечисленных докладах, а именно: проблема этногенеза словаков в период раннего феодализма, проблема национального возрождения и прежде всего вопрос об оценке бернолаковского и национального движения в период буржуазной революции 1848—1849 гг., и, наконец, оценка народной и демократической революции 1944—1945 гг. и словацкий вопрос. Общей чертой всех докладов и выступлений было искреннее стремление авторов всесторонне показать исторические явления и события на основе всех доступных источников, причем часто были подвергнуты критической проверке и многие прежде установленные взгляды, проочно вошедшие в сознание самих историков.

Все материалы V съезда словацких историков будут опубликованы в ближайшее время: материалы к первой и второй темам программы на страницах «Historický časopis», а доклады и выступления, относящиеся к третьей теме, — отдельным сборником.

В. Матула

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПЯЗЫКОВ СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В БРАТИСЛАВЕ (Проблемы и перспективы)

1 января 1966 г. исполняется два года с момента образования Института мировой литературы САН, созданного как и Институт истории европейских социалистических стран¹ на базе бывшего Чехословацко-советского института Словацкой АН. За это время в основном сложился профиль Института, определилось направление его работы и место, которое он занял в системе родственных научных учреждений страны.

Институт мировой литературы и языков САН, директором которого является видный словацкий литературовед, профессор, доктор филологических наук Микулаш Бакош², сотрудничает и координи-

¹ Информацию о деятельности этого Института см.: Й. Грозиенчик. «Советское славяноведение», 1965, № 1, стр. 116—118.

² Из главных его работ по теории и истории литературы, имеющих особое значение для развития словацкого марксистского литературоведения, следует упомянуть следующие: «Vývin slovenského verša». Martin, 1939 (Изд. 2-е. Братислава, 1949); «Literatúra a nadstavba». Bratislava, 1960; «Problémy literárnej vedy včera a dnes». Bratislava, 1964. Много

ирует свою работу с Институтом языков и литератур ЧСАН в Праге и с Институтом словацкой литературы САН в Братиславе. В то время как пражский институт занимается, главным образом, подготовкой систематических изданий «Историй» той или иной иностранной литературы, Институт мировой литературы САН ориентируется, в первую очередь, на сравнительное изучение иностранных литератур, их взаимосвязей с литературой словацкой. Такое «разделение сфер» отвечает общим задачам исследования мирового литературного процесса, позволяет включить национальные литературы в более широкий контекст развития европейской или мировой литературы. Достижения в одной области исследований способствуют и ускоряют развитие исследований в другой.

В настоящее время в Институте мировой литературы САН имеется два сектора: 1. Литературоведения; 2. Языкознания.

специальных работ М. Бакоша печатались в различных сборниках, в журналах; «Slovenská literatúra», изд. САН; «Kultúrny život» (орган Союза словацких писателей), а также в иных периодических изданиях.

В Секторе литературоведения — 4 отдела: 1) теории и методологии (руководитель — проф. М. Бакоп); 2) славянских литератур (руководитель — канд. филол. наук Златко Клатик); 3) романских и германских литератур (руководитель — д-р Йозеф Феликс); 4) венгерской филологии (руководитель — канд. филол. наук Антон Попович).

Предусматривается также организация отдела документации и библиографии.

Ввиду того, что в Словакии есть также украинское и венгерское население, Институт мировой литературы САН является общегосударственным координационным центром в области изучения украинской и венгерской филологии.

Отдел славянских литератур занимается исследованием взаимосвязей словацкой литературы с большинством славянских литератур (кроме белорусской и лужицко-сербской). Его главной задачей является создание «Истории словацко-славянских литературных связей», над которой на протяжении ряда последующих лет будет работать коллектив исследователей. Издание предусматривает подготовку отдельных монографий, исследований и общих обзоров. В этих работах на конкретном материале словацко-славянских связей будут поставлены и некоторые теоретические вопросы сравнительной методологии. В пределах этой общей темы группа русской литературы, которая является наибольшей (4 исследователя), готовит несколько специальных работ: Э. Панова — «Пушкин в словацкой поэзии»; Д. Дюришин — «Гоголь и словацкий реалистический рассказ» (обе работы находятся в печати); С. Леснякова — «Й. Г. Тайовский и русская литература»; Т. Иванова — «Связи словацкой пролетарской литературы с русской советской литературой в 20-х гг.». В области словацко-украинских литературных связей соответствующую работу ведет М. Мольнар; словацко-южнославянским связям посвящена вышедшая в 1965 г. монография З. Клатика «Штуровцы и южные славяне». Молодой исследователь Й. Гвищ избрал темой своей будущей кандидатской диссертации «Словацко-польские литературные связи и формирование жанровых структур», а Я. Кошка готовит диссертацию по словацко-болгарским литературным взаимоотношениям. Коллектив сотрудников отдела славянских литератур сдал в печать сборник «Словацко-славянские литературные связи», которым откроется серия «Bibliotheca Slavica Slovaca». В эту серию войдут и другие вышеупомянутые работы и коллективные сборники сотрудников отдела.

Наряду с главным сравнительно-историческим направлением в отделе ведутся исследования по некоторым специальным в опросам истории славянских литератур.

М. Неврли работает над темой «Украинская советская поэзия 20-х годов», В. Хома пишет монографию об известном хорватском писателе Мирославе Крлеке, а аспирант П. Винцер — о польской авангардной литературе. М. Мольнар издал в Прешове в 1964 г. избранные произведения известного закарпатоукраинского поэта В. Гренджи-Донского, предпослав им свою критическую работу о жизни и творчестве этого певца карпатских полоний. В рабочих планах славистов института — монографии о великих славянских писателях (Иван Франко, Петро Негош, Христо Ботев и т. д.). Канд. филол. наук С. Леснякова готовит работу о русских писателях, творивших на рубеже XIX и XX вв.

Совместно с чешскими славистами отдел славянских литератур участвует в подготовке «Словаря чешских и словацких славистов» (членами редколлегии от словацкой стороны являются А. Попович и М. Лачоук). К этому же типу изданий примыкает «Библиография словацкой украинистики» (1945—1965), законченная недавно М. Неврли. Готовятся аналогичные библиографии по русистике, полонистике и т. д. «Словарь чехословацких славистов» и «Библиография словацкой украинистики» будут изданы к VI Международному съезду славистов.

В отделе западноевропейских литератур представлены следующие дисциплины: французская литература (д-р Й. Феликс), испанская (д-р В. Олерини), латино-американские литературы (В. Дубцова), немецкая литература (д-р Н. Краусова), англо-американская литература (Й. Олекса и аспиранты З. Пищек и З. Ботова). Сотрудники отдела заняты подготовкой коллективного сборника «Исследования по истории западноевропейских литератур». Особое внимание в нем будет уделяться связям той или иной западной литературы с культурой словацкого народа. Под тем же углом зрения ведется изучение венгерской литературы (аспирант Р. Хмел).

Сектор языкоznания продолжает работу над академическим пятитомным «Большим русско-словацким словарем», третий том которого находится в печати. Сотрудники сектора проводят также исследования по сравнительному изучению русско-словацкой грамматики. В перспективных планах сектора — сопоставительное изучение других славянских языков в их взаимодействии с языком словакским.

Отдельной рабочей группой института является группа теории литературы (руководитель — проф. М. Бакоп), занятая исследованием теории литературы и методологии литературоведения, закономерностей развития социалистических литератур. С 1966 г. группа сосредоточивает свои усилия на проблемах сравнительного изучения славянской метрики. Эта тема относится к числу работ, координируе-

мых Институтом словацкой литературы САН в Братиславе, Институтом чешской литературы ЧСАН в Праге и Институтом литературы исследований Польской АН в Варшаве.

Наш институт активно сотрудничает с родственными научно-исследовательскими учреждениями в братских социалистических странах. На организованных Институтом общегосударственных научных конференциях, посвященных 150-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко и 100-летию со дня смерти О. В. Духовича в числе участников были и советские украинские ученые. Вместе с Институтом славяноведения АН СССР в Москве наш институт готовит издание архивных материалов и документов из истории словацко-русских литературных связей.

В ближайшие годы наш институт совместно с другими научными учреждениями рассчитывает организовать три международные научные конференции — в 1966 г. конференцию о словацко-южнославянских литературных связях; в 1967 г. о словацко-польских и в 1968 г. о словацко-русских и словацко-украинских литературных связях. Материалы этих конференций (лучшие доклады и выступления) впоследствии будут изданы в виде специальных сборников. Отдельные работы будут печататься на языке оригинала. Мы надеемся, что конференции являются конкретной формой научного сотрудничества славистов различных стран.

Вместе с родственными институтами САН в Братиславе и ЧСАН в Праге наш институт в октябре 1965 г. организует в Смоленицах научную конференцию о литературном авангардизме. Конференция должна оценить роль авангардистских тенденций в развитии прогрессивной литературы XX в., в развитии чешской и словацкой литературы в особенности. В конференции примут участие известные исследователи из социалистических и западных стран.

Необычайно полезными являются также прямые контакты института с зарубежными филологическими учреждениями. В 1964 г. делегация нашего института (директор М. Бакош, ученый секретарь М. Мольнар и Й. Феликс) посетила научные учреждения Киева (Институт литературы АН УССР), Москвы (Институт славяноведения АН СССР и Институт мировой литературы АН СССР им. М. Горького), Ленинграда (Пушкинский Дом АН СССР) и Львова (Государственный университет им. И. Франко), где познакомилась с организацией научной работы и с планами этих учреждений. Летом 1965 г. делегация института (М. Бакош, З. Клатик и М. Мольнар) побывала в Югославии и Болгарии, установив на месте конкретные формы сотруд-

ничества между нашими и югославскими, а также болгарскими научными работниками.

Ценными для обеих сторон были визиты зарубежных ученых в наш институт. В прошлом и этом году институт посетил венгерский ученый Е. Андял (Дебрцең), который информировал нас о работе венгерских славистов и прочитал интересный доклад о маньеризме в балканских литературах. Интересной была также встреча наших литераторов с научным работником Института славяноведения АН СССР Л. Кишкиным, доцентом Киевского университета Н. Жук и заместителем председателя Союза писателей Украины Платоном Воронько. В 1964 г. наш институт посетил французский литераторовед Мишель Декадье. Летом 1965 г. у нас в гостях была делегация Института литературы АН Украинской ССР (д-р филол. наук О. Засенко и канд. филол. наук В. Шевчук и М. Грициуга). В институтском семинаре доктор филол. наук О. Засенко прочитал доклад об украинско-словацких литературных связях, а в Литературovedческом обществе, деятельность которого координируется институтом, познакомил наших литераторов с основным кругом проблем, разрабатываемых современным украинским литератороведением. В дискуссии по поводу этих докладов наши и украинские ученые обменялись мыслями о методах и формах литературных исследований, в частности, о работе над историями своих национальных литератур.

В последнее время наш институт посетили д-р Петер Кирхнер из ГДР, доктор филол. факультета Львовского государственного университета им. И. Франко и Дорошенко и львовский писатель Роман Иванчук. Нашими гостями были также слависты Польши, Югославии, Болгарии и Кубы.

Институт мировой литературы и языков САН заботится о воспитании научных кадров. В настоящее время в институте имеется 8 аспирантов и два научных стажера. Координируя литературovedческие работы в Словакии наш институт поддерживает самые тесные связи с филологическими факультетами чехословацких университетов и других наших научных учреждений. К нему организационно прикреплен Словацкий комитет славистов (а также ряда специальных комиссий), который с 1963 г. начнет издавать собственный периодический орган «Slavica Slovaca» (его будут редактировать сотрудники нашего института). Журнал планируется выпускать четыре раза в год, причем два его номера будут посвящены литературovedению, два — языкоzнанию.

M. Неврчи

СЕКТОР ИСТОРИИ СССР И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В марте 1962 г. в Институте истории ПАН был создан сектор истории СССР и Центральной Европы. Его возглавляет профессор д-р. Рафал Гербер.

Организация сектора была обусловлена необходимостью развертывания и координации изучения новой и новейшей истории стран Центральной и Восточной Европы, в число которых входит и Польша. В последние годы внимание польской исторической науки было сконцентрировано на проблемах внутренней истории. Многое было сделано как в области конкретных исследований, так и в деле создания новой концепции истории Польши на основе марксистской методологии. Однако эти исследования, значение которых весьма велико, страдали определенной односторонностью. В поле зрения прежде всего находились польские аспекты, в то же время недостаточно учитывалось влияние событий в соседних государствах на историю польского народа. Эта односторонность обуславливалась тем, что на изучение новой и новейшей истории СССР и Центральной Европы обращалось мало внимания. В свое время проблемами польско-русских и польско-советских отношений занимался только Польско-советский институт. Наряду с изданием документов, исследования в этой области начал вести и сектор истории польско-советских отношений ПАН. Более широкой и хронологически более ранней тематикой занимались по собственной инициативе лишь отдельные лица; число опубликованных ими работ было невелико.

Однако сама жизнь, т. е. все более растущее политическое и экономическое сотрудничество стран социалистического лагеря, требовала расширения изучения их прошлого.

Эти исследования можно было бы осуществлять по трем направлениям: изучать историю взаимоотношений Польши с ее соседями в Центральной и Восточной Европе, или отношения государств данного района вообще, либо, паконец, вести параллельные исследования некоторых аспектов внутренней истории отдельных стран.

Окончательную ясность в данный вопрос внесло совещание историков, занимающихся новейшей историей, созданное по инициативе сектора 15 декабря 1962 г. Участники этого совещания указывали на необходимость проведения широких работ по публикации документов, а также подчеркивали, что ограничение задач исключительно исследованием связей Польши с ее соседями было бы по существу неверным и поэтому было рекомендовано заниматься и историей отдельных государств. Постепенно определился конкретный тематический план исследова-

тельских работ сектора. Однако он был не очень обширен; сказывалось отсутствие кадров. Возникла необходимость параллельно с подготовкой молодых специалистов по истории различных стран. В связи с этим большинство тем, запланированных сектором, составляют докторские диссертации.

Стремясь постепенно охватить исследованиями историю СССР и стран Центральной Европы, сектор последовательно проводит специализацию исследователей. Например, историю Венгрии, а также участие поляков в венгерской революции 1848—1849 гг. изучает проф. Р. Гербер, который одновременно исследует национальный вопрос в австро-венгерской монархии. Над проблемами истории СССР работает д-р Ю. Левандовский, который к 50-й годовщине Октябрьской революции готовит работу «Ленинград в 1917 году». Польско-советским отношениям в 1920—1923 гг. посвящена докторская диссертация магистра Куманецкого. Историей прибалтийских государств занимается П. Лоссовский, защитивший докторскую диссертацию на тему: «Польско-литовский конфликт в 1918—1920 гг.» и продолжавший работу над этой и смежной тематикой («Переворот правых в Литве в 1926 г.», «Литовско-советский договор от 28 сентября» и другие работы). Им также разработана другая тема — «Политика царского правительства в прибалтийских губерниях в 80-х годах XIX века». В. Бальцерак, написавший докторскую диссертацию, посвященную внешней политике Польши в период Локарно, специализируется в области изучения польско-чехословацких отношений (статья «Польско-чехословацкие отношения в 1923—1925 гг.») и внешней политики Чехословакии (книга «Роль Чехословакии в Малой Антанте»). Аналогичной проблематикой занимается магистр Л. Бучма; она готовит докторскую диссертацию об отношении Польши к Малой Антанте. О польско-венгерских отношениях в 1938—1944 гг. пишет докторскую диссертацию магистр М. Козьмийский, приступивший одновременно к разработке большой темы «Национальный вопрос в Югославии в 1918—1929 гг.». На тему об отношениях стран Центральной Европы к апеллюсу Австрии готовят докторскую диссертацию магистр З. Колодзайчик.

Тематика, которой занимается сектор, однако значительно шире перечисленной. Ясно, что небольшой коллектив сотрудников сектора не в силах охватить весь круг памятников к изучению проблем. Поэтому большое значение имеет сотрудничество с историками из других польских и зарубежных научных центров. Одним из проявлений такого рода сотруд-

ничества явилась научная конференция, организованная сектором 27 и 28 мая 1965 г., в которой приняли участие около 80 человек. Из 9 докладов, зачитанных на конференции, 3 были подготовлены сотрудниками сектора (Р. Гербер — «Влияние революции 1905 года на страны Центральной Европы», П. Лоссовский — «Революция 1905 г. в прибалтийских губерниях», Ю. Левандовский — «Первые попытки интеграции Центральной Европы после первой мировой войны на фоне польско-чехословацкого соперничества»). Остальные 6 докладов прочитали историки из других научных центров: проф. Л. Базылев (Варшава) «Из проблематики генезиса революции 1905 года», д-р В. Серчик (Краков) «Революция 1905 года на Украине», д-р М. Вежховский (Варшава) «Польский вопрос в программах и тактике русских политических партий в 1905—1914 гг.», док. А. Галлес (Вроцлав) «Националистические организации в Австро-Венгрии на фоне националистических союзов в Европе», док. Ю. Бушко (Краков) «Австро-Венгрия и проблема экспроприации поляков в 1908—1914 гг. на территориях, находившихся под властью Пруссии», д-р К. Розен-Завадский (Варшава) «Военный план Австро-Венгрии в первой мировой войне».

Как видно, тематика конференции касалась двух основных проблем: революции 1905 года и вопросов, связанных с историей Австро-Венгрии в XIX в. И доклады, и оживленная дискуссия, в которой приняли участие проф. Г. Верещагинский (Краков), проф. К. Душин-Вонсович (Варшава), док. Е. Охманский (Познань), дали много нового материала и интересных оценок. Конференция может служить свидетельством заметного прогресса в области изучения истории СССР и стран Центральной Европы польскими историками.

Сектор приступил также к изданию ежегодника под названием «Исследования по истории СССР и Центральной Европы». 1 том содержит статьи М. Танти «Происхождение славянского съезда 1867 года», П. Лоссовского «Газета

“Auszga” и начало литовского национального движения (1883—1886)», чехословакских авторов Й. Гавранека «Развитие чешской деревни во второй половине XIX века» и И. Коржалки «Немецкая империя и чешский вопрос в конце XIX в.», М. Вежховского «Польская проблематика в русской либеральной прессе в 1907—1912 гг.» и К. Розен-Завадского «Попытки федерации Центральной и Восточной Европы (1939—1943)». В ежегоднике отрецензированы труды польских, советских, чехословакских, венгерских, румынских и английских авторов по проблемам Центральной и Восточной Европы.

II том «Исследований» содержит материалы конференции 27—28 мая 1965 г. и статьи Г. Верещагинского «Польский вопрос в политике великих держав в конце XIX века», В. Оливовой «Политика Чехословакии по отношению к Польше во время польско-советского конфликта в 1920 г.» и В. Бальцера «Польско-чехословацкие отношения в 1923—1925 гг.». Во второй том включен также библиографический раздел, содержащий перечень статей по истории СССР и Центральной Европы, помещенных в течение последних лет в зарубежных исторических журналах.

В целом можно считать, что первый этап работы (подготовка кадров и начало исследований) сектором истории ССР и стран Центральной Европы уже завершен. В ближайшем будущем наряду с продолжением индивидуальных исследований можно будет приступить к работе над коллективными трудами. Проектируется работа над темой «Движение сопротивления в странах Центральной Европы в 1938—1945 гг.». Этот труд создаст условия для интересных с методологической точки зрения сравнительных исследований. Предусматривается также издавать сборники документов, касающихся отношений Польши с отдельными странами Центральной Европы. Эти издания будут осуществляться в сотрудничестве с научными коллективами соседних с Польшей стран.

П. Лоссовский

IX ЛЕТНЯЯ ШКОЛА СЛАВИСТОВ В ПРАГЕ

В августе 1965 г. в работе пражской Летней школы славистов приняли участие 110 человек из 22 стран мира.

Из Советского Союза прибыли: Б. М. Рудольф, доцент исторического факультета МГУ; Н. Г. Самсонов, старший преподаватель Якутского университета; Н. А. Соболева, аспирантка исторического факультета МГУ; Г. И. Еремеева и Л. Н. Титова, научные сотрудники Института славяноведения АН СССР; И. И. Поп, аспирант Института славяноведения; Т. В. Владиславлева, старший библиограф ФБОН; И. С. Улуханов, научный

сотрудник Института русского языка АН СССР; Р. Кучер и Н. Коваленко — студентки филологического факультета Киевского университета.

Другие страны были представлены как научными работниками и преподавателями высшей школы, так и студентами старших курсов и аспирантами. Студенты и аспиранты составляли около 70% всех участников школы, около 20% — преподаватели и научные работники, остальные — редакторы, переводчики, работники библиотек. Руководителем IX Летней школы славистов был профессор д-р

А. Достал, его заместителем — доцент д-р К. Мейдржицка.

Так как впервые в этом году начала работать словацкая Летняя школа, то для участия в ее работе в Братиславу через несколько дней после открытия пражской школы уехали 20 участников, специализирующихся в различных областях словацкой культуры. Новинкой пражской школы была организация специальных курсов для русистов. Их слушатели были освобождены от занятий чешским языком. Для них проводились практические занятия и читались на русском языке специальные лекции.

Программа была очень насыщенной. Ежедневно с 9 до 11 часов проходили занятия чешским языком. Все участники школы были разделены на 9 групп в соответствии с уровнем знаний языка. Для определения этого уровня каждый был подвергнут письменному экзамену. С 11 до 13 часов читались лекции для каждой из трех секций школы — лингвистической, исторической, литературоведческой. Некоторые лекции общего характера предназначались для всех участников школы (М. Чижковский — «Экономическая система ЧССР, ее возникновение, развитие и изменение», М. Томчик — «Культурно-политическое развитие ЧССР 1945—1965»). Лекции читались, как правило, видными чехословаками

ученymi: А. Досталом, Я. Беличем, Я. Мукаржовским, Ю. Доланским, Й. Попиленским. В большинстве случаев они носили информационный характер. Небольшая часть их была посвящена конкретным проблемам той или иной области чешской культуры: Ю. в. птицер — «Словацкий авангардизм и ДАВ», И. Слама — «Старославянские поселения на территории Чехословакии», Р. Квачек — «Распад Малой Антанты в 30-е гг.», Т. Силлаба — «Т. Г. Масарик и русский вопрос» и др.

Весь месяц занятия проходили в Праге. Программа школы предусматривала знакомство с культурными достопримечательностями Праги и ее окрестностей, памятниками архитектуры, национальными галереями. Для слушателей были организованы концерты из произведений Моцарта, Дворжака и Сметаны в музеях этих композиторов, показывались современные чешские фильмы. Была также организована интересная поездка по южной Чехии, посещение городов Ольлик, Звиков, Табор, Гусинец, Прахатице, Глубока, Ческе Будешицы и др. Летняя школа славистов как своеобразный вид научного туризма дает безусловно очень много для знакомства со страной, совершенствования языковых знаний, сплочения славистов многих стран мира.

Л. Титова

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ПО БАЛКАНИСТИКЕ

Вышел из печати первый номер журнала «*Etudes balkaniques*» — органа Института балканстики Болгарской академии наук, основанного в конце 1963 г. Номер открывается кратким вступлением, написанным вице-президентом БАН академиком В. Георгиевым, в котором выражается надежда, что новый журнал будет содействовать взаимному ознакомлению и сближению балканских народов, созданию атмосферы мира и взаимопонимания между ними, а также укреплению сотрудничества ученых-балкановедов. В предисловии, написанном директором Института балканстики Н. Тодоровым, рассказывается об основных задачах Института, направленных в целом на раскрытие единства и разнообразных аспектов балканской цивилизации.

Основной раздел журнала открывается статьей К. Манчева «Югославия и фашистские государства в канун второй мировой войны (1937—1939)». Автор поставил перед собой цель показать отношение правительства Стоядиновича и Цветковича к наиболее важным международным проблемам указанного периода и, в частности, проводившуюся ими политику подчинения Югославии фашистской Италии и гитлеровской Германии.

В статье «К вопросу о рабочем и социалистическом движении Турции по-

ле младотурецкой революции 1908 г.» С. Великов рассматривает деятельность некоторых рабочих организаций и профсоюзов в тогдашней Турции, в том числе в Македонии и Адрианопольском вилайете, и влияние, которое оказало на них болгарское социалистическое рабочее движение. Статья С. Димитрова «Сербия и крестьянское восстание 1850 г. в Болгарии» трактует вопрос о восстании в северо-западной Болгарии, которым завершился целый ряд крестьянских выступлений против турецких поработителей, и о влиянии, которое оказало на это восстание территориальная близость Сербского княжества.

В статье Н. Тодорова рассматривается вопрос об участии болгар в организованном гетерийи восстании 1821 г. в Дунайских княжествах. Статьи Б. С. Англова, В. Тышковой-Заимовой и В. Велкова содержат интересные сведения о болгаро-византийских литературных связях, некоторых аспектах славянской колонизации в Македонии и Греции, а также по вопросу о рабстве на Балканском полуострове в период античности. Разнообразный материал имеется в разделах сообщений, критики и библиографии и хроники научной жизни.

Л. В.

CONTENTS

- I. N. Chempalov. The Strengthening of the Positions of the German Capital in Bulgaria in the X-X-ies of the XX century. Z. Sladek, M. Schwankmeyer (Czechoslovakia). The Bourgeois Historiography on the Czechoslovak-Soviet Relations. P. Olshansky. On Vera Khoruzhaya's Activity in Western Byelorussia in 1924–1925. G. Ja. Ilyina. The Main Tendencies of the Development of the Croat Literature in the Period Between the Two Wars (1918–1941). M. M. Kopylenko. How Should the Language of the Earliest Slavic Written Texts Be Called?

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

- I. Svirida.* From the History of the Cultural Construction in People's Poland (Plastic Arts). *E. M. Pospelov.* On Certain Problems of Mapping in Linguistic Geography. *J. Podgóreczny* (Poland). The Polish Peasant Under the Prussian Order. *I. D. Ochak.* Philip Philopović's Unknown Letter.

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

- E. L. Nemirovski*. New Books on the Initial History of the Slavic Book Printing.
A. V. Kallosh. New Literature on the History of the Jugoslav Theatre. *A. Ja. Manusevich*. *A. Kh. Klevansky*. Czechoslovak Internationalists and the Betrayed Corps. *V. A. Motornyi*, *V. Ja. Gordiyenko*. A Monograph on the History of the Social Thought in Galizia. *A. Vinogradova*. A New Book on the Czechoslovak Peasantry. *L. S. Kishkin*. Vilem Mrštík in the Struggle for the Czech Realist Art. *K. Genov* (Bulgaria). Two Books on the Modern Bulgarian Literature. *S. Sherlaimova*. A New Work on the Czech Poetry. *T. Popova*. Стойко Стойков. Българските народни говори.

Book annotations

- S. N. Zlupko, Ja. S. Honigsman. The Critique of the Economic Conceptions of the Czech Reformism. Ju. D. Belyaeva. Илия Конев. Българо-сръбски литературни взаимоотношения през XIX век (до освобождението). E. Lvova. A Book on the History of the Bulgarian Esthetic Thought. S. B. Bernshtein. К. Мирчев, X. Кодов. Ениスキ апостол. Старобългарски паметници от XI в.

B i b l i o g r a p h y

- The Main Articles and Materials on the Modern States, History, Culture and Languages of the Foreign Slavic Peoples published in the Soviet Periodicals in 1965 (Continued). The Contents od the Foreign Magazines.

SCIENTIFIC LIFE

- S. N. The Slavic Problems at the XII International Congress of Historiography in Vienna. E. P. Naumov. A Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe. I. G. Matviyas. A Conference on the Ukrainian Dialectology. B. N. Putilov. In the Sector of the Folk Art of the Institute of Russian Literature of the USSR Academy of Sciences. N. M. Menshova, Z. G. Samodurova. In the Sector of Byzantology the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. I. V. The Presentation of the Graduation Papers at the Section of History of the Western and Southern Slavs the Moscow University. Chronicle Notes. At the Institute of Slavic Studies the USSR Academy of Sciences.

Scientific Life Abroad

- V. Matula (Czechoslovakia). The Fifth Congress of Slovac Historiographis. M. Nevrlí (Czechoslovakia). The Institute of the World Literature and Languages of the Slovak Academy of Sciences in Bratislava. P. Łosowski (Poland). The Sector of the History of the USSR and Central Europe the Polish Academy of Sciences. L. Titova. The IX Summer Slavic School in Prague. L. V. A New Magazine Devoted to Balkan Studies.

Адрес редакции: Москва, Г-60, Трубниковский пер., 30а, тел. В 1-27-40

Технический редактор *T. A. Михайлова*

Тираж 1100 экз.

Зак. 3112

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Б.ДОРСГОМИЛОВСКАЯ
д. 31 кв. 186
ТОЛСТОМУ И.И.
31.12.68 СРДР

Индекс
70891

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА» И КНИГОТОРГОВ ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

«ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»:

1. Галл Аноним. Хроника и деяния князей и правителей польских. 1961. 171 стр. 65 коп.
2. Козьма Пражский. Чешская хроника. 1962. 296 стр. 98 коп.
3. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. 1962. 330 стр. 1 р. 17 к.

ВОССТАНИЕ 1863 г. И РУССКО-ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ 60-Х ГОДОВ. Сборник статей и материалов. 1960. 731 стр. 3 р. 08 к.

Пашута В. Т. ПОМЕЗАНИЯ. «ПОМЕЗАНСКАЯ ПРАВДА» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ПОМЕЗАНИИ XIII—XIV вв. 1955. 179 стр. 25 коп.

В магазинах «Академкнига» [магазин № 1 — Москва, ул. Горького, 8; магазин № 2 — Москва, ул. Вавилова, 55/5] можно приобрести все номера журнала «Советское славяноведение» за 1965 г., кроме № 1.

Журналы и книги могут быть высланы почтой наложенным платежом. Для этого свой заказ направьте по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, Центральная контора «Академкнига».